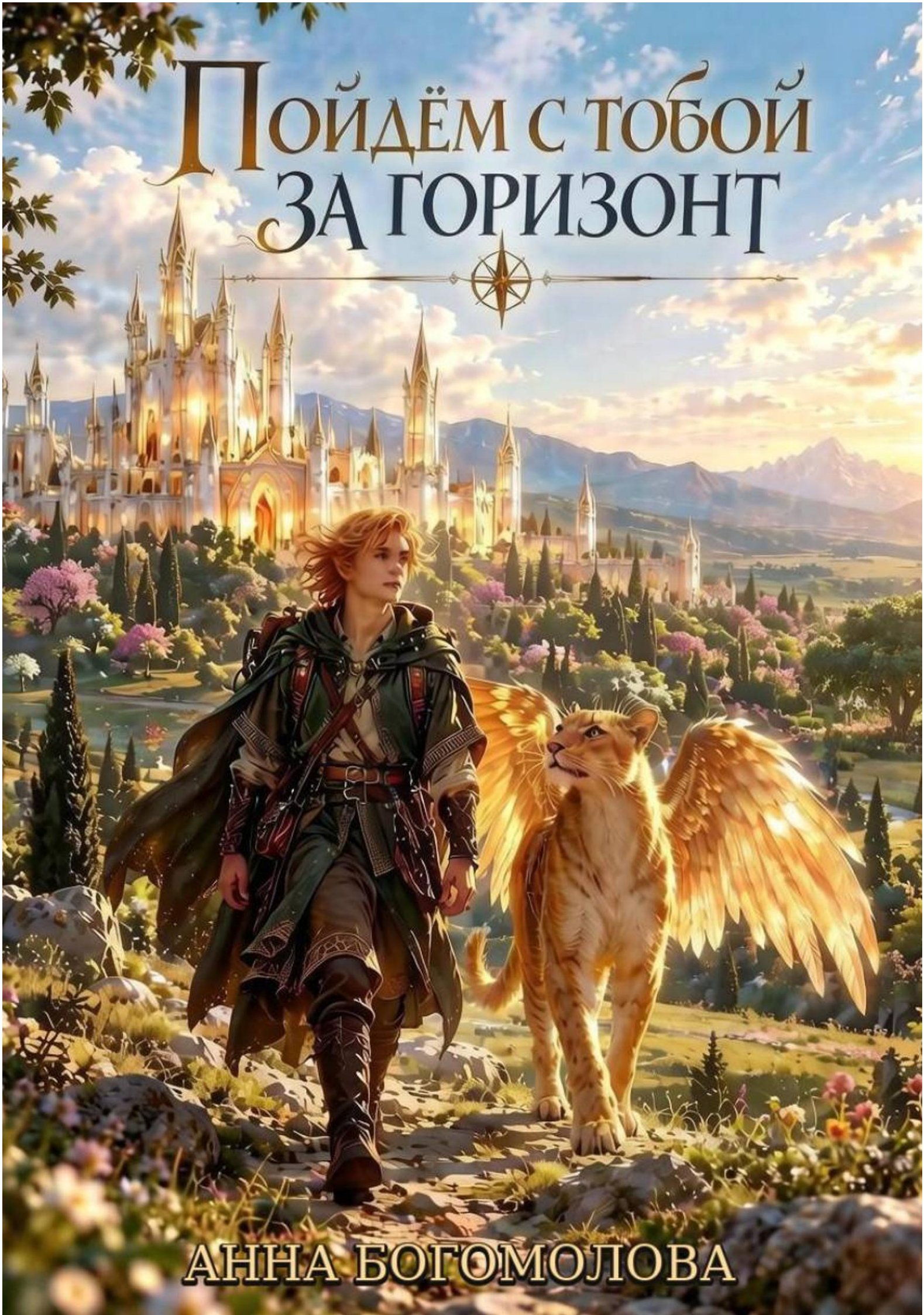

Пойдём с тобой
за горизонт
Анна Богомолова

Анна Богомолова

Пойдём с тобой за горизонт

«Автор»
2026

Богомолова А.

Пойдём с тобой за горизонт / А. Богомолова — «Автор», 2026

Юный эльфийский принц Элай с детства грезит о море, на берегах которого лежит утраченная родина его народа. А его лучшая подруга Кьяра — необычная крылатая пантера — мечтает о полёте, который по неведомым причинам ей никак не даётся. Вместе они исследуют мир вокруг родного Замка и постоянно попадают в удивительные, а порой и опасные приключения.Но с каждым новым открытием привычный мир предстаёт перед друзьями всё более загадочным. Древние стражи, зловещий лес, таинственные голоса, предсказание волшебного озера И опасность, затаившаяся совсем рядом, о которой никто даже не подозревает.Каково видеть мир чужими глазами? Как отличить правду от морока? И как найти настоящее в лабиринте иллюзий, не потеряв себя и друг друга?

© Богомолова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Глава 1. Ну, здравствуй 8
Глава 2 Ты куда суёшь свой нос? 12
Глава 3. Куда приводят мечты и мелкие земноводные 21
Глава 4. Что это там светится? 29
Глава 5. Чудесный мир воображения 40
Глава 6. Разве мы не будем жить вечно? 49
Глава 7. Когда мир переворачивается 81
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Анна Богомолова
Пойдём с тобой за горизонт

Предисловие

Где-то далеко-далеко в космической бездне, а может быть, в альтернативной реальности… когда-то давно существовал, а может, существует прямо сейчас – кто разберётся в этом запутанном пространстве-времени?.. Словом, существовал где-то один удивительный мир – прекрасный и ужасный одновременно, смотря куда заглянуть. Он был очень похож на нашу Землю, какой она была до технического прогресса, и всякий житель Земли посчитал бы этот мир своим вторым домом и остался там жить, если бы только смог принять в свою жизнь магию… и её разнообразные последствия. Но у жителей Аора́ны (так назывался тот мир) не имелось в этом никакого выбора, ибо деваться им было некуда. Им *приходилось* иметь дело с магией – к добру или к худу.

Например, эльфы – один из народов Аораны – обладали к ней особой чувствительностью, что, конечно же, давало свои преимущества и недостатки. Многие рождались с магическими способностями, магия вошла в эльфийский быт (и иногда даже за настоящую магию не считалась), эльфы легко настраивались на магические энергии конкретной местности, но и сами взамен становились уязвимы перед ними, подвергаясь опасности чуждого влияния, а иногда это даже порождало определённую зависимость с далеко идущими последствиями.

Следует также сказать, что магия не была для того мира чем-то аномальным или неестественным, она не искажала законов природы – наоборот, являлась её частью, такой же, как воздух или магнитное поле. Потому-то эльфы её и чувствовали. Будучи детьми природы, они близко с ней соприкасались – с ней и со всеми её аспектами, включая магические. Разумеется, в эти аспекты входила и так называемая живая природа – мир растений и животных, и большинство талантов и усилий эльфов было направлено именно на то, чтобы жить с этим миром в полной гармонии: наука ботаника являлась любимой, а способность понимать животных – врождённой. А ещё они были без ума от красоты и боготворили её, возводя на божественный пьедестал, – даром что других богов, кроме довольно туманных и абстрактных Создателей, не знали. Но красота, в отличие от далёких Создателей, была рядом – везде и всюду (а эльфы только в таких местах и селились); красота нужна была им, как воздух, и если эльф не полюбовался чем-нибудь в течение дня, у него портилось настроение. По той же причине в эльфийском обществе пышным цветом цвело искусство – создание красоты казалось им таким же прекрасным занятием, как и любование ею. Почти каждый эльф, независимо от профессии, имел какое-нибудь творческое хобби: живопись, музыка, стихи, скульптура, театральные представления, даже обычное вышивание крестиком считались почётными и стоящими.

Когда-то в давние времена эльфы жили в больших эльфийских королевствах, но постепенно те измельчали; самих эльфов тоже стало меньше. Наконец дошло до того, что эльфийский народ распался на отдельные кланы и племена, и разбрёлся по свету. Но их любовь к природе и красоте осталась, поэтому места для проживания они придирчиво выбирали самые красивые. В этих местах неизменно царило лето, поля были плодородны до неприличия, а рядом обязательно рос какой-нибудь чудесный лес. Погода круглый год стояла превосходная, что могло бы показаться странным, и среди самих эльфов даже ходили слухи, что это они сами так влияют на погоду – волшебным образом. Однако никто эти слухи так до сих пор и не подтвердил, но и не опроверг…

В одном таком месте, во всех смыслах прекрасном, вот уже более тысячи лет обитало небольшое (в две-три сотни душ) эльфийское племя. Большинство из них жили в просторном,

светлом и невероятно красивом (а как иначе?) Замке, стены которого были сложены из зачарованного полупрозрачного камня, внешне напоминающего хрусталь (но, конечно же, прочнее). Камни светились мягким внутренним светом, а их цвет зависел от внешнего освещения: в ясный день они будто впитывали солнечные лучи и сами начинали сиять, как солнце, в пасмурную погоду становились сумрачно-серыми, под стать клубящимся тучам, а ночью мерцали бело-голубым – подобно луне и звёздам. Замок имел пять этажей и четыре башни по сторонам света, которые заканчивались тонкими шпилями, устремлёнными ввысь, в бездонное небо, – такими длинными, что, если запрокинуть голову, могло показаться, будто они задевают облака… Также у Замка имелись большие главные двери, выходящие во двор, несколько боковых, множество широких окон, балконов и балкончиков с узорчатыми перилами и балюстрадами, многочисленные карнизы и наличники… и всё строение выглядело таким изящным и воздушным, будто вот-вот воспарит над землёй и улетит, гонимое ветром, куда-то за горизонт. Надо ли говорить, что эльфам их Замок очень нравился. Возможно, именно поэтому они его и построили, вместо того чтобы селиться в маленьких отдельных домиках. А может, это просто была тоска по прежним временам, когда они жили в больших городах с прекрасной архитектурой.

Внутри Замка на первом этаже располагался Главный зал – светлый, с панорамными окнами, а также другие залы поменьше, столовая, кухня, некоторые мастерские, комнаты отдыха. Верхние этажи в основном состояли из жилых комнат, но были там и общие помещения, например, замковая библиотека. Снаружи Замок окружали хозяйственные постройки, огороды и любимые всеми эльфами Сады с плодовыми деревьями – яблонями, грушами, вишнями… А также с многочисленными дорожками, скамейками, фонарями, фонтанами… Ручьями и декоративными прудиками… Эльфы очень старались обустроить свою жизнь как можно лучше, и природа, казалось, помогала им в этом изо всех сил: тёплый климат позволял снимать урожаи круглогодично, повсюду неизменно витал фруктовый либо цветочный аромат, а множество птиц облюбовали Сады и целыми днями услаждали слух своим пением и заливистыми трелями.

Всё это хозяйство находилось посреди обширной травянистой равнины, которую эльфы называли Долиной. На юге в дне ходьбы рос обязательный чудесный лес. На востоке (в нескольких часах) протекала широкая река, которая звалась Дарлинкой. Она брала начало в виде более мелких и быстрых речушек в далёких северных горах, но незаметно остепенялась и замедлялась, и в лес входила уже не торопясь – величественно и плавно. Северные же горы одним огромным массивом продолжались ещё дальше на север, но также и в восточную сторону, где вскоре разворачивались к югу и одной длинной горной грядой, идущей параллельно реке (но в нескольких днях пути от неё), ограждали местность эльфов с востока – от земель, о которых те ничего не знали. На западе же ничего не было, кроме бесконечных полей и лугов. И где-то там, далеко, в неделях пути находились ещё несколько эльфийских поселений.

Общественный строй эльфов можно было бы назвать свободным. У них отсутствовали какие-либо касты или классы. И хоть все имели занятия и обязанности, выбирали их себе по душе. Также у этого конкретного племени имелись король и королева. Эти громкие титулы остались ещё со времён королевств, но когда те распались и монархия упразднилась за ненадобностью, стали означать несколько иное. Теперь король и королева считались скорее отцом и матерью племени, заботящимися о нём, как о своей семье. Впрочем, несмотря на то, что они уже не были единоличными диктаторами, их указания всегда неукоснительно выполнялись, а титулы всё ещё передавались по наследству. Происхождение своё короли вели, по-видимому, из какого-то древнего королевского рода, который в период распада королевств сохранил своё влияние и ближайшее окружение, которое и стало впоследствии племенем. За эту версию говорило и то, что другие поселения могли похвастаться лишь старейшинами без всяких титулов.

Нынешних короля и королеву звали Эларио́н и Лора́на. И они были очень, очень счастливы – пять лет назад у них родился первенец – маленький сын по имени Эла́й. Чтобы понять всю глубину радости счастливых родителей, нужно узнать, почему во всём Замке, постоянно наполненном оживлёнными голосами, музыкой, пением и другими повседневными звуками, никогда не слышалось детского смеха. А всё потому, что ни в Замке, ни за его пределами, кроме Элая, не было ни одного ребёнка. И объяснялось это тем, что эльфы имели очень серьёзные проблемы с рождаемостью. Возможно, причина заключалась в их долголетии, которое природа таким образом компенсировала. Чета становилась родителями от силы один-два раза за всю их многовековую жизнь. А так как племя было не так уж велико, дети в нём рождались далеко не каждый год. Иногда проходило целое десятилетие без единого рождения; в итоге каждое такое событие становилось поводом для праздника, а счастье родителей не знало границ. Но это, пожалуй, единственное, что омрачало спокойную, размеренную жизнь эльфов Долины. В остальном она проходила здесь легко и радостно. Дни пролетали беспечно и незаметно, всего было в достатке, места́ – полностью безопасные, и казалось, идиллия будет длиться вечно… Но почти все ныне живущие эльфы родились уже здесь, в Долине, – это был их дом. А поэтому мало кто из них по-настоящему помнил, что они, по сути, беглецы – беглецы, платящие определённую цену.

Глава 1. Ну, здравствуй

Элай рос весёлым мальчиком с лёгким характером, подвижным и любящим приключения. Конечно, в самые первые годы жизни приключенческий радиус ограничивался пределами комнаты, в которой он оказывался, но всё у него было впереди.

Излишне говорить, что он был любим не только своими родителями, но и всем эльфийским племенем. Детей к тому времени не рождалось уже два десятилетия. Это был один из тех длительных полностью бездетных периодов, которые периодически наступали у эльфов, и появление малыша, тем более у короля и королевы, встретили всеобщей радостью и многодневным празднованием. Но и сам по себе маленький Элай вызывал у всех сплошное умиление: пшеничные волосы торчали во все стороны, как пушинки одуванчика, любопытные глазёнки тёмно-золотого цвета восторженно глядели на мир, прямой, чуточку курносый нос вечно поднят кверху, словно выискивая что-нибудь интересное, пухлые губы всё время в радостной улыбке. В его лице явно преобладали мягкие черты его матери, от отца же достался лишь твёрдый упрямый подбородок.

Будучи единственным ребёнком на всё племя, Элай вынужден был проводить все свои дни в окружении взрослых, которые хоть и старались изо всех сил сделать детство мальчика полноценным, но всё же не могли полностью заменить ему сверстников. В этом не было ничего нового – многие эльфы так и росли, особенно родившиеся посреди бездетного периода, и, казалось, то же самое ждёт и Элая, но на шестом году жизни у него неожиданно появился друг, немедленно ставший товарищем и компаньоном по играм и приключениям. Довольно удивительный друг.

Эльфы, хоть и были по природе домоседами, всё же весьма интересовались внешним миром. И не просто интересовались – они довольно активно его исследовали. Особенной популярностью пользовалось юго-западное направление. Дело в том, что когда-то эльфы пришли в эти места именно оттуда, оставив позади свой прежний дом на берегу моря, и вынудил их к этому один природный катаклизм, принёсший с собой великие разрушения и навсегда изменивший рельеф местности. Эльфы спаслись, но дорога обратно к морю была потеряна. Чтобы найти её, по свету бродили эльфы-путешественники, и одним из них был эльф по имени Амари́.

Как и у многих других эльфийских странников, поиски моря являлись для Амари основной целью. Но он не чуждался и иных направлений. Ему вообще очень нравилось путешествовать, дорога была у него в крови, и он получал наслаждение всего лишь от того, что шёл неведомо куда, открывая новые места и гадая – что там, за горизонтом. Свобода и неизвестность пьянили его, дорожные приключения увлекали, так что он часто отклонялся от запланированного пути и бродил, где душа пожелает. И однажды забрёл в один незнакомый лес.

Амари никогда раньше тут не был, поэтому с воодушевлением шагал по лесу, вертя головой во все стороны. Вёл он себя не особенно осторожно, но для эльфов это простительно – диких зверей они не боялись, а других опасностей в лесах, как правило, не попадалось. Конечно, бывали исключения, но Амари давно уже ни с чем подобным не сталкивался, поэтому всё чаще позволял себе расслабиться. Вот и теперь, не заметив никаких явных опасностей, он махнул рукой на осторожность и шёл, наслаждаясь удивительным пейзажем. А лес этот казался ему поистине удивительным! Начать с того, что состоял он сплошь из огромных деревьев-исполинов – невероятно толстых и высоких. В широких тёмно-коричневых гладких стволах могла бы поместиться приличных размеров комната, а то и две. Высота же равнялась двумтрём Замкам вместе с башнями, поставленным друг на друга – по крайней мере так показалось Амари, попытавшемуся, запрокинув голову, разглядеть далёкие верхушки. Никогда не видел он раньше подобных деревьев: очень толстые – были, очень высокие – тоже, но чтобы

и то, и другое сразу? Мощные ветви, толщиной под стать стволам, начинались от самого низа и закручивались вверх по спирали. Листва соответствовала остальному – эльф зачарованно держал двумя руками упавший лист, больше похожий на зелёный овальный коврик. И повсюду вокруг валялось много таких листьев, придавая выражению “ковёр из опавшей листвы” новый смысл. “Как будто тут живут какие-то великаны”, – подумал Амари и назвал для себя этот лес “великанским”, а деревья "великанскими". Другая необычность заключалась в том, что лес был довольно пустынен: Амари не заметил нигде никаких животных и даже их следов. Исключения составляли птицы, их пение слышалось отовсюду, а сами они, видимо, прятались где-то в гигантских листьях, изредка хлопающих, как простыни на ветру, составляя заливистым трелям необычный аккомпанемент. И всё – на этом признаки лесной жизни заканчивались. Поэтому Амари очень удивился, когда, очарованный необычным лесом и постоянно забывающий смотреть под ноги, споткнулся о какой-то корень и с размаху упал на четвереньки.

И нос к носу столкнулся с маленьким пушистым комочком золотистого цвета, из которого тут же показалась крохотная мордочка и что-то промяукала. Потом из комочка показались крохотные лапки и сразу же стали карабкаться вверх по руке эльфа, цепляясь коготками за коричневый рукав, а за спиной у комочка появились такие же крохотные пушистые крылышки и начали смешно помахивать туда-сюда. Поражённый эльф так и остался стоять на четвереньках, наблюдая за ползущим по нему удивительным существом. С виду оно походило на маленького двухнедельного котёнка, но Амари никогда не слыхал ни о каких кошках с крыльями – ни о больших, ни о маленьких. Это была какая-то неизвестная эльфам – экзотическая – порода.

Кроха между тем почти докарабкалась до плеча, и эльф аккуратно снял её с себя, посадив на ладонь, куда она вполне поместилась – и тут же с комфортом улеглась, распластав по бокам крылышки, чем-то похожая на птенца, выпавшего из гнезда. Она выглядела так трогательно и хрупко, особенно по сравнению с “великанскими” деревьями – мощными и огромными, – что у эльфа тут же возникло безотчётное желание защитить её, позаботиться, спасти из этого странного, пустынного леса. Разумеется, большую роль сыграло и то, что он был эльфом – ценителем всего живого и природного... В любом случае, оставлять её здесь одну он не собирался.

— Кто ты, крошка? Откуда ты взялась? — спросил Амари у пушистого комочка. — Ты ведь совершенно не подходишь этому месту! Оно такое большое, а ты такая маленькая!

Он совершенно не надеялся ни на какой ответ – просто рассуждения вслух, привычка одинокого странника. К его удивлению от комочка раздался тоненький писк, в котором явственно слышались какие-то эмоции. “Ну надо же, она мне словно отвечает!” — поразился эльф.

— Ты же “она”? — снова спросил он вслух. Ему почему-то казалось, что “комочек” – женского рода. Писк повторился – уже с другими интонациями.

— Ну, надо же! — воскликнул Амари снова, больше не довольствуясь мысленными восторгами. Он поднял котёнка двумя пальцами, стараясь не задевать крылышки, и осмотрел поподробней.

— Действительно “она”, — прокомментировал он удовлетворённо – чутьё не подвело. — Но что же мне с тобой делать? — прозвучавшее в ответ просительно-жалобное мяуканье ещё сильнее тронуло его сердце.

— Ну, конечно, я тебя здесь не оставлю! Сейчас поищем твоих папу и маму – должны же они где-то находиться. Не может быть, чтобы ты появилась тут ниоткуда, сама по себе.

Но он никого не нашёл. Ждал три дня, исходил всю округу – всё без толку. Дольше оставаться здесь не имело смысла, как и продолжать путь в прежнем направлении – если он собирается взять малышку с собой. А он собирался – у него и мысли не возникло оставить её здесь одну, без защиты и заботы. Раз родители не нашлись, теперь кроха – его ответственность. Не зря всё-таки он был эльфом. Но продолжать путешествие как ни в чём не бывало – плохая идея, нужно позаботиться о своей новой подопечной. Впрочем, с её питанием он разобрался

сразу же – в первый же день. Он с некоторой тревогой задался этим вопросом, но немного поразмыслив, решил, что кошка – она и есть кошка, хоть с крыльями, хоть без. А значит, это – хищник. И тут возникала проблема: эльфы не убивали живых существ – просто не могли себя заставить. Разве что в целях самозащиты. С другой стороны, котёнок такой маленький – ему сейчас пойдёт только какое-нибудь молоко. Разумеется, от этого проблема не исчезала – где он здесь откопает молоко посреди леса? Амари крепко задумался: может, всё-таки есть выход? Наугад он попробовал измельчить кусочек яблока (их он собрал, наткнувшись в пути на яблоню), и получившуюся кашицу скормить явно голодной крохе. К его радости, она тут же начала есть – получилось! Так что ко времени отправления проблема питания была уже решена – фрукты-то он везде найдёт! Оставалось ещё одно дело.

— Назову тебя Кьярой, — сообщил он своей подопечной, пристроившейся у него за пазухой. — Для экзотической барышни – экзотическое имя. Понятия не имею, где я его слышал и что оно означает, но мне кажется, тебе подходит. — Из-за пазухи послышалось тоненькое “мур-мур-мяу”, и зелёные глазёнки доверчиво уставились на него снизу. Он широко улыбнулся, весело подмигнул крохотной мордочке и бодро направился к выходу из леса – в долгий путь, обратно в Замок.

По возвращении Амари сразу же, не отдохнув с дороги и даже не зайдя к себе в комнату, отправился на поиски короля и королевы, дабы показать им свою удивительную находку. Он был с ними в довольно близких дружеских отношениях, к тому же король Элариан на досуге интересовался разными необычными, экзотическими существами (некоторые даже считали его знатоком в этом вопросе). Уж если кто и знает что-то о кошках с крыльями, думал Амари, разыскивая друзей, так это Элариан. Маленькая Кьяра, высунув нос у него из-за пазухи, с интересом разглядывала многочисленные помещения, через которые они проходили.

Королевская семья проводила время за строительством за́мка – миниатюрного, игрушечного. Двое взрослых эльфов почти трёхсот лет отроду и один пятилетний малыш с одинаковым увлечением возились на полу посреди гостиной, перебирая цветные кусочки камня, из которых строился этот архитектурный шедевр. Кусочки были искусно выточены в форме различных строительных компонентов: махоньких башенок, ворот, частей стен с малюсенькими окнами и балконами. Три светловолосые головы склонились над почти готовой конструкцией, и между строителями вовсю шло горячее обсуждение, куда приткнуть пятую башенку, когда в комнату зашёл Амари с крохой-котёнком на руках. Тут-то Элай и увидел Кьяру впервые. Тёмно-золотые эльфийские и зелёные кошачьи глаза встретились и утонули друг в друге.

Маленький Элай сразу понял, что это не просто какой-то обычный зверёк, пушистая игрушка. В Замке эльфов жили домашние кошки, по двору, где мальчик гулял с матерью, иногда бегали мышки и другие мелкие зверьки, а на деревьях чирикали птички. Он их видел, а с кошками даже играл. Но никто, никто из них не заглядывал ему в душу. В этих зелёных щурящихся крохотных глазках он увидел разум – пока ещё наивный и доверчивый, – который с живейшим любопытством разглядывал окружающий мир – и его, Элая, тоже. И почувствовал, как разум этот – такой же юный, как он сам, – касается, трогает его – осторожно, будто маленькой мягкой лапкой, – и проникает ему в самое сердце. На краткий миг две души слились, соединились, просачиваясь одна в другую, становясь единым целым. И это было так невероятно – ощущать кого-то, как самого себя. Элай совсем не понимал, что происходит, но в пять лет у него и не было таких вопросов. Он просто подбежал и обнял маленького котёнка, прижал к себе и решил, что никогда, никогда его не отпустит!

Видя такое проявление чувств у ребёнка, Амари очень обрадовался, ибо и так собирался просить короля и королеву позаботиться о Кьяре. Брать такую крошку с собой в путешествия

ему было не с руки. Теперь же он был спокоен. Оставив малышку в любвеобильных руках Элая, он присел на мягкий диван и наконец-то расслабился. Игрушечный замок был забыт, так что Лорана с Эларианом присели рядом, наблюдая, как их сын знакомит новоиспечённую подругу со своими игрушками. Кьяра трогала лапкой бронзовую лошадку, принюхивалась и смешно фыркала. Маленькие крылышки помахивали за спиной, делая её похожей на большую мохнатую бабочку.

— Где ты нашёл это чудо? — спросил король Элариан у Амари, не спуская голубых глаз с детской возни и улыбаясь.

— Местá надо знать, — загадочно улыбнулся тот.

— Она такая милая, — заметила королева. С её полных розовых губ тоже не сходила улыбка, а глаза, тёмно-золотые, как у сына, лучились теплотой.

— Подходящая подружка для мальчугана, да? — Амари закинул ногу на ногу, явно наслаждаясь комфортом после долгой дороги.

— Ты же понимаешь, что это не обычный зверёк? — в голосе короля слышался неподдельный интерес.

— Да, я что-то такое заподозрил, когда увидел крылышки и четыре лапы одновременно. А, да… и ещё усы… У птиц не бывает усов, по крайней мере таких умилительных.

— И клюва нет.

— Ну да, ещё и это…

— А кроме шуток, где ты её откопал? Я ни о чём подобном даже не слыхивал. От неё же веет магией – магическая малышка!

— Признаться, я надеялся, это *ты* мне о ней расскажешь. А в магии я ни в зуб ногой, сам знаешь.

— Так где нашёл?

— В одном необычном лесу, я потом на карте покажу.

— Ну, ладно. А другие?

— Никаких других, только она. Я там всё обыскал.

— Странно это как-то…

— И не говори…

С этих самых пор двое друзей постоянно были вместе. Вместе ели, играли, и даже спали под одним одеялом, тесно прижавшись друг к другу. Их характеры оказались очень похожи: лёгкие, весёлые и любопытные. Целыми днями по Замку раздавались радостный смех и мяуканье, топанье детских ног и мягких пушистых лапок. По коридорам носились два миниатюрных вихря: один золотистый четвероногий, с маленькими беспорядочно махающими крылышками за спиной, другой – в зелёной одёжке, на двух ногах, но так потешно перебиравший этими ногами и размахивающий руками, что казалось, конечности у него везде. Пшеничные волосы торчали во все стороны, золотые глаза горели. Куда бы они ни прибегали, везде начинался весёлый тарарам, всё отовсюду падало, эльфы натыкались друг на друга, пытаясь уйти с дороги, всё летело вверх дном! Пение и музыка прерывались, художники (которых в Замке было множество) пытались защитить свои картины, а слуги – свои подносы с напитками и фруктами. Все охали и ахали, но, когда ходячая катастрофа в лице двух малышей удалялась дальше по коридору, эльфы улыбались им вслед и, весело переглядываясь, начинали поднимать упавшее, зашивать порванное, вытирать пролитое. И всё возвращалось на круги своя. До следующего раза. А время летело…

Глава 2 Ты куда суёшь свой нос?

Минуло два года. Элай и Кьяра оставались всё такой же неразлучной парочкой и всё так же продолжали сеять вокруг себя неразбериху и весёлый хаос. Они носились по Замку как угорелые, с топотом и смехом, и повсюду совали свои любопытные детские носы. Да, это по-прежнему были два любопытных *детских* носа, потому что у Кьяры оказалась экзотической не только внешность. Кьяра никоим образом не была всего лишь кошкой с крыльями. Экзотической и необычной была вся её суть. Начать с того, что взрослела она *медленно*. Обычные кошки – хоть большие, хоть маленькие – за два года становятся вполне себе зрелыми особами. Кьяра же за это время ничуть не изменилась. Нет, конечно, она выросла и была теперь Элаю примерно по колено, но при этом вовсе не стала взрослой и выглядела примерно как трёхмесячный котёнок, округлый и неуклюжий, правда размером с большого взрослого кота. “Это крупная порода”, — говорили эльфы, а некоторые признали в Кьяре детёныша пантеры – животного, которое не водилось в окрестных лесах, зато было знакомо по старым книгам. Вот только пантеры в них рисовались чёрными и без крыльев. “Порода магическая”, — объясняли эльфы, одарённые в магии (к их рядам относились и король с королевой). По их словам от Кьяры прямо веяло магией. Но больше они ничего путного сказать не могли – никто никогда не видел и не слышал о таких магических существах, как крылатые пантеры. Даже король Элариан, любитель подобных вещей, не смог ничего узнать, хоть перерыл в библиотеке все старинные книги и свитки. Амари, несколько раз возвращавшийся в “великанский” лес, тоже ничего не выяснил – ни следов, ни самих животных там так и не обнаружилось, как он ни искал. Кьяра появилась в том лесу будто бы ниоткуда. Но, несмотря на всю эту загадочность и непонятность, все в Замке радовались, что она нашлась и теперь живёт вместе с ними, так как с её появлением количество и жизни, и радости значительно прибавилось. А уж Элай радовался вдвойне и втройне! Ведь у него появился самый настоящий друг! Который к тому же разделяет все его увлечения и задумки, ибо эмоционально Кьяра полностью ему соответствовала. Её эмоциональный возраст, так же как и физический, по-прежнему оставался на детском уровне – как у трёх-четырёхмесячного котёнка или семилетнего эльфа, то есть в этом смысле они были ровесниками. А самое главное, что не переставало восхищать маленького Элая, это то, что Кьяра его полностью понимала. И не так, как понимают хозяев домашние животные, вовсе нет! Она *действительно* его понимала, она с ним *разговаривала!* Мысленно, конечно! Изо рта у неё доносились только мур, да мяу. Но когда Элай говорил ей что-то, она смотрела на него своими не по звериному разумными зелёными глазами, и у него в голове возникали разнообразные образы и чувства – явно не местного происхождения. И даже слова звучали; правда, кроме него, никто их больше не слышал – он спрашивал. Но это и не важно, важным было то, что его мохнатая подруга умела говорить! (Это позже он поймёт, что слова исходят от его собственного разума, который пытается “перевести” для него Кьярин бессловесный ответ.) Никто из других животных (домашних кошек и тех, что жили на заднем дворе) не умел этого делать, поэтому маленький Элай очень скоро догадался, что *его* крылатая кошка – совершенно уникальная! Она волшебная! И она – его друг! У него есть всамделишный волшебный друг!!! Элай был полностью счастлив.

По мере взросления и с уменьшением необходимости постоянного присмотра взрослых Элай и Кьяра проводили всё больше времени снаружи Замка, на свежем воздухе. Соответственно производимый ими хаос тоже постепенно перемещался изнутри наружу. Детские крики, смех, шум и топот в стенах Замка слышались всё меньше и меньше, а во дворе и Садах – всё больше и больше. Эльфы, предпочитающие проводить время в залах и общих комнатах (или находящиеся там по долгу службы), вздохнули с облегчением, хоть и с тайным сожале-

нием о той яркости и стремительности, которую привносили в их монотонную, размеренную жизнь бесшабашные малыши. Любителей же открытого неба, наоборот, ждало испытание на прочность. Элай и Кьяра носились по двору и садовым дорожкам с не меньшим энтузиазмом, чем по коридорам и комнатам, и точно так же задевали и опрокидывали всё, что попадалось им на пути. А подросшая Кьяра к тому же очень быстро освоила навык путаться у эльфов под ногами. К счастью для всех, нескончаемая детская энергия постепенно переходила в более конструктивное русло – от простой радостной бессмысленной беготни к исследованию окружающего мира. Элая начинало интересовать всё подряд – и уже не только с целью разглядеть, потрогать и понюхать, а узнать и понять! Зачем, куда и почему – вот вопросы, которые его теперь волновали. Кьяра же, казалось, готова была играть в абсолютно любую игру, которую он ей предложит, и участвовать во всех его авантюрах – целыми днями и без всяких вопросов.

Первейшее место, куда Элай направлял свою жажду познания, были Сады, окружающие Замок. Они вызывали у него неиссякаемый интерес. Запутанное переплетение дорожек, густые кусты, растущие непроходимыми зарослями, раскидистые деревья, на некоторых из которых так заманчиво и недоступно висели спелые плоды, таинственные фонари, которые с наступлением темноты вдруг оказывались горящими, красивые ажурные скамейки и мостики через многочисленные ручьи, сами ручьи, текущие неизвестно откуда неизвестно куда, различные обитатели: мелкие зверьки, иногда мелькающие в траве, красочные насекомые разных видов, летящие куда-нибудь с непонятной целью, неожиданно открывающиеся тайные местечки. Всё это очаровывало Элая. Как интересно! – думал он своей маленькой светловолосой головкой. Вот бы узнать то или это! Куда ведёт дорожка? Куда летит пчела? В груди его пробуждалось неуёмное пламя первооткрывателя. Кьяра поддерживала его в этом: в конце концов, почти все исследовательские авантюры Элая начинались либо заканчивались весёлым бегом и неразберихой.

— Смотри, смотри, Кьяра, она сейчас точно полетит, — прошептал Элай довольно громко (тихо он пока не умел), лёжа в засаде около круглой клумбы с белым бордюром из камешков. Подобные клумбы, пестревшие цветочным многообразием, вперемешку со скамейками обрамляли весь двор по периферии, отделяя его от Садов. Эта конкретная клумба с красными цветами, похожими на маки, была выбрана Элаем вовсе не наобум, а по строго определённой причине, которая заключалась в присутствии на ней таинственного насекомого – с мохнатой грудкой, жёлтыми полосками, толстеньким брюшком и огромными чёрными глазищами, – называемого пчелой. И, конечно же, у неё были прозрачные крылышки, с помощью которых она и летала с совершенно загадочными целями. И эта-то загадка как раз сегодня и стояла у Элая на повестке дня. Он это понял сразу, как только вышел во двор на прогулку и увидел гудящего над клумбой полосатого летуна. Они с Кьярой тотчас устроили засаду и теперь лежали возле клумбы (хорошо, что в теньке от дерева), ожидая, пока пчела закончит там все свои важные дела и полетит в таинственном направлении.

Пчела не торопилась. Она беспечно собирала пыльцу и совершенно не догадывалась (как надеялся Элай), что за ней пристально наблюдают две пары глаз – тёмно-золотых и зелёных.

— Как только она полетит, не спускай с неё глаз, — снова зашептал Элай.

— Сама знаю, — сказала Кьяра. Вообще-то она сказала: “мяу, мур”, но Элай услышал в голове именно слова, а также почувствовал толику раздражения, которое было вовсе не его. Он не обратил на него внимания: эмоции Кьяры составляли постоянный фон их общения и довольно быстро сменялись – Кьяра была довольно ветреной особой. Поэтому весьма удивительно, что она лежала неподвижно уже так долго – целых десять минут, и Элай даже заподозрил, не задремала ли его подружка? Но нет, она ведь ему отвечает! На всякий случай он бросил взгляд налево – да нет, всё в порядке: Кьяра лежала, припав к земле, плотно прижав к себе небольшие пушистые крылышки, которые только-только начали по-настоящему отрастать и

увеличиваться в размере. Строение крыльев походило на птичье, но их покрывали не перья, а такой же золотистый мех, как и на всём остальном теле. Кьяра, не мигая, смотрела на пчелу, водя зрачками вслед за её передвижениями. Пчела же постоянно перемещалась, перелетая с цветка на цветок, но никак не желая покинуть клумбу насовсем.

— Главное, не потерять её из виду, — продолжил громким шёпотом давать инструкции Элай, — и бежать, ни за что не спотыкаясь, а не как в прошлый раз, когда у тебя ноги в траве запутались.

— Мур, мяу, мур, — сказала Кьяра и дёрнула хвостом. А Элай услышал: “кто бы говорил, это же ты тогда споткнулся о корзину с фруктами”.

После секундного раздражения (теперь уже своего), Элай вынужден был согласиться – корзина с фруктами действительно имела место. Но он не виноват, что она стояла на дороге! На *его* дороге. Дело в том, что они уже пытались проследить за разными пчёлами несколько раз, но постоянно что-то мешало: то корзина с фруктами, то скамейка, то дерево, вдруг выросшее на пути. И это не говоря уже об эльфах, гуляющих и работающих во дворе и Садах, которые не успевали отпрыгнуть от несущихся прямо на них двух маленьких смерчей. Но это всё были прошлые неудачи. *Сейчас* Элай собирался сделать всё как следует. В этот раз у них должно получиться!

Пчела неожиданно сорвалась с места и, пожужжав немного, устремилась прочь от клумбы и от залёгших в засаде наблюдателей. Она взяла курс явно не на другую клумбу, а на что-то внутри Садов. После секундного замешательства друзья вскочили на ноги и помчались следом, не разбирая дороги. Ноги, руки и лапы мелькали, как спицы в колесе. Встречные эльфы шарахались в разные стороны, поспешно убирая с пути мольберты, корзины, табуретки, но улыбались вслед и тут же возвращались к своим делам – работе, творчеству, отдыху. Они уже привыкли к таким кратковременным переполохам и почти не обращали на них внимания. Возмутители же спокойствия неслись в глубины сада.

Сначала всё шло хорошо – пчела летела прямо над дорожкой и следовать за ней было легче лёгкого, Элаю приходилось всего лишь оббегать гуляющих (Кьяра просто проскакивала у них под ногами), главное – не потерять из виду жёлто-полосатую проводницу. Но потом та свернула в сторону и полетела куда-то направо, в самую глубь. От неожиданности Элай по инерции пробежал ещё несколько шагов, но, спохватившись, резко затормозил и тоже свернул, едва не налетев на скамейку. Кьяра с воодушевлением, вприпрыжку последовала за ним – ей такие погони очень даже нравились. Пчела увеличила скорость и целенаправленно полетела к своей загадочной цели. Элай мчался следом – прямо сквозь высокую для него траву, напролом через кусты, огибая только самые непролазные, через маленькие ручейки, которые он перепрыгивал, и через большие – их он пересекал, скача по раскиданным в них камням, либо с плеском бежал по воде, нисколько не боясь замочить ноги в мягких тряпичных сандалиях. Кьяра же, если не могла перепрыгнуть ручей, перебегала его исключительно по миниатюрному декоративному мостику (даже если приходилось делать крюк!) – мочить лапы она вовсе не собиралась! Бежала она не столько за пчелой, сколько за Элаем, не обременяя себя слежкой за стремительным полётом насекомого – зачем, если за ним следит Элай?! За Элаем же следить проще простого – он вон какой большой! И вообще, Кьяра бежала вовсе не с целью найти таинственный пункт назначения пчелы – её любопытство не простиралось так далеко в пространстве и времени. Она бежала просто за компанию. Это была игра, а сам бег доставлял массу удовольствия. Она мчалась, как на крыльях, и когда-нибудь это действительно будут крылья! Пока же она только представляла, будто летит, маша пушистыми крылышками как можно чаще, и ей даже иногда казалось, что она приподнимается над землёй. Она смотрела на птичек, порхающих с ветки на ветку, и тех, летящих высоко-высоко, и мечтала – скоро она будет, как они! Правда, мечты постоянно выветривались из её маленькой (но удивительно

разумной) золотистой головки, сменяясь сиюминутными желаниями и капризами. А сейчас она желала одного – играть и бегать.

Элай изо всех сил старался не отрывать взгляда от пчелы ни на секунду, что, конечно же, очень мешало бежать, не спотыкаясь, и он набил не одну ссадину обо всякие камешки, попадавшиеся под ноги. Тем не менее каким-то чудом у него это получалось, но он был так сосредоточен на летящем насекомом (между прочим, очень маленьком и малозаметном на фоне окружающей растительности), что не заметил странного нарастающего низкого гула. А когда заметил, то уже выскочил следом за пчелой в очень странное, как ему показалось, место – ничего подобного он ещё не видел! Там, на деревьях, висели странные округлые коричневые штуки, похожие на диковинные плоды, которые… гудели! А ещё они очень *странно* шевелились! Элай остановился, открыв рот, и даже не заметил, как пчела подлетела к одной из гудящих штуковин и словно бы в ней растворилась. Заинтригованный Элай зачарованно подошёл к ближайшему дереву и свисающему с него удивительному плоду, поднялся на цыпочки как можно выше, задрал голову и уставился на него круглыми любопытными глазами. И раскрыл рот ещё больше: это же были пчёлы! Множество пчёл, сидящих вплотную друг к другу – они-то и шевелились! И гудели! Так вот куда летела *их* пчела! К своим… ну… соплеменникам, к своей пчелиной семье! А это, наверное, их дом – эта штука, которую они облепили! Элай стоял и восторженно глядел на обиталище пчёл. Это, наверное, у них словно Замок у эльфов – такие пчелиные За́мки, где они живут! Ух ты! Он нашёл пчелиные Замки! В этот момент и томительная засада, и трудная погоня, и все ожидания для него полностью оправдались. Это был успех! Загадка разгадана! И место, куда летела пчела, действительно оказалось таинственным и необычным. Можно сказать, удивительным! Он, можно сказать, совершил удивительное открытие! Совсем как дядя Амари, который открывает новые места! Ух ты! Вот это да! И как же, оказывается, это здорово и чудесно! Когда он вырастет, обязательно станет путешественником!

А пока Элая переполняло чувство триумфа, Кьяра тоже удивлялась находке. По-своему. Эти странные плоды, свисающие с деревьев, казались ей крайне подозрительными, хоть и пахли мёдом. К мёду она относилась довольно равнодушно, пусть и ела изредка медовые булочки с Элаем за компанию. Но они не шли ни в какое сравнение со вкусным молоком или, хотя бы, с варёными овощами. Тем не менее к мёду она претензий не имела. А вот к этим подозрительно шевелящимся… что бы это ни было… Какие претензии к ним предъявить и надо ли это делать вообще, Кьяра пока что не знала. Она пребывала в сомнениях. Кьяру одолевали противоречивые чувства. С одной стороны, ко всему подозрительному она относилась с опаской, с другой – ей вовсе не чуждо любопытство, хоть оно и было таким же переменчивым, как она сама. Однако прямо сейчас перед ней маячили неизвестные штуковины, которых она до этого никогда не видела. Может-таки подобраться поближе и изучить? Обнюхать? Она догадывалась, в основном по звукам и запахам, что в этом месте собралось много-много пчёл, но раньше они никаких проблем не доставляли, да и сейчас, похоже, мирно сидят себе… Поколебавшись, Кьяра приняла решение. Она подошла к дереву, присела и прыгнула на ствол – как можно выше. Зацепившись когтями, она принялась карабкаться, подбираясь к подозрительному объекту. При ближайшем рассмотрении догадка подтвердилась: на странной штуковине сидело множество пчёл – они прямо облепили её. Так что же это такое, на чём они сидят? Нос Кьяры принюхался, потянулся… ближе, ближе… Нет! Слишком, слишком близко! Внезапно все пчёлы одновременно с резким возмущённым жужжанием сорвались с места и поднялись в воздух, явно защищая улей (а это был, конечно же, он), который теперь прекрасно просматривался, вот только Кьяре уже было неинтересно. Почуяв неладное, она с громким испуганным мявом спрыгнула с дерева – очень-очень быстро! Пчёлы с гудением устремились за ней…

Элай, стоявший рядом, хоть и пребывал в своих мечтах – как он станет путешественником! – но прекрасно видел все Кьярины телодвижения, и её любопытство казалось ему совер-

шенно естественным и уместным – он ведь и сам точно такой же. Кьяра пошла посмотреть и понюхать (она вообще любит всё нюхать) – ну и что? Маленькие пчёлки очень интересные, а тут их целая… эм-м… толпа (или стая? Как много пчёл называются?). В любом случае отличный шанс их поразглядывать и как следует полюбоваться! Самому ему всегда нравились пчёлы, они его умиляли – такие толстенькие, полосатенькие и гудят! И о-о-очень любят разные цветочки. И Элай, конечно же, полагал, что все остальные, включая Кьяру, относятся к пчёлам точно так же. Тем более удивительным и неожиданным показалось ему Кьярино поспешное бегство. “Чего это она?” — подумал он растерянно.

Кьяра же в этот момент думала совершенно иначе – пчёлы гудели вовсе не просто так и летели к ней всей толпой совсем не из любви (тем более, она и не цветочек)! Потому-то, спрыгнув с дерева, она имела твёрдое намерение броситься наутёк, но, к несчастью, из-за спешки и детской неуклюжести приземлилась не очень удачно и замешкалась. Пчёлы же мешкать не стали и мигом окружили её, сердито жужжа. Порядком струхнув, Кьяра испуганно замахала лапами, пытаясь их отогнать, но преуспела лишь в том, что разозлила ещё больше.

Элаю действия Кьяры сперва показались смешными и потешными: она так забавно махала лапами и прыгала, а пчёлы уворачивались и громко жужжали! Да это они так играют! – догадался он, с облегчением вздохнув, – ну вот, загадка непонятного поведения решена! Это просто игра – Кьяра точно так же играет с бабочками, правда те сразу улетают, но это уже детали. Видимо, пчёлы умнее бабочек – участвуют в игре по-настоящему. И он даже засмеялся, желая приобщиться к общему веселью, но смех почти сразу угас – что-то было не так! Была какая-то неправильность – он это чувствовал, – Кьяре было вовсе не весело! Она … она вовсе не играет… ей страшно! Это открытие повергло Элая в недоумение: как же так… почему?! Он ничего не мог понять – чего она боится? Неужели же… Но нет, так не бывает – это же просто маленькие пчёлки! Гудят, любят цветочки… Как их можно бояться? У Элая не укладывалось в голове, как вообще можно кого-то бояться? Можно *чего-то* бояться: ну, например, бояться спрыгнуть со слишком большой высоты и подвернуть ногу или бояться опоздать на ужин – и тогда мама будет хмуриться: где они опять бегали допоздна? Но Кьяра боялась именно пчёл – теперь он ясно видел! Абсолютно странная реакция, но так было – он не мог игнорировать страх, который расходился от Кьяры, как какой-то… ну… цветочный аромат – только очень неприятный. А самым неприятным было то, что страх оказался заразным – сам не зная почему, Элай вдруг тоже испугался. На миг он увидел мир таким, каким видела его в этот момент Кьяра: злые кровожадные насекомые ополчились против неё и нападают (а она им даже ничего ещё не сделала!). Элай чувствовал её страх, но теперь это был и его страх тоже! Злые пчёлы нападают! Надо бежать! И, словно их мысли слились воедино, друзья синхронно повернулись в сторону Замка и бросились бежать сломя голову; при этом Кьяра сделала огромный (по её меркам) внезапный прыжок, чтобы вырваться из пчелиного окружения. Она так рванула с места в карьер, что Элаю с трудом удалось её догнать – лишь когда та немного выдохлась. Дальше они побежали вместе – с одинаково круглыми испуганными глазами и колотящимися сердечками. Обратно через кусты и ручьи (теперь Кьяра уже не искала мостики), через высокую траву и разные заросли, слыша прямо за спиной сердитое жужжание. И только когда они добежали до знакомых дорожек и рискнули оглянуться, то поняли, что пчёлы отстали где-то по пути, а жужжание им уже просто мерещится. Тем не менее они ещё долго оглядывались, а отдышавшись, сразу же побежали снова – во двор.

Королева Лорана сидела во дворе на скамеечке с вышивкой в руках, ветерок слегка шевелил её мягкие, похожие на облако, волосы. В такой прекрасный день она не желала оставаться в четырёх стенах, хотя, по правде сказать, это был только предлог. Один из множества предлогов, чтобы находиться здесь и одним глазом присматривать за сыном и его четвероногой крылатой подружкой – сорви головой (как она считала). Вдвоём они всегда носились, как безум-

ные (а один он этого не делал!), и Лорана считала, что присмотр никак не повредит. Но только такой – неочевидный, потому что Элай очень уж хотел “гулять сам”. Вот она и брала с собой то вышивку, то книжку – чтобы показать всем заинтересованным лицам, что она тут тоже сама по себе и вовсе ни за кем не смотрит (мама вышла почитать на солнышке, дорогой).

Лорана сделала для приличия несколько стежков и снова уставилась в ту сторону, куда убежали (уже полчаса назад!) эти непоседы. Она не думала, что на самом деле может что-то случиться (ну что, скажите на милость?). Разве что разобьёт где-то коленку или сильно намокнет, играя в ручье. Но всё равно, так ей было спокойнее. Она уже подняла иголку, собираясь сделать ещё стежок, как увидела бегущую во весь дух прямиком к ней неразлучную парочку. Они появились откуда-то так неожиданно, что она даже удивилась – обычно их появление предварялось смехом и криками, летящими, казалось, впереди них как некое отдельное явление. Сейчас же они бежали молча, и выражение на лице Элая заставило её встревоженно нахмуриться и отложить вышивку. Это был испуг вперемежку с недоумением – совершенно непривычное выражение! Лорана даже не могла вспомнить, когда Элай в последний раз пугался.

— Мама, мама, там злые пчёлы! — воскликнул он тоненьким срывающимся голоском и взахлёб принялся расписывать их с Кьярой злоключения, которые заключались в основном в их испуге и поспешном бегстве. (Хоть позже у Кьяры и обнаружилась пара-тройка укусов – поразительно мало для такого количества разозлённых пчёл – получается, те больше пугали. Но никаких опасных последствий это не принесло, разве только для окружающих, ещё долго вынужденных выслушивать жалобные мявы, особенно в районе обеда или ужина.) Элай же абсолютно не пострадал.

Лорана всплеснула руками (а внутри вздохнула от облегчения), обняла сына, убедилась, что с обоими приключенцами всё в порядке, и принялась объяснять про диких пчёл и их ульи, которые желательно не трогать и в которые лучше не совать свои любопытные носы, – молча ругая себя за то, что не объяснила этого раньше. Но ей даже в голову не пришло!

Кьяра присела рядом и тоже слушала, но с таким обиженным видом, что пришлось обнять и её тоже, пообещав в утешение много-много молока. После такого обещания та оттаяла и, кажется, даже перестала слушать, зато вид у неё сделался чрезвычайно мечтательным, а розовый язычок периодически облизывался, словно уже пробовал обещанное молоко на вкус.

— Как такое могло произойти? — удивлялась Лорана позже в тот же день, беседуя со своим мужем. — Как его могли напугать пчёлы?! Это же абсурд!

— Но они ничего ему не сделали, — возразил король Элариан, — всё в порядке.

— Ты не видел его испуганного взгляда, — Лорана замолчала, вспоминая взволнованное лицо Элая, расширенные в страхе тёмно-золотые глаза. Видеть это было непривычно больно, и ей совсем, совсем не понравилось! И хоть ничего такого страшного не произошло, воспоминание вызывало у неё смутную тревогу.

— Не переживай, завтра он всё позабудет, — на её плечи легла крепкая рука, и Элариан привлёк её к себе.

— И Кьяра, — не сдавалась Лорана, но отстраняться не стала, — она пострадала.

— Всего три маленьких укуса — совсем не смертельно. Выгоды она получила гораздо больше: видела, как её все жалели?

— Особенно на кухне, — Лорана наконец-то расслабилась и улыбнулась.

— Но всё-таки, — она нахмурилась вновь, — меня беспокоит, что Кьяра может попадать в такие неприятности – и Элай вместе с ней.

— Какие неприятности? Ты про пчёл, что ли?

— Да знаю я, что это глупо! Но… ведь если подумать, пчёлы не опасны только для эльфов, а для других…

— Вроде Кьяры.

— Да, — королева помолчала. — Я где-то читала, что пчёлы, если их разозлить, могут зажалить до смерти. Не нас, конечно, но…

— Кого-то другого… Вроде Кьяры...

Они снова помолчали.

— Конечно, никаких настоящих опасностей для неё как будто бы нет, но мы ведь и про пчёл не думали. А Элай всегда с ней, он может попасть в неприятность за компанию, его может как-то задеть.

— Хм…

— Сейчас возможные неприятности маленькие – потому что дети маленькие, но они растут и неприятности тоже могут…

— Ну, хорошо, хорошо, ты меня убедила, — король поднял руки, будто сдаваясь. — Мы предпримем меры. Начнём обучение Элая пораньше, пусть сам учится распознавать возможные неприятности. И ещё… сводим его на пасеку. Чтобы не вздумал теперь бояться пчёл.

Пасека находилась позади Замка – за довольно широкой полоской фруктовых деревьев (Сады окружали Замок полностью), за тремя большими огородами – в самом дальнем конце; дальше до самого горизонта простирались только поля да луга. Также вместе с огородами здесь располагались и другие хозяйственные постройки, включая жилища для домашних животных и различные мастерские. Вот это-то последнее и являлось причиной того, что Элай никогда тут раньше не был. Во многих мастерских работали ремесленники-маги, зачаровывая различные материалы и вещи – на долговечность, на прочность, на непромокаемость… Работа с магией требовала постоянной сосредоточенности и осторожности, а играющие любопытные дети никак этому не способствовали, к тому же магия могла быть опасна и сама по себе. Поэтому эльфы тщательно соблюдали технику безопасности, не подпуская маленьких детей к мастерским и знакомя тех с магией лишь после надлежащего обучения. Но в этот раз – специально для Элая и Кьяры – сделали исключение, и те с любопытством оглядывались по сторонам, когда Элариан и Лорана вели их на пасеку – знакомиться с домашними пчёлами.

— Ух ты, какие домики! — воскликнул Элай, пройдя за заборчик, ограждающий пасеку. Он, хоть и понимал, что вряд ли увидит здесь прям точно такие же “пчелиные Замки”, как нашёл в саду, но такого не ожидал: два-три десятка рукотворных ульев были разбросаны по территории в живописном беспорядке. Эльфы остались верны себе и украсили ульи разноцветным вычурным орнаментом, имитирующим цветы и листья, поэтому жилища пчёл действительно чем-то напоминали сказочные домики – и совсем не круглые.

Повсюду вокруг, жужжа, летали пчёлы, а эльфы-пасечники прохаживались возле ульев, иногда открывая их и делая там (по мнению Элая) явно что-то таинственное. Он тут же подбежал к одному из них и привстал на цыпочки, пытаясь заглянуть внутрь. Стоящий рядом пасечник (его звали Натаниэль) снисходительно улыбнулся и приподнял Элая повыше, чтобы тот мог рассмотреть улей как следует.

— Ух ты! — снова воскликнул тот. — Так вот, значит, откуда берётся мёд!

Не то чтобы он до этого не знал, что мёд делают пчёлы. Знал, конечно, он же уже не маленький! Но как-то абстрактно, не задумываясь, никогда не задавая себе вопрос: как же мёд попадает в медовые пирожки, которые печёт Эмиль, их пекарь. Как он его у пчёл-то добывает? Договаривается с ними? Таскает украдкой? И где они этот мёд хранят? Теперь на все эти незаданные вопросы Элай получил ответ. И был в восторге!

Натаниэль же, продолжая улыбаться, перехватил Элая одной рукой, а другую протянул к открытому улью, и несколько пчёл тут же перебрались к нему на пальцы.

— Ух ты, — прошептал Элай тихонько, разглядывая полосатых пассажирок, уютно устроившихся на руке Натаниэля, и которых тот поднёс к Элаю поближе, — а они не могут разозлиться, как те – дикие?

— Нет, конечно, — Натаниэль рассмеялся, — если соблюдать правила.

— Какие правила?

— Самое главное правило: не махать на пчёл руками… и другими конечностями. Понимаешь, пчёлы вовсе не хотят злиться, но они ведь такие маленькие и хрупкие – им легко повредить. И они это знают, поэтому защищаются. Тебе, конечно, они ничего не сделают – просто отлетят подальше (нас, эльфов, они не считают за угрозу). Но к другим формам жизни это не относится. Не серди пчёл, когда рядом Кьяра.

— Но почему?! — воскликнул Элай. Такое разделение казалось ему несправедливым.

— Так устроила природа, придётся тебе с этим смириться.

— Но разве природа не знает, что Кьяра добрая? Она вовсе не хочет никому ничего плохого!

— Ну прости уж её, — Натаниэль опустил Элая на землю и потрепал по волосам свободной от пчёл рукой, – когда природа придумывала правила, Кьяры у неё ещё не было. Давайка, попробуй, пообщайся с ними, — предложил он в утешение, поднося пчёл к руке Элая. Две пчелы тут же деловито переползли на ладонь мальчика. Элай, сразу забыв про несправедливость мира, зачарованно поднёс ладошку к глазам, с восторгом глядя на её содержимое. Пчёлы смотрели на него в ответ, и ему казалось, что они точно хотят ему что-то сказать – может быть, даже что-то ободряющее. Потом те расправили крылышки и улетели, а он долго ещё ходил по пасеке, разглядывая ульи и поднося руку то к одному, то к другому.

Элариан с Лораной стояли в сторонке и тоже улыбались.

— Ну вот, теперь он уж точно забудет про вчерашнее, — сказал Элариан, кивая на счастливого Элая.

— Похоже на то, — согласилась Лорана, — но… — она на миг перестала улыбаться, — кое-кто забудет явно не скоро, — и она глазами показала на Кьяру, которая ждала на дальнем краю пасеки – у самого ограждения. Кьяра наотрез отказалась пройти внутрь, ближе к ульям, и теперь сидела, надувшись и ощетинившись, как ёжик, провожая обвиняющим взглядом каждую пролетающую мимо пчелу. Нет уж! Ни за что она не станет приближаться к этим противным пчёлам! Ни за что! Никогда! И не просите! Она с тоской посмотрела в сторону Элая, “любезничавшего” с противными пчёлами: когда тот уже вернётся? Потом тяжко вздохнула: скорей бы уже во что-нибудь поиграть!

Вечером, засыпая, Элай думал о пчёлах. Два дня подряд выдались у него “пчелиные”. Впечатлений было – целая куча. Вопреки мнению родителей, он вовсе не забыл про диких “злых” пчёл. Он просто больше не считал их злыми. Теперь, познакомившись с приручеными, диких он считал “заблуждающимися”. У них не было таких красивых домиков, как на пасеке, и, наверное, они просто боялись, что ихние, самодельные, порушатся, а других-то нет! Наверное, им самим их делать сложно, и они испугались, что Кьяра может что-нибудь поломать. А потом она ещё махала на них лапами! А они просто не знали, что она хорошая и ничего плохого не хочет! Они не были с ней знакомы, и никто им ничего не объяснил. Заблуждающиеся пчёлы!

Так он лежал и размышлял, но самое главное, о чём думал, – это не о пчёлах, а об открытиях. Чувство восторга и триумфа, когда он “открыл” то место с пчелиными Замками, до сих пор ощущалось, и он мог вспомнить его, почувствовать снова! Где-то там – в груди. И он хотел ещё! Ещё открытий! Он обязательно станет путешественником, вот только вырастет!

Что же касается испытанного им страха – то ли его, то ли Кьяриного, – он предпочёл об этом не думать. Он никак не мог с ним разобраться или понять, и его юный разум отмахнулся от этого воспоминания – зачем думать о таких ужасных вещах, когда всё остальное такое замечательное?

Про пчёл.

Куда летите вы, куда,
Такие полосатые?
Куда приводит вас мечта
И цель, отдельно взятая?
Где ваши замки и сады,
Где над цветами кружите?
Я верю, в самом деле вы
Со всеми нами дружите!
Зачем сердито так жужжать,
Грозить своими жалами?
Давайте лучше совершать
Открытия немалые!

<i>Элай. 1246 год по времени Долин</i>

Глава 3. Куда приводят мечты и мелкие земноводные

Однако вскоре Элай вынужден был на время забыть и о пчёлах, и об открытиях. В его жизни наступали перемены: как и решил король Элариан, началось его обучение – на год раньше обычного. Учителем выступал сам король – и потому, что являлся отцом ученика, и потому, что часто выполнял эту роль для других юных эльфов (которых за последнее столетие было не так уж много). И теперь Элай несколько часов в день уделял учёбе. Предметы поначалу были самые простые: счёт, письмо, общие знания о мире, о животных и о растениях. Но будущее обещало расширить и углубить этот список.

Элай учился с удовольствием – его любознательность касалась всего. Кьяра же откровенно скучала. Конечно, от неё никто ничего не требовал, её лично традиции эльфийского образования не касались, но она всё равно присутствовала – потому что одна, без Элая, скучала ещё больше. Когда же уроки заканчивались, она радостно устремлялась “на свободу” и так рвалась бегать и играть, словно непременно хотела восполнить время, потраченное на “всякую ерунду”. Волей-неволей Элай поддавался её рвению, но, к Кьяриному неудовольствию, характер его постепенно менялся. Он становился всё более спокойным и терпеливым – возможно, на это повлиял сам процесс обучения, который требовал именно этих качеств. И также возможно, что уроки естествознания усилили природную любознательность, и теперь Элай ещё сильнее заинтересовался окружающим миром. Его родители были очень довольны переменой, но с точки зрения Кьяры он становился скучным занудой. Впрочем, деваться ей было некуда: лучше такой Элай, чем никакой, благоразумно рассуждала она и с обречённым вздохом тащилась с ним на очередной урок, а во время прогулок периодически клевала носом в бесконечном ожидании, пока Элай часами, как ей казалось, разглядывает какую-нибудь травинку или букашку. Ну что там интересного? – вопрошала она мысленно саму себя, закатывая глаза. Не находя никакого ответа, она закрывала их и мечтала – о таких по-настоящему интересных вещах, как обед или ужин. Или о бабочках. Кьяре нравились бабочки – они не то что эти противные пчёлы!

Обычно день Элая начинался с прогулки. Начинался бы… если бы не Кьяра, у которой на этот счёт имелось собственное мнение и которая требовала к своей персоне всенепременное внимание. В итоге прогулка отходила на второй план – потому что день Кьяры *всегда* начинался с завтрака. Вот и в это утро друзья сперва посетили кухню, располагавшуюся на первом этаже (там уже суетился Шанорто, повар, который вставал даже ещё раньше, а также его домашний любимец – огромный рыже-коричневый кот по прозвищу Одуванчик). Элай быстро сжевал пару яблок и груш, но вставать не торопился – напротив, устроился поудобнее и улетел в собственные мысли, ибо Кьяра предпочитала трапезничать более основательно. Получив, кроме фруктов, порезанных на кусочки, ещё и миску своего любимого молока (которое считала обязательным элементом любого приёма пищи), она торжественно взгромоздилась на низенький широкий столик, сделанный специально для неё, и стала неспешно есть, постоянно косясь на Одуванчика – у неё с ним были сложные отношения. И только когда завтрак наконец завершился, наступил черёд прогулки: очнувшийся от своих мечтаний Элай и подобревшая Кьяра вышли во двор. Свежий утренний ветер, подлетев, тут же взъерошил пшеничные волосы мальчика, растрепав те ещё больше. Элай вдохнул полной грудью. Он любил ранние утра, когда солнце только-только встаёт и медленно поднимается над горизонтом, воздух свеж и бодрящ, а во дворе – никого, ну или почти, ибо имелись и другие любители ранних часов, но обычно все они разбредались по саду кто куда. Элай собирался сделать то же самое.

— Давай, наперегонки! — крикнул он Кьяре и помчался к ближайшей садовой дорожке. Кьяра весело подпрыгнула и помчалась следом.

Это было теперь их обычной утренней практикой: они мчались во весь дух по какой-нибудь тропинке, где днём, как правило, толпились гуляющие эльфы, зато утром никто не мешал. То один, то другая вырывались вперёд – с торжествующим криком или мявом. Если дорожка поворачивала и петляла – они тоже. Потом они останавливались, возбуждённые и счастливые, пытаясь отдышаться, поворачивали и мчались обратно. Кьяре очень нравились их пробежки, которые напоминали ей “старые добрые” времена (бывшие совсем недавно), когда они с Элаем – прежним и нескучным – носились весь день напролёт. Элай же обнаружил, что подобные забеги с утра пораньше проясняют его юную голову, и потом гораздо легче учиться.

В этот раз он выбрал дорожку, ведущую на север (и он знал уже, где север, а где юг!). На самом деле дорожка была круговой – вместе с Садами она бежала вокруг Замка, и можно было, пойдя по ней в одну сторону, выйти в ту же точку с другой, противоположной. Иногда Элай с Кьярой так и делали, но не сегодня. Сегодня они решили добежать лишь до какого-нибудь случайного места – просто так, без причины, – остановиться и побежать обратно, и когда, запыхавшиеся, но радостные, повалились на травку, отдыхая перед обратным забегом, среди зелёных травинок прямо у них перед носом вдруг что-то мелькнуло – тоже зелёненькое. Пошевелилось и снова замерло.

— Да это же лягушка! — воскликнул Элай, приглядевшись. — Какая красивенькая.

Приблизив свой нос, Кьяра довольно равнодушно понюхала лягушку. Ну и что такого? – говорил весь её вид. В лягушке действительно не было ничего необычного, тем не менее Элай разглядывал её с любопытством. Они ещё не проходили лягушек на уроках подробно, но он всё равно уже знал, что лягушки – это зем-но-вод-ные. И вот вторая часть этого слова и говорила ему сейчас, что данная конкретная лягушка никак не может быть обычной. Потому что в ближайших окрестностях не было никакой воды – ни ручьёв, ни фонтанчиков, ни декоративных прудиков с разноцветными рыбками. Даже луж от дождя и то не было. Тогда что она здесь делает? Может, заблудилась? *Обычно* он видел лягушек возле ручьёв – они сидели там в каком-нибудь тенёчке, часто под мостиками, и квакали. Вот *они* были обычными. Эта же лягушка явно отличалась: сидит здесь одна-одинёшенька, без своих лягушачьих подружек, никуда не скачет, не квакает – и воды рядом нет! Может, она полностью сухопутная? Бывают такие? Заинтригованный Элай забыл про пробежку, улёгся на живот и уставился на странную лягушку. Это была загадка, а загадки, как он считал, надо разгадывать – иначе зачем они вообще нужны?

Кьяра с недовольным видом (ну вот, опять!) уселась рядом и тоже уставилась на лягушку. Так и не углядев в ней ничего интересного (лягушка – она и есть лягушка), она протянула лапу, чтобы потрогать маленькое земноводное.

— Эй, не трожь! — испугался Элай. — Смотри, какая она маленькая!

Кьяра тут же надулась, но лапу убрала. Повернувшись к лягушке и Элаю спиной, она демонстративно уставилась в небо. Намёк был ясен, но Элай его проигнорировал – всё его внимание занимала новая загадка. Как давно он не разгадывал загадок? Куда течёт ручей? Куда летит пчела? Вспомнив про пчёл, он сразу же вспомнил и про сделанное им открытие – пчёлы живут в пчелиных Замках, которые растут на деревьях! Ну, не растут, конечно, пчёлы их сами делают, но это он позже узнал. И вообще, детали не важны. Главное – само открытие! И переполняющее чувство триумфа! И он ведь хотел *ещё*, но забыл, потому что начал учиться и помнить об открытиях стало некогда. Зато теперь вспомнил! Благодаря этой загадочной зелёненькой находке. Может, он и с помощью неё что-нибудь откроет? Где живут лягушки, кроме ручьёв? Вдруг у них тоже бывают лягушачьи Замки? Вот бы она поскакала куда-нибудь, тогда можно было бы пойти за ней и посмотреть. И сделать открытие! Он с надеждой воззрился на лягушку, но та продолжала неподвижно сидеть и как будто бы никуда не собиралась. Элай решил подождать. Должна же она когда-нибудь сдвинуться с места!

Минуты текли, никто не двигался. Кьяра устала от своей демонстрации и улеглась поудобнее. Она была очень недовольна: вместо весёлой пробежки сидеть и ждать непонятно чего! Опять он нашёл себе какую-то ерунду и теперь будет на неё пялиться, а она должна страдать! Кьяре казалось, что проходят не минуты, а часы. Время тащилось еле-еле. Наконец, спустя целую вечность (длиной минут пятнадцать) Элай вздохнул и поднялся с земли.

— Скоро уроки, — сказал он, — пора идти.

На самом деле он тоже устал ждать – и вовсе он не зануда, как считала Кьяра! – но не признаваться же! Он придёт сюда попозже – вдруг лягушка ещё никуда не ускачет. А пока…

— Давай, побежали обратно! — воскликнул он и припустил во весь дух по дорожке. Кьяра радостно подскочила и помчалась следом – вот это другое дело!

Дальше день шёл без особенностей. Сначала уроки (любимая часть Элая) – правописание и математика, потом обед (любимая часть Кьяры). Обедали снова на кухне, но это было обычной практикой – не только для друзей, а вообще для всех эльфов. Хоть у них и имелась столовая – довольно помпезная зала с общим длинным столом в центре и множеством маленьких возле стен и по углам, – ею редко кто пользовался. Имевшийся в теории график приёма пищи никто не соблюдал, все ели, когда хотели и могли – кто поодиночке, кто маленькими группками. И проще всего было поесть на кухне, где специально для этого, кроме зоны для готовки (две печи, большой стол, куча шкафчиков и тумб), организовали и обеденную зону с несколькими небольшими круглыми столиками. Не считая персонального столика для Кьяры, конечно, на котором она сейчас и восседала, уплетая варёные овощи и снова недовольно поглядывая на Одуванчика, который опять присутствовал, нежась у тёплой печки. Этот кот постоянно попадался ей на кухне, сидя то на подоконнике, то на столе, то на стуле, то на полу возле печи и зыркая на неё карими глазами. “Живёт он здесь, что ли?” — бурчала про себя Кьяра. Она не любила Одуванчика. Когда-то, совсем крошкой, она пыталась с ним подружиться, видя в нём своего сородича – он выглядел точь-в-точь, как она, даже цвет похож, только без крыльев. Но Одуванчик не принял её дружбы, наоборот, он на неё шипел, что для маленькой (но уже весьма самолюбивой) Кьяры, конечно же, было сродни объявлению войны. Другие кошки, живущие в Замке, реагировали на Кьяру похожим образом, и ей не оставалось ничего другого, кроме как перестать к ним подходить. Сначала она удивлялась, потом обижалась. “Да они просто не понимают, какая ты особенная! — прокомментировал однажды ситуацию Элай. — Они неразумные, а ты – умная! Ты говорить умеешь!“ “А ведь и правда, — подумала про себя маленькая Кьяра, — они не такие, как я!” С этих пор она считала, что другие кошки (особенно Одуванчик!) не достойны её драгоценной дружбы, они – просто кошки, а она… она… Кто она, Кьяра точно не знала. Она – это она, что тут ещё знать? Но зато она точно умная! В этом Кьяра была абсолютно уверена. Впрочем, она не совсем поняла, что имел в виду Элай, утверждая, будто она умеет говорить. Конечно, эльфийские слова она прекрасно понимала, но сама выговорить их не могла. Она общалась не словами. Но какая разница, если её понимают!

— Чем займёмся? — спросил Элай с набитым ртом, прерывая молчаливое противостояние взглядами между Кьярой и Одуванчиком.

— Мур, мур, мяу, — сказала Кьяра, не задумываясь. Что означало: пойдём играть и бегать, что же ещё?

— Тебе бы только играть и бегать целыми днями, — укоризненно сказал семилетний Элай, считавший себя теперь серьёзным и взрослым – ведь начал же он учиться! — Пойдём лучше полазим по деревьям, посмотрим, как они наверху устроены. А играть будем потом, после.

И они пошли лазить по деревьям. В саду их было предостаточно, но друзьям больше нравились те, что росли под самыми стенами Замка – они были толще и выше, и развесистее. Особенно они любили старое дерево прямо под окном их комнаты на втором этаже – приземистое, чуть выше этого самого окна, со сморщенной, шершавой, почти чёрной корой, серд-

цевидными листьями, толстыми ветками и удобной развилкой прямо посередине широкого ствола, на которой было так здорово сидеть, болтая ногами и лапами. Налазившись вдоволь по другим деревьям и утомившись, друзья провели оставшееся время, сидя на своём любимом, разглядывая проходящих мимо эльфов, плывущие в небе облачка и, в целом, отдыхая и даже слегка дремля (ибо Кьяра успела сбегать на кухню пополдничать, да и Элай перехватил пару пирожков). Про лягушку он вспомнил только к вечеру.

— Смотри, она всё ещё здесь, — удивился он, когда они поспешно прибежали на нужное место. Лягушка действительно продолжала сидеть всё там же и, казалось, даже не пошевелилась. А может, и шевелилась, но не сильно заметно, предположил Элай. В любом случае, она казалась ему теперь ещё более странной и необычной – шутка ли, просидеть неподвижно полдня, никуда не отлучаясь, не евши, не пивши! Он бы так точно не смог, не говоря уже о Кьяре, которая и пяти минут-то спокойно не высиживает, если только не спит и не ест! С другой стороны, возможно, лягушка и отлучалась – пока никто не видел, и прискакала обратно, а может, это вообще другая лягушка.

— Как думаешь, это всё та же или другая? — спросил он у Кьяры. Та приблизила нос и принюхалась.

— Мяу, мур, — сказала она, что значило: та же самая. И как она всё по запахам распознаёт? – в очередной раз подивился Элай. Но Кьяриному носу он верил.

— Так что, подождём, пока она куда-нибудь поскачет? — задал он риторический вопрос. Он-то по-всякому собирался подождать: чем дольше лягушка здесь сидит, тем больше шансов, что ей надоест и она… Кьяра помотала хвостом, что являлось у неё эквивалентом пожатия плечами. Ей было всё равно, поскачет ли лягушка, и ждать она не любила, но раз Элаю приспичило, он отсюда не уйдёт – такой упрямый! С другой стороны, если лягушка поскачет, то они побегут за ней, а это весело! Конечно, прошлая погоня закончилась для Кьяры печально, но ведь лягушки – это не пчёлы, лягушки точно не кусаются, Кьяра была в этом уверена!

По итогу этих размышлений друзья присели на травку возле маленького земноводного и приготовились ждать.

Время шло, они ждали – сперва довольно спокойно, потом ёрзая, потом легли на землю как можно удобнее, потом им надоело и они снова сели. Лягушка не двигалась… Вскоре небо окрасилось закатом. Заходящее солнце садилось позади Замка, поэтому огромная тень от него протянулась на весь восточный сад, создавая иллюзию сумерек, предваряя приход настоящих…

Как только стало темнеть, Элай начал разочарованно подниматься. Пора было домой, ему пока не разрешали гулять затемно. Эх, такое приключение сорвалось! – подумал он огорчённо. А ведь мог совершить открытие! Но только он встал и сделал шаг в сторону дорожки, как лягушка пошевелилась и заквакала. Элай замер. Кьяра, уже успевшая отбежать, вернулась обратно и посмотрела на него заблестевшими глазами. “Ну что? — говорил её взгляд. — Что дальше?” Взгляд Элая был прикован к лягушке. Та ещё немного поквакала, развернулась и довольно шустро и целеустремлённо попрыгала прочь. Повеселевший Элай не долго думая ринулся за ней. Ура! – ликовал он внутри. Она попрыгала! Теперь наверняка где-то впереди его ждёт открытие! Лягушачьи Замки или что-нибудь ещё! Он забыл, что темнеет и им надо домой. Мы быстренько, оправдался он, когда эта мысль всё-таки мелькнула в голове, и та улетучилась оттуда, сметённая воображаемыми лягушачьими Замками.

Конечно же, бежать не пришлось – лягушка была не настолько шустрой, – и они просто шли быстрым шагом. Сложнее было не потерять её из виду: маленькое земноводное сливалось цветом с травой, а когда та стала выше и гуще, то просто терялось в ней. Помогало то, что оно двигалось и шуршало, а иногда поквакивало. По мере того, как темнело, Элай всё больше ориентировался на слух. А темнело довольно быстро. Либо же он настолько увлёкся погоней, что не замечал времени – не успел оглянуться, как синева неба налилась чернотой, и на него

высыпали звёзды. Сама темнота Элаю не мешала – эльфы неплохо в ней видели, обладая ночным зрением, которое улавливало малейший свет, превращая полный мрак в серые сумерки. Так что он не запинался и не натыкался на деревья. Кьярино ночное зрение оказалось ещё лучше – она видела ночью, как днём. Проблемой являлась не темнота, а позднее время, потому что их могли просто-напросто потерять: до сих пор они никогда не гуляли так допоздна, если не считать коротких ночных вылазок через окно, о которых, как они думали, никто не знал. Но скачущая лягушка занимала всё внимание целиком, и мысль о беспокоящихся родителях уже не могла пробиться сквозь этот азартный заслон. Лягушка прыгала и прыгала – то по прямой, то сворачивая, может быть, даже водя их кругами, – и Элаю казалось, что они зашли уже куда-то далеко-далеко. “Ничего себе, Сады какие большие!” — думал он восторженно. Раньше они казались ему меньше, он даже выходил к их краю и любовался открывшимся вольным простором (когда-нибудь он пойдёт туда – вдаль – как настоящий путешественник!). А в этот раз никакой край не показывался, они будто бы шли уже не по обычному фруктовому саду, а по большущему фруктовому лесу! Да фруктовые ли это деревья? Боковым зрением он замечал, что всё больше попадаются и какие-то другие – не фруктовые. Но оглядеться как следует не мог – приходилось следить за лягушкой! Сами деревья тоже стали расти как-то плотнее, гуще. А сумеречные краски, в которых Элай сейчас видел мир, превращали этот самый мир в совершенно иной – загадочный и незнакомый. Они словно и правда идут по какому-то таинственному лесу! Элаю было не страшно. Стрёкот сверчков, редкое пение ночных птиц, шелест тёплого ветерка, доносившего откуда-то слабый цветочный аромат, придавали всему окружающему сказочности и очарования. И Элай был очарован. Вот это приключение! – думал он. Где же живут эти лягушки? Про родителей он и думать забыл. Кьяра бежала рядом, её зелёные глаза светились в темноте, а золотистая шёрстка стала почти чёрной. Для неё вокруг не было ничего таинственного, но она всё равно находилась в приподнятом настроении – такое времяпрепровождение гораздо лучше, чем какие-то там уроки! Единственное, что вызывало у неё недовольство – она пропустила ужин.

Была уже глубокая ночь, когда деревья наконец-то расступились, пропуская друзей следом за лягушкой на открытое пространство. Впереди в свете звёзд блеснула ровная поверхность воды. Лягушка куда-то упрыгала, растворяясь в темноте, но никто этого не заметил: Элай и Кьяра, затаив дыхание, смотрели на открывшееся перед ними чудесное зрелище.

Это был небольшой круглый пруд – не то рукотворный, не то природный, – заросший по берегам камышами и осокой. В темноте ночи вода казалась чёрным чернильным пятном, над которым то тут, то там виднелись бледные очертания кувшинок и водяных лилий. Сам пруд со всех сторон был полностью окружён плотной стеной кустов и деревьев, создавая у Элая стойкое ощущение, что они попали в какое-то тайное, затерянное место, и сложно было представить, что оно может находиться где-то в их фруктовом саду. Как только они шагнули сюда, ветер сразу утих, листья перестали шуршать, птицы со сверчками замолкли. Тишина охватила их, окутала своим невесомым одеялом, и несколько биений сердца они стояли в полном безмолвии и неподвижности. Ничего не двигалось, ничего не происходило. И вдруг впереди над деревьями появилось белое зарево: это всходила луна. Звёзды потускнели, растворяясь в разгорающемся белом сиянии. Стволы деревьев на этом светящемся фоне внезапно стали очень тёмными и чёткими, а листья начали отливать серебром.

Луна медленно всходила, поднимаясь всё выше и выше, и наконец выкатилась из-за деревьев – круглая сверкающая капля посреди чёрных небес. Пруд, только что казавшийся чернильной кляксой, вмиг преобразился и стал похож на гладкое серебряное зеркало, в котором отражался призрачный лунный свет, а сама луна виделась в нём круглым драгоценным камнем, лежащим на дне. Росшие в пруду водяные лилии как будто засветились изнутри, их хрупкие изящные бутоны казались звёздами, упавшими с ночного неба.

Элай стоял, затаив дыхание, с открытым ртом, не смея шевельнуться и вдохнуть – ведь если он вдохнёт, то всё это белое сияние, залившее поляну, неминуемо польётся прямо в него, как молоко, и он в нём непременно захлебнётся! Почувствовав внизу что-то пушистое и тёплое, он посмотрел под ноги и встретил ярко-зелёный взгляд Кьяры. Её глаза светились – не то лишь отражённым светом, не то восторгом, какой испытывал он сам – восторгом, распиравшим грудь (его грудь или Кьяры?). Снова он не смог разделить их чувства – как тогда, полгода назад, с теми пчёлами. Но в тот раз это был страх – один на двоих, а теперь – восхищение.

Минуты текли, словно вечности. Сколько они уже находятся здесь, возле пруда, в этом сиянии? Луна в небесах будто замерла, время совсем остановилось. Элаю казалось, что они застряли в какой-то одной секунде, которая всё длится и длится… Неожиданно он понял, что слышит какую-то песню – тишина уже не была абсолютной. Песня – еле слышная – как будто рождалась где-то в его голове и только потом попадала в уши, становясь с каждым биением сердца всё громче и громче, но не давая разобрать слова. И вскоре стала настолько громкой, что преодолела пределы головы – теперь он слышал её отовсюду: от пруда, из травы, из кустов, из-под ног. Она была прекрасна – самая прекрасная песня на свете! – и сердце от неё замирало в какой-то сладостной неге. А в какой-то момент Элай вдруг понял, откуда она – это квакали лягушки, сотни лягушек соединяли вместе свои пронзительные голоса, но каким-то удивительным образом это звучало, как песня – песня, оглашающая тишину ночи, заполняющая разум и душу, летящая ввысь, к полной луне. Это была лягушачья песня – но это не имело значения! Он хотел слушать её бесконечно – затаив дыхание, в серебряном лунном свете, забыв, кто он и где находится.

Элай очнулся в полной тишине. Песня смолкла, а он не заметил – когда. Сияние тоже исчезло, вокруг занимался бледный рассвет. Луна уже не отражалась в пруду, она прошла свой ночной путь и выглядела, как голубоватое круглое пятно в посветлевшем утреннем небе. Подул ветерок, зашуршав листьями и принеся с собой прохладу и разные садовые запахи. Пруд выглядел обычным с обычной водой, белые лилии оставались красивы, но больше не напоминали сияющие белые звёзды. Элай пошевелился и огляделся. Что это с ним только что было? И было ли? Не приснилось ли всё это? Однако отголоски лягушачьей песни звучали в ушах, а взглянув под ноги, он увидел Кьяру, по-прежнему сидящую рядом, аккуратно сложив крылышки, с чрезвычайно задумчивым видом. Непривычно задумчивым. Она… она ведь тоже слышала? Видела? Элай хотел её позвать, но не мог вымолвить ни слова – говорить вслух казалось невозможным… каким-то кощунственным. Но Кьяра всё равно как будто услышала. Она подняла голову, и в её встречном взгляде мелькнуло что-то такое… тоска, мечта, сожаление… Элай не смог определиться точно, хотя такие же чувства, подобно отражению, тут же возникли в его голове. Это были её чувства… или его... Или они были общими? Элай пока не мог как следует разобрать, ведь ему было всего-то семь лет.

Очарование случившегося постепенно спадало, и он вдруг вспомнил, что они пришли сюда вообще-то за лягушкой. И что это было вечером. Вечером!!! А сейчас утро!!! Они пробыли тут всю ночь! Ушли, никому ничего не сказав, не предупредив! Конечно, они не знали, что так получится, но вряд ли родители посчитают это оправданием! Они, наверное, их потеряли! Они, наверное, беспокоятся! Может, даже ищут их! Элай вдруг испугался, представив расстроенное лицо матери и укоризненный взгляд отца. Надо поскорее бежать домой! Вдруг их отсутствие всё-таки не заметили! Хотя вряд ли, они же ужин пропустили! Подстёгиваемый всеми этими мыслями и чувствами, он развернулся и побежал обратно к Замку, бросив назад напоследок лишь один сожалеющий взгляд. Но жалел он не сильно – он собирался вернуться. Кьяра без долгих размышлений побежала за ним. Она тоже беспокоилась, что пропустила ужин, но решила наверстать – позавтракать дважды!

Путь обратно занял немного времени – ни за кем следить не надо, искать дорогу – тем более, громада Замка прекрасно видна из любого места Садов. Элай мимолётно подумал, что

к пруду они шли намного дольше. Несомненно, из-за лягушки, которая скакала не пойми как. И всё-таки какой странный этот пруд: такое примечательное место, а он никогда на него не натыкался; чтобы найти его, даже лягушка понадобилась! Но сразу же успокоил себя: так и должно быть с настоящими открытиями – сначала они неизвестные, а потом раз – и делаешь открытие, открываешь их! И только потом они известными становятся.

Добежав до Замка, друзья остановились и задумались: куда дальше – через главный вход или залезть через окно? Может, они тихонечко залезут и лягут спать – вроде как они у себя и были. Но, с другой стороны, если их ищут, а они не покажутся, и их продолжат искать, а они там – у себя… Элай поморщился: как-то нехорошо. У Кьяры же была своя дилемма: пойти на кухню сейчас или дотерпеть до обычного времени завтрака. Но, пока они раздумывали, сзади неожиданно послышался голос:

— Ах, вот вы где, сорванцы!

Элай и Кьяра подпрыгнули не хуже лягушки. Обернувшись, они увидели идущего к ним быстрым шагом короля Элариана. Лицо у того было напряжённое и хмурое, и Элай тут же пожалел о своей беспечности и что так получилось с прудом (но не о самом пруде!). Король, не переставая идти, повернул голову и крикнул куда-то в сторону:

— Я их нашёл!

Через пару минут Элай увидел свою маму, поспешно бегущую к ним с очень-очень расстроенным лицом (почти как в его воображении) и с красными бессонными глазами, и пожалел обо всём ещё больше. Лорана подбежала и молча его обняла, а он клятвенно обещал себе, что никогда больше не пойдёт за лягушками вечером – только днём или утром.

— Так воот где вы были! — протянул король Элариан, когда Элай, путаясь в словах и восторгах, как мог рассказал родителям о своём вчерашнем великом открытии. Было позднее утро следующего дня, и они втроём сидели на лавочке во дворе, нежась в лучах тёплого солнца. Кьяра неподалёку бегала за бабочками – её не интересовали рассказы, – но иногда посматривала в сторону скамейки и мяукала, выражая согласие со сказанным.

— Теперь понятно, почему вы смогли вернуться только под утро, — продолжил король, — но это не снимает с тебя ответственности: не нужно искать приключений на ночь глядя! Видишь теперь, как мы с мамой волнуемся, когда не знаем, где ты и почему не пришёл на ужин?

— Вижу, — удручённо ответил Элай.

— То-то же! А теперь хорошие новости: вам невероятно повезло!

— Правда? — удручённость Элая мигом исчезла.

— Да. Вы нашли зачарованный, волшебный пруд. Который можно найти только раз в жизни и то не всем. Эта поляна с прудом показывается избирательно некоторым эльфам и только в полнолуние – когда над ней звучит песня луны. Считайте себя с Кьярой везунчиками – магия вас любит.

— Ух ты! — воскликнул Элай. — Волшебный пруд! Я так и знал, что он особенный! А откуда он у нас в саду появился?

— Никто не знает. Когда основатели Замка разбивали Сады, они его не создавали, и на этом месте ничего подобного не было. Он просто появился со временем откуда ни возьмись.

— Может, он просто прятался ото всех, а когда мы тут поселились, то понравились ему, и он рассекретился, — предположил Элай.

— Может быть, — согласился король. — Ну, иди, поиграй. Скоро обед и уроки, которые вовсе не отменяются из-за того, что мы все спали сегодня лишь четыре часа.

— Ты не сказал ему, — проговорила Лорана, когда Элай убежал играть.

— Почему же – сказал.

— Он не обратил внимания.

— Он спросит сам, когда не сможет найти поляну повторно. Личный опыт – лучше слов. Всё равно он побежит проверять.

— Кхм, — хмыкнула королева, — в этом я не сомневаюсь. Наш ребёнок – настоящий сорви-голова и любитель приключений.

— Он говорил, что хочет стать путешественником и совершать открытия.

— Может, он нам и море найдёт? — улыбнулась Лорана.

— Судя по его везению, это вполне возможно. Это надо же, найти лягушачий пруд в таком раннем возрасте! Мне было лет семьдесят, когда я его нашёл. А ему – семь!

— Наш мальчик особенный, — убеждённо заявила королева.

Они помолчали, задумавшись.

— Эх, как бы я хотел услышать песню снова, — мечтательно произнёс Элариан немного погодя.

— Я тоже, дорогой, я тоже, — отозвалась Лорана. — А помнишь, как там прекрасно? Вся эта магия… Я помню, мне казалось, что я где-то в другом, ином мире.

— Но так и есть, похоже. Та поляна в какой-то другой плоскости бытия, иначе почему ты не смогла определить, где находится Элай? Ты же всегда знаешь, в какой он стороне!

— Действительно, — королева задумалась, — это может быть правдой. Элай как будто внезапно исчез для меня, как будто вышел за радиус действия способности или… Как же я тогда напугалась!

— Ну ничего, ничего, теперь всё в порядке, — Элариан обнял жену. — И он обещал больше не убегать на ночь глядя.

— Посмотрим, — буркнула Лорана с сомнением в голосе.

Целый месяц после этого Элай с Кьярой искали волшебный пруд, пока слова отца внезапно не всплыли в памяти, обретая для Элая новый смысл: “пруд можно найти только раз в жизни и то не всем”. Раз в жизни! А у них-то уже этот один раз был! Они-то уже свой раз потратили! Это что же значит, поляну больше не найти? И не услышать лягушачью песню?! Не увидеть белое сияние?! Ну как же так! Это же нечестно! Элай побежал искать отца.

— Да, это так, — подтвердил тот. — И тут ничего не поделаешь. Я тоже уже свой раз потратил, — вздохнул он, — и твоя мама – тоже. Но зато этот раз у нас был – не всем так повезло!

— А почему так? — спросил огорчённый Элай.

— Так часто бывает с магическими местами, особенно с водоёмами. Воду легче всего заколдовать, но такое волшебство очень хрупкое и деликатное. Кого попало к себе не пускает. А если пускает – то часто всего единожды, потом это место не найдёшь.

Элай ещё сильнее огорчился, но потом ему в голову пришла внезапная мысль.

— Но я могу найти какое-то другое такое место? — спросил он с надеждой.

— Конечно, — подтвердил Элариан. — Ты вполне можешь найти ещё какой-нибудь волшебный водоём или что-то похожее, — сам король не был в этом уверен, но не хотел лишать сына надежды, да и кто его знает…

Элай ушёл, окрылённый надеждой. Он был просто в восторге от магии. Если магия такая прекрасная, как волшебный пруд или лягушачья песня, то тогда это же… это же… Это замечательно, что магия существует! Пусть бы ему побольше встречалось всякой магии! Особенно волшебных прудов с лягушками и лилиями! А может, ему стать волшебником, когда вырастет?

Глава 4. Что это там светится?

Ещё какое-то время после этих событий Элай ходил как во сне. В памяти то и дело всплывали воспоминания о лягушачьей песне и о лунном сиянии, и он никак не мог примириться с мыслью, что никогда их больше не увидит и не услышит. Несмотря на уверения отца, что повторно найти пруд не удастся, он всё равно периодически пробовал его отыскать: они с Кьярой облазили все Сады в районе его предполагаемого нахождения, следили за разными лягушками, выискивали тайные тропинки… Но ничего не помогало. Как же так? – огорчённо думал Элай. Не может быть, чтобы такая прекрасная вещь была одноразовой! Может быть, волшебный пруд сделает для них с Кьярой исключение? Что ему стоит? Но дни бежали за днями, а всё оставалось по-прежнему – ни единого намёка, что пруд вообще существовал и находился в их саду! Видно, у него был очень трудный и скрытный характер! Неужели все магические места такие… необщительные? Элай всё больше и больше расстраивался от этих мыслей, печально слонялся по Замку или по двору, сидел, уставясь в одну точку. Кьяра слонялась вместе с ним, не совсем понимая причину (сама она предпочитала жить настоящим), но изо всех сил морально поддерживая. А королева Лорана, видя сына таким, озабоченно хмурилась.

“Займись чем-нибудь другим, отвлекись, — посоветовала она ему в качестве утешения, в очередной раз заметив, как он удручённо сидит на скамейке, сгорбившись и уныло болтая ногами. — Волшебные вещи любят деликатность, — она присела рядом и обняла сына за плечи. — Если проявлять к ним слишком назойливый интерес, они ни за что не показываются. Но если ты о них позабыл – по-честному, без дураков! – то они сами тут как тут – неожиданно появляются, когда не ждёшь.”

“Значит, они любят делать сюрпризы?” — обрадовался Элай.

“Именно!”

“А как же папа говорил, что лягушачий пруд показывается только раз в жизни?” — Элай озабоченно сдвинул светлые бровки.

“Просто папа говорит из прошлого опыта – до сих пор никому пруд не открывался дважды. Но кто сказал, что это не может однажды измениться? Всё когда-то случается впервые.”

После этого разговора Элай повеселел и снова обрёл надежду. Если пруд такой чувствительный и скромный и не любит назойливость, то он не будет больше искать его специально. И даже постарается про него забыть, как посоветовала мама. Правда он сомневался, что сможет забыть его “без дураков”, по-честному. Но приложит все усилия – раз это обязательное условие! Чем бы таким для этого заняться? Нужно найти что-то интересное, чем он ещё не занимался! Папа постоянно твердит ему на уроках, что вокруг полно интересного, даже если кажется, что всё это уже видел, надо лишь внимательно смотреть по сторонам. И Элай решил именно этим поскорее и заняться – смотреть по сторонам. Внимательно.

Начать он решил в тот же день, во дворе – погода стояла прекрасная, в четырёх стенах сидеть не хотелось. Он огляделся: что вокруг есть такого… эдакого… достойного? Чем бы увлечься? Может, клумбами? Но он их сто раз уже видел. Или нет… двести раз… а может, больше. Цветы на них всё те же, что и раньше – красивые, конечно, но он их все уже давным-давно понарассматривал и перенюхал. И вообще, нюх – это по части Кьяры. Скамейки – тоже не то. Ну, красивые, узорчатые, из этого… чугуна или каменные, и на них часто лежат всякие плетёные коврики, чтобы сидеть было тепло и мягко, только в дождь они намокают, но потом очень быстро высыхают обратно. А так – ничего интересного. И вообще, глупо увлекаться скамейками. Ещё во дворе постоянно стоят чьи-нибудь мольберты с рисунками. Рисунки бывают здоровские, но их вообще полно по всему Замку. Элая к рисованию не тянуло, поэтому мольберты он тоже посчитал не особо стоящими внимания. И тут взгляд его упал на фонарь.

Фонари у эльфов были необычными, в них горели вовсе не свечи. Выглядели они так же, как и все фонари: длинный металлический столб с круглым плафоном на конце. Только плафон (из хрустального стекла) был открытым сверху, и, разумеется, как всё эльфийское, отличался изящными формами и походил больше на какую-нибудь экстравагантную вазу. Для Элая же фонарь был самым обычным – такие фонари стояли по всему саду, и во дворе, и вдоль стены Замка. Он видел их всю жизнь: днём – пустыми и тёмными – просто красивые украшения, а когда темнело, в них зажигался мягкий тёплый желтоватый свет. Элай никогда не обращал внимания, когда именно этот свет появляется и каким образом. Плафоны висели где-то высоко-высоко над его головой и казались ему такими же далёкими, как луна и звёзды, и примерно такими же недосягаемыми. Внизу, на его уровне, было полно других занимательных вещей, так что очевидный, казалось бы, вопрос никак не мог пробраться в его светловолосую, забитую этими вещами головку. До сих пор.

А почему фонари светятся?

Вопрос возник сам собой, как только Элай бросил взгляд на один из них, стоящий в начале дорожки, ведущей в сад. Миллион раз он пробегал мимо этого фонаря и ни разу не задал себе этот вопрос: откуда вечером внутри берётся свет? Разве его кто-то зажигает? Ставит туда свечки? Элай такого не помнил. Правда, задумавшись, он смог припомнить, что временами кто-нибудь, приставив лестницу, залезает наверх и что-то там, наверху, делает. Днём. Он думал, просто протирает плафоны. Теперь вдруг эти действия показались ему крайне загадочными. И сами фонари тоже – сплошная загадка! Что же там, в них, светится?

Сперва он собирался пойти и просто спросить у мамы или папы. Но тут же засомневался: если он спросит, то ему, конечно же, сразу ответят. А дальше-то что? Чем же он тогда увлечётся, если немедленно всё узнает? Весь интерес же пропадёт! И снова появятся мысли о волшебном пруде, и тот продолжит прятаться! Нет, так не годилось! Он ничего не будет спрашивать – он всё узнает сам! Так гораздо интереснее! Это будет такое приключенческое путешествие с открытием в конце! Только вместо путешествия – таинственное расследование, а вместо новой местности – загадочный фонарь!

Перво-наперво Элай решил посмотреть, как фонари загораются: может, их всё-таки кто-то зажигает, подобно свечкам, расставленным и развешанным по всему Замку? Те точно загорались не сами по себе – их зажигали специальные эльфы, у которых это входило в обязанности – Элай сам видел. Ходили по вечерам по коридорам и залам и зажигали свечи в подсвечниках или меняли на новые. (Элай это полностью одобрял: со светом свечей было гораздо уютнее, а в коридорах без окон вообще являлось необходимостью, поскольку для ночного зрения нужен хоть какой-нибудь свет, пусть самый слабый и рассеянный.) Так может, и с фонарями также? Элай опять поворошил свою память, но нет – он не помнил сам момент зажигания. Похоже, он при нём ни разу и не присутствовал! Или был уже дома, или куда-нибудь мчался, ничего не замечая по сторонам (они с Кьярой только так и бегали!), или просто не задумывался об этом и всё пропускал! А значит, первым пунктом плана стояло дождаться этого важного момента и посмотреть…

Элай не знал, когда именно фонари зажигаются – как только начинает темнеть или чуть раньше? А может, наоборот – чуть позже? Чтобы уж точно не пропустить, он решил начать ждать пораньше, когда ещё светло, но уже дело к вечеру. И вот, часов в шесть пополудни они с Кьярой вышли на вечернюю прогулку. Чтобы ждать было не скучно, они взяли с собой мячик (эльфы шили мячики из цветастой плотной ткани и набивали их сухими семенами, корешками и травами). Кьяре мячик очень нравился – он катался и немного подпрыгивал, и она радостно гоняла его по двору и дорожкам сада, а Элай со смехом гонялся за ней; иногда они менялись местами или катали мячик друг к другу. Занятие было очень весёлым, и друзья не замечали, как вместе с мячиком бежит время. Когда они, уставшие и счастливые, наконец остановились, Элай вдруг вспомнил о своём расследовании и с волнением огляделся по сторонам, выискивая

ближайший фонарь. Один из них стоял прямо рядом со скамейкой, на которую друзья плюхнулись, утомившись игрой. На улице темнело. Фонарь горел неярким, уютным светом. О-о-о-о…

На следующий день Элай решил не играть, а сесть на лавочку и ждать, не спуская глаз с фонаря. Теперь-то он будет очень внимательным и ни за что ни на миг не отвлечётся! Он дисциплинированно сел и уставился на круглый плафон, стараясь лишний раз не шевелиться и даже не мигать (вдруг именно в момент мигания фонарь-то и зажжётся!). Первые несколько минут прошли нормально. Потом глаза у него начали слезиться, а тело от напряжения стало сводить судорогой. “А может, не обязательно быть *настолько* внимательным, — подумал он, вытирая рукавом выступившие слёзы, — наверное, достаточно просто смотреть в нужную сторону.” Проморгавшись, он уселся поудобней и снова уставился на фонарь, от скуки отмечая про себя разные детали: как изгибается хрусталь, какой он немного матовый, какой столб серебристый, а что это там наверху прилепилось – листик, что ли? Через какое-то время Элай начал клевать носом. Очнувшись в очередной раз от полудрёмы, он заметил, что уже почти… почти темнеет! Фонарь уже скоро загорится, а он тут практически спит! Да так ведь можно всё по-новой пропустить! Чтобы взбодриться, он быстро огляделся в поисках Кьяры – вот уж с кем не соскучишься! Надо только продолжать смотреть на фонарь.

Кьяра нашлась совсем неподалёку. В самом начале ожидания она, можно сказать, тоже участвовала: сидела с Элаем на лавочке и мотала головой туда-сюда, беспечно разглядывая то одно, то другое. В качестве одного обычно выступали её любимые бабочки, порхающие над клумбами, а в качестве другого – пролетающие мимо мухи или пчёлы. А на что ещё тут смотреть? Не на столб же, на который зачем-то пялился Элай! Но вскоре Кьяре сидеть надоело, и она побежала играть и бегать: мячик оставался во дворе ещё со вчерашнего вечера, как будто специально её ждал!

— Эй, эй, Кьяра, — позвал её Элай, почему-то шёпотом, как будто от громкого голоса фонарь мог не засветиться, — ты чего тут бегаешь? Мы же хотели проследить, когда фонари зажигаются.

Кьяра с неохотой оторвалась от своего интересного занятия.

— Мяу, мур, мяу, — сказала она, что означало нечто вроде: это ты хотел, а я-то тут при чём?

— А при том, — возразил Элай, — что ты должна мне помогать *по-товарищески*.

Кьяра удивлённо подняла голову: по-товарищески? А разве она не помогает? Кьяра очень хороший товарищ! Разве она не составляет ему компанию в играх? Разве не бегает с ним в догоняшки, не участвует в разных погонях? Разве не находится всё время рядом, морально поддерживая? Да она даже на уроках с ним сидит, хотя те ужасно скучные!

— Мяу, мяу, мяу! — сказала она возмущённо, вложив туда все свои оскорблённые чувства.

— Ну ладно, ладно, — смягчился Элай, — но тогда ты должна и сейчас мне помогать – делать так, чтобы я не уснул и не пропустил, как фонари зажигаются!

— Мур, мяу, мур! (так ты же и так не спишь!)

— Сейчас-то нет, но могу, потому что сидеть просто так – скучно.

— (Тогда зачем ты это делаешь?)

На это Элай так сразу с ответом не нашёлся. Такой совершенно, казалось бы, простой и логичный вопрос требовал от него довольно путанного и пространного ответа, объясняющего интерес к фонарям и сложную причину его возникновения. А так как Элай не готов был влазить в такие эмоционально-интеллектуальные дебри, то, немного подумав, сократил свой ответ до очень простой истины, понятной даже легкомысленным крылатым пантерам:

— Потому что мне надо, — сказал он строго.

Кьяра глубокомысленно задумалась и утвердительно мяукнула: да, такой ответ её вполне устраивал, он сразу всё объяснял. Теперь понятно, что у Элая это просто такой каприз, а в

капризах Кьяра разбиралась. Она прекрасно знала, что те возникают сами собой, без спросу, и их следует немедленно выполнять – а что ещё с ними делать?

— Мяу, мяу, — сказала она (ясно, ясно, так что делать будем?)

— Как что? Следить, когда свет загорится.

— (Какой свет?)

— Ну, тот, что в фонаре.

— (Такой, как этот, что ли?)

Элай застыл и стремительно обернулся к фонарю. Пока они препирались и спорили, он, конечно, не спал, но, к сожалению, незаметно для себя повернулся в другую сторону, а вокруг так же незаметно стемнело... Фонарь за его спиной горел приятным тёплым светом. О-о-о-о…

В третий раз Элай был полон решимости. Теперь-то уж он точно дождётся нужного момента! И ничто, ничто его не отвлечёт – ни игры, ни разговоры, ни скука. Но для этого нужно было тщательно подготовиться. Перво-наперво, нужен был другой фонарь – этот стоял в *легко-отвлекаемом* месте: Элай здесь без конца отвлекался и не мог уследить за самим фонарём. Требовалось найти такое место, где нет совершенно ничего интересного – кроме фонаря. Но при этом, чтобы заснуть там было как можно сложнее! Это значило, что место должно быть максимально скучным и неудобным. Где же такое найти? Подходящее отыскалось не сразу, но одно Элай присмотрел: прямо возле стены Замка, налево от главного крыльца, чуть дальше окна его комнаты и дерева под ним, на котором они с Кьярой так любили сидеть. Но само дерево сейчас роли не играло, главным был фонарь, вокруг которого не наблюдалось ну ничего интересного! Стена, да какие-то кусты, ни клумб, ни дорожек, никто рядом не ходит и не летает, бегать тоже особо негде – скукота. А чтобы не уснуть, Элай придумал лечь прямо на землю – она же твёрдая и неудобная! – можно даже ещё камешков насыпать. Так он и сделал, недолго думая. А чтобы не сильно мёрзнуть и не запачкаться, притащил с кровати покрывало и улёгся на него. Вот, теперь другое дело! – подумал он удовлетворённо, ёрзая на кочках и камушках. Лежал он на спине – прямо вплотную к фонарному столбу – таким образом, что плафон постоянно находился в поле его зрения – вместе с редкими облачками, плывущими по небу, и краем крыши. Облачка отвлекали, но фонарь маячил тут же, так что всё было в порядке. Кьяра поначалу пыталась играть и прыгать через него, но Элай стойко держался, и ей пришлось отступить. С тяжким вздохом она прилегла рядом. “Скорей бы уже зажглись эти дурацкие фонари, — думала она с досадой, — даже поиграть теперь нельзя!” Ох, уж эти капризы!

Время шло. Несмотря на тщательно обустроенные неудобства, Элай всё равно умудрился задремать, но тут Кьяра заворчала ему прямо в ухо, и он мигом проснулся. Как вовремя! Уже начинало темнеть, и хоть фонарь всё ещё казался обычным безжизненным садовым украшением, наверняка… наверняка совсем скоро он оживёт и засветится! Элай с удвоенным рвением вперился взглядом в тёмное стекло. Ну! Давай же, загорайся, думал он. Уже ведь вечер! Пора! Раз никто из эльфов к фонарю не подошёл, чтобы его зажечь, значит, он сам как-то должен! И тогда это будет означать, что где-то неподалёку стоит эльф-волшебник, который и зажигает фонари издалека – с помощью магии. (Это было вполне возможно, так как у них в Замке жили несколько волшебников – не очень сильных, все сильные-то бродили по свету.) Или… Тут Элаю в голову пришла неожиданная мысль: или фонари – сами волшебные. Точно! Как он сразу не догадался! Волшебным фонарям свечи не нужны! И зажигать их вручную не надо! Потому-то он никого за этим занятием и не видел никогда! Вполне уверившись в наконец-то найденной разгадке, Элай с ещё большим нетерпением стал ждать, когда же свет загорится – сам собой, волшебным образом! Но свет почему-то не вспыхивал. Зато рядом с его ухом продолжала ворчать Кьяра. И чего ей неймётся? Она ведь его уже разбудила – молодец! – теперь можно и помолчать, не отвлекать от наблюдения. Но Кьяра никак не унималась. Она ворчала, вертелась и крутилась. Да что с ней такое? Элай не решался оторвать взгляд от фонаря – он же вот-вот загорится, не хватало ещё в третий раз пропустить! Но вдруг что-то пролетело мимо

его лица – ещё и ещё. Мухи, что ли, какие-то? Разве они уже не спят? Тут Кьяра внезапно вскочила на ноги, и здесь уж Элай не удержался – поднял голову и быстро огляделся вокруг. И обомлел.

Повсюду вокруг него летали какие-то жучки, и не просто так, а целенаправленно! Насколько Элай видел, они поднимались из ближайшей травы – по одному, по двое, по трое, – собирались в стайки и летели наверх – как он с удивлением понял, прямиком к фонарю. Кьяра взволнованно подпрыгивала на месте и пыталась достать жучков лапой. Но самое удивительное случилось через несколько секунд: жучки неожиданно начали светиться – всё сильнее и сильнее! На улице довольно быстро темнело, и они теперь походили на маленькие жёлтые огоньки, летающие в воздухе. Огоньки образовывали целые скопления, целые гирлянды света, и все-все они устремлялись к фонарному плафону, который буквально только что был пустым и тёмным – а теперь мягко сиял, и сияние разгоралось всё ярче и ярче по мере того, как огоньки вливали в него свой тёплый, уютный свет.

Элай стоял, зачарованно глядя на такое чудо. Так вот как зажигаются фонари! Они вовсе не волшебные, всё дело в светящихся жучках! Но это всё равно выглядело как самое настоящее волшебство! Позже он сообразит, что жучки называются светлячками и светятся их брюшки. И что он, конечно же, видел их раньше, когда выходил на улицу ночью или поздно вечером (что само по себе случалось нечасто), но не обращал особого внимания – любовался пару секунд и шёл дальше. Когда-то давно, впервые увидев во тьме эти изумительно красивые огоньки, он наверняка долго стоял, заворожённый, но потом, очевидно, привык и позабыл тот прекрасный момент, а светлячки стали казаться чем-то обыденным. И он никогда бы не додумался связать с фонарями те редкие, часто одиночные огонёчки, мелькающие в траве или возле деревьев. Да и сейчас ему в это с трудом верилось, однако же сомнений нет – вон они влетают прямиком внутрь плафона – Элай ясно это видел, задрав голову. Вот потому-то плафоны и открытые! И ещё теперь понятно, почему светлячки редко встречались в других местах – они же все здесь, возле фонарей!

Но удивительное зрелище продолжалось совсем недолго – от силы минуту-другую, а потом все светлячки оказались внутри, за стеклом, и световое представление закончилось. Элай разочарованно вздохнул – как мало! Ясно, почему он этого раньше не видел, – тут ещё момент надо застать! И быть на улице, прямо возле фонаря, и ещё знать, что светлячки не просто так тут летают. Ну и, конечно, не бегать сломя голову, ничего не видя по сторонам! В глубине души Элай чувствовал, что последняя причина и есть настоящая, и это было невероятно обидно! Столько времени прожить на свете – целых семь лет, почти восемь! – и ни разу не заметить такого зрелища! Просто ужас, как обидно! Но теперь-то он вообще перестанет бегать! Всё, он твёрдо решил! Будет медленно ходить и внимательно смотреть во все стороны – чтобы ещё чего-нибудь не пропустить!

Некоторое время он стоял под впечатлением, глядя на живой (и правда живой!) светящийся фонарь. Когда все жучки улетели, Кьяра успокоилась и тоже молча стояла, словно ожидая – а что же будет дальше? И действительно – что? После первого всплеска эмоций Элай неизбежно задался этим вопросом. С одной стороны, загадку можно было считать решённой – он ведь узнал, как фонари зажигаются. Но с другой… разве вопросы закончились? Почему, спрашивается, светлячки это делают – летят в фонари, что там для них такого интересного? Когда этот вопрос пришёл Элаю в голову, он сразу же им загорелся, будто сам был фонарём, а мысли – светлячками.

Что там – внутри?

Этот интересный вопрос на протяжении всей его ещё недолгой жизни постоянно приходил к нему в голову, заставляя заглядывать в разные шкафы и тумбочки, корзины и коробки, разбирать игрушки, приподнимать коряги с камнями, подглядывать в замочные скважины, забираться в незнакомые комнаты и чуланы. Так что ничего нового Элай в этом не видел и

прекрасно знал, что надо делать: просто взять да и посмотреть. Обычно это срабатывало. Он оценивающе оглядел фонарный столб. Какой высокий! И как же туда прикажете залазить? Он в задумчивости почесал затылок… Можно, конечно, попросить садовую лестницу или… или… А почему бы не… Точно! Элай почувствовал прилив вдохновения. Они построят *свою* лестницу, самодельную! Вот это будет интересно! Мысли о застенчивом волшебном пруде, не любящем чужое внимание, его всё ещё посещали, что требовалось срочно исправлять, а потому продолжение расследования загадки фонарей приходилось как нельзя кстати. Начать строительство он решил на следующий же день с утра пораньше. Нет, готов он и прямо сейчас, но дома их ждёт ужин, на что недвусмысленно намекали бурчание в животе и голодный нетерпеливый взгляд Кьяры. А потом надо спать.

Утром, едва одевшись и поев, Элай побежал быстрее строить лестницу. Кьяра, недовольно ворча (потому что ей не дали спокойно позавтракать!), поплелась следом. Всё же природное любопытство победило, и вскоре она уже с интересом наблюдала за творческой деятельностью возле фонаря и даже принимала участие, добросовестно путаясь под ногами и возмущённо пища и взвизгивая, когда юный строитель, охваченный энтузиазмом, наступал ей на лапы или хвост.

Строительным материалом для лестницы послужило всё, что попало Элаю под руку, имело примерно четырёхугольную форму и более-менее крупные размеры. Это были разные железные ящики, стулья и табуретки, плетёные короба. Элай даже хотел притащить какой-нибудь низкий столик в качестве первой ступеньки, но прочные столики оказались слишком тяжёлыми (вся мебель в Замке была либо металлической, либо плетёной – из-за того, что эльфы не желали рубить живые деревья, и дерево как материал находилось в большом дефиците). В итоге на первую ступеньку пошли металлические стулья с литыми ажурными спинками – лёгкие и прочные. На них Элай водрузил пустые короба из-под белья и овощей с поставленными внутрь табуретками – такое сочетание показалось ему вполне устойчивым. Дальше в ход пошли разные ящики, содержимое которых осталось лежать разбросанным по полу нескольких подсобных помещений. “Я потом уберу”, — легкомысленно говорил себе Элай, вытряхивая очередные вещи на пол, но поглядывая, не идёт ли кто в его сторону. Последним он взгромоздил широкий и плоский ящик из-под мелких садовых инструментов, держа его на вытянутых руках и балансируя на предыдущей ступеньке. Кьяра с опаской наблюдала за его потугами снизу. Ей эта шаткая конструкция из мебели и предметов быта, которая теперь громоздилась возле фонаря в виде кривобокой пирамиды, казалась крайне подозрительной и неустойчивой, и она с волнением следила, как Элай, покачиваясь, лазает туда-сюда по этим так называемым “ступенькам”, невольно ожидая, когда же он, наконец, свалится. Не то чтобы она хотела этого – конечно, нет! Но если он всё-таки свалится – она уж точно туда не полезет! А если не свалится… тогда Кьяра обещала себе подумать – всё же ей тоже хотелось посмотреть на жучков, целая толпа которых вчера залетела прямо в фонарь – она сама видела! Может, тогда она сможет с ними поиграть, они так здорово светились! Кьяра прямо видела, как она наведёт там, внутри фонаря, всякого шороху!

В конце концов пирамида (то есть, конечно же, лестница!) была готова. Элай потратил на неё всё утро без остатка и даже почти пропустил обед. К счастью, уроки сегодня были назначены на вторую половину дня, и образование ущерб не понесло, но вот обед… Кьяра плохо выносила тяготы пустого желудка и уже вовсю проявляла нетерпение: она никогда не позволяла проигнорировать такое важное дело, как трапеза, и даже если Элай сам готов пойти на такие жертвы ради познания мира, всё равно придётся идти обедать… Но не раньше, чем он посмотрит, что там – внутри фонаря! У него тоже есть принципы! Поэтому, полюбовавшись пару секунд на своё творение, он полез на самый верх. Но при этом слишком торопился – его внимание, кроме светлячков, занимали также мысли об обеде, Кьяре, уроках, на которые надо успеть. В итоге он действительно чуть не упал, пошатнувшись на одной из табуреток (Кьяра

внизу взволнованно напряглась и затаила дыхание), но, к счастью, быстро схватился за столб и выровнялся, а впредь уже думал только о том, куда поставить ногу. Оставшаяся часть прошла без происшествий. И вот он наконец-то наверху! Встав на последний – плоский – ящик из-под инструментов, он выпрямился и победно огляделся. Вид сверху был, конечно, впечатляющий, но ничего нового – с деревьев открывался точно такой же. Так что Элай, ещё раз торжествующе глянув на Кьяру, стоящую внизу с сомневающимся видом, повернулся к хрустальному плафону (оказавшемуся на уровне груди) и с волнением заглянул в его тайные глубины. В его воображении плафон был полон копошащихся жучков; разумеется, несветящихся – и так ведь светло! В его сознании фонари уже тесно сплелись со светлячками – и те просто обязаны тут быть! Как же иначе? Это же светлячковые фонари! Ему уже казалось, что удивительные насекомые так и живут прямо в фонарях, как пчёлы в ульях.

Внутри было пусто.

Некоторое время Элай тупо стоял, ничего не понимая. Где все жители? Где светлячки? Здесь же вообще ничего нет – это пустая стекляшка! Как так? Почему? Вчера сюда слетелась целая толпа! Так где она? Неужели они… улетели? До разочарованного Элая начало медленно доходить. Так значит… светлячки вовсе не живут в фонарях… Они сюда временно прилетают. И, наверное, только по вечерам, чтобы посветить, а сейчас ведь день – день деньской – вот их и нет! Но зачем им это надо, прилетать? Вопрос оставался без ответа.

Всё ещё продолжая стоять на верхнем ящике, держась за столб, Элай крепко задумался. И что ему теперь делать? Как узнать мотивы светлячков? Элай нахмурил брови и сосредоточился, пытаясь понять, но ничего на ум не приходило, он никак не мог придумать, зачем бы им это могло понадобиться – прилетать и светить. Ведь он уже не маленький! И знает, что животные не умеют полноценно дружить с эльфами и помогать им по хозяйству просто так, по-дружески (ну, кроме волшебных), им нужно какое-то поощрение. (Да даже Кьяре нужно поощрение, не то что светлячкам, а она ведь не животное!) Какое же поощрение получают светлячки? Непонятно. Элай почувствовал, что находится в интеллектуальном тупике. И если ничего не придумает… придётся прибегнуть к крайним мерам – спросить. Он обречённо вздохнул и начал спускаться, погружённый в тяжёлые думы. Кьяра нетерпеливо прыгала внизу и требовательно мяукала, откровенно посматривая в сторону кухни. Уж её-то не волновали интеллектуальные проблемы!

Весь обед и оставшееся до уроков время Элай продолжал размышлять, но так и не пришёл к каким-то выводам. И на уроке чистописания, рассеянно выводя карандашом буквы и слова, он всё ещё думал. И уже практически сдался, решив *спросить*… вот сейчас и спросит у папы… но неожиданно в голову пришла запоздалая мысль: а почему бы не залезть на фонарь вечером, когда светлячки там точно будут? И *тогда* посмотреть! Чем они там занимаются, кроме того, что светят? Вдруг станет понятнее? От этой идеи Элай настолько воодушевился, что тема урока вылетела у него из головы. Да какие тут уроки! Скорей бы вечера дождаться! Он так вертелся и ёрзал, что король Элариан удивлённо приподнял светлые брови и поинтересовался, нет ли у Элая какого-то неотложного дела, что ему так неймётся? И не связано ли это дело, случайно, с разбросанными вещами и пропавшими ящиками? “Я всё уберу”, — буркнул покрасневший Элай и добросовестно уставился в своё письмо, тщательно изображая усердие. Но взгляд так и притягивался к окну, а мысли витали вокруг светлячков.

Хоть время текло невыносимо медленно, вечер всё же наступил. Чуть только стало темнеть, Элай с Кьярой стояли возле фонаря. Скука им не грозила: Элай был так возбуждён, что не смог бы заснуть даже под какую-нибудь волшебную колыбельную. Кьяра тоже была в приподнятом настроении – она помнила про летающих жучков, а самое главное – она заранее напилась молока!

Световое представление не заставило себя ждать: снова из ближайшей травы взлетали огоньки света и стайками, кружась, поднимались ввысь, летя прямиком к фонарю. Опять заставляя Элая дивиться, как он не замечал этого раньше! Как можно *такое* пропустить?! И

снова всё закончилось слишком быстро: вроде только что началось – и уже всё, конец! Так никогда не налюбуешься! Зато фонарь теперь горел мягким приятным светом, маня Элая к себе. Он направился к лестнице. Кьяра, не поймавшая ни одного жучка, шла по пятам, несомненно думая о реванше.

Повторно карабкаться было проще, и вскоре Элай стоял наверху. Кьяра, решившая-таки не ждать, не развалится ли пирамида, мигом забралась следом, примостившись рядом всё на том же ящике для инструментов. У обоих были сильные мотивы. Какие же мотивы управляли светлячками? Друзья в предвкушении (каждый в своём) начали склоняться над хрустальным плафоном. При этом Элаю нужно было лишь нагнуть голову и чуть податься вперёд, Кьяре же пришлось вытянуться во весь свой кошачий рост (примерно до Элаева плеча) и опереться – одной лапой на столб, а другой на локоть Элая, отчего тот даже слегка пошатнулся, ибо для своего небольшого размера Кьяра весила немало. “Эй, осторожнее!” — возмутился он, но услышал в ответ только не менее возмущённое “мяу”, которое означало что-то вроде: сам такой! Они немного поспорили и потолкались, устанавливая совместное равновесие, и Элай снова нагнулся над плафоном, а Кьяра изогнула шею и забавно свела глаза вместе, пытаясь разглядеть, что же там – внутри.

В этот раз плафон не пустовал – светлячки были на месте: не такая туча, как думал Элай, по какой-то причине представляя в голове пчелиные ульи, но достаточно много, чтобы полностью покрыть внутреннюю поверхность хрустального стекла. Они постоянно перемещались, вполне оправдывая понятие “копошились”, и Элаю, очарованному их внешним видом (тонкие тельца, цветные переливающиеся крылышки, очаровательные светящиеся брюшки), поначалу эти перемещения показались хаотичными и бессмысленными. И только потом он заметил на дне фонаря какую-то круглую металлическую тарелочку, плотно прикреплённую к этому самому дну. А на тарелочке… лежала какая-то кашеобразная зелёная масса, на которую периодически и залазили светлячки. Посидев там, они отползали или отлетали, а на их место прибывали новые.

Всё это было очень похоже на… Так это же угощение! – сообразил Элай. Вот какой у них мотив! Они летят сюда, чтобы полакомиться! Но когда же угощение успели положить? Днём-то его не было! Или, может, он просто не заметил – так торопился, – да и разочарование помешало осмотреть всё как следует. В любом случае *сейчас* Элай всё увидел и был полностью доволен – вот она, разгадка! Светлячки летят на угощение! И взамен светят всю ночь, а утром, наверное, улетают отдохнуть и как следует проголодаться (потому что еда вкуснее на голодный желудок – он постоянно говорит это Кьяре, а она не верит!). В этот момент Кьяра будто подслушала мысли об угощении. Она принюхалась, зачем-то облизнулась и сунула нос прямо внутрь фонаря, но не к светлячкам, а прямиком к тарелочке – запах кашеобразного вещества неожиданно показался ей просто замечательным.

— Эй, ты куда! — испугался Элай за светлячков и попытался вытащить голову Кьяры из плафона. Но получилось наоборот – голова опустилась ещё ниже и нос Кьяры – хотела она того изначально или нет – ткнулся в зелёную массу. Взвизгнув, она выдернула голову обратно и замотала ею из стороны в сторону, а потом попыталась стереть кашицу лапами, что привело к прямо противоположному результату – кашица размазалась ещё больше.

— Подожди, дай сотру, — воскликнул Элай, потянувшись к золотистой мордочке, но тут от вида Кьяры, вымазанной в зелёном веществе, его разобрал смех, и вся серьёзность момента для него испарилась, что со стороны пострадавшей, конечно же, не могло остаться незамеченным. Кьяра возмущённо взвыла. Вдобавок ко всем её бедам, светлячки тоже не остались равнодушны к происходящему и светящейся стайкой вылетели из плафона. При этом они взяли курс не куда-нибудь, а прямиком к её зелёному носу! Кьяра испуганно мяукнула и кубарем скатилась вниз, а потом, недолго думая, бросилась наутёк – она всё ещё помнила своё злосчастное приключение с пчёлами. Конечно, светлячки навряд ли кусались, но кто их знает! Их намере-

ния в тот момент показались ей крайне зловещими! Элай торопливо спустился следом, не зная – смеяться или переживать. Он был *почти* уверен, что светлячки не кусаются, но чего тогда они летят за Кьярой? Рассердились, что ли, за вторжение? Или просто летят на запах угощения? Элай склонялся к последнему, потому что за Кьярой гнались уже не только "жители" этого конкретного фонаря, а и другие – из других фонарей, попадающихся по пути, а также "бездомные" из травы и кустов. Все они вливались в компанию преследователей и образовали уже целый светящийся рой. Но неужели угощение на Кьярином носу для них заманчивее, чем в фонарях на тарелочке? Теряясь в догадках, Элай спешил за Кьярой, гадая заодно, как далеко она теперь убежит. Оказалось – совсем недалеко: Кьяра мчалась не разбирая дороги и впопыхах угодила в скопление корзин с фруктами, оставшихся во дворе неубранными. В голове её в эти мгновения царил настоящий творческий беспорядок, который не упустил такой прекрасной возможности выразиться наружу: Кьяра попыталась одновременно и перепрыгнуть корзины, и обогнуть их, и затормозить. В результате этих противоречивых указаний все четыре лапы немедленно запутались, и, сделав довольно странный кульбит, остановились, а сама Кьяра полетела вверх тормашками. Светлячки же ждать, пока она поднимется, не стали и мигом нагнали свою добычу. Окружив её огромным светящимся облаком, все они тут же устремились к вожделенному носу, и в следующее мгновение воздух потрясло полное негодования громогласное МЯУ-У-У!!!

Элай выбежал во двор как раз в ту секунду, когда Кьяра, подскочив на месте, принялась прыгать и махать лапами, отгоняя насекомых, и юного эльфа посетило отчётливое чувство dèja vu. Где-то он это уже видел! И думать не надо – всё выглядело точь-в-точь, как тогда – с пчёлами. "Везёт" же Кьяре на подобное, ехидно подумал он. В отличие от того раза, сейчас он не поддался никакой панике – светлячки же не кусаются, он точно вспомнил! Да и Кьяра вовсе не паниковала и не боялась – она была возмущена до крайности (может, поэтому для страха и не оставалось места). Элай же… Ну, конечно же, он в глубине души очень сочувствовал – честное слово! Это ведь было *по-товарищески*. Но при этом не мог не признаться себе, что ему смешно – смешно и весело. Кьяра так забавно скакала и возмущалась! И вообще, зрелище было очень красивым: вечер, темнеющее небо, огромное светящееся облако вокруг изящной, маленькой (пока ещё) золотистой пантеры, и крылышки так красиво помахивают... Элай расслабленно стоял, любовался и не очень вежливо хихикал, но тут от большого облака отделилось другое – поменьше – и целенаправленно полетело к нему. Ухмылка довольно быстро увяла и превратилась в букву "О".

— Эй, чего вам надо?! Отстаньте!!! — возмутился Элай, отшатываясь, когда отделившаяся стайка в мгновение ока добралась до него и начала проявлять весьма недвусмысленные намерения, попытавшись облепить ладони, тоже оказавшиеся измазанными зелёным веществом – результат короткого альтруистического порыва (вот и помогай после этого!). Элай попятился и замахал руками, отгоняя наглых визитёров. Но те и не думали отставать – как видно, угощение было по-настоящему вкусным!

Выбежавшие через несколько минут на шум эльфы застали во дворе одновременно комичное и прекрасное зрелище. Двое невольных юных танцоров – двуногий и четвероногий – кружились и вертелись, грациозно (и немножко нелепо) взмахивая руками и лапами, и выделывали па, достойные заправского балета, а вокруг них летал и тоже кружился светящийся вихрь из жёлтых чарующих огоньков, что в вечернем сумраке действительно выглядело, с эльфийской точки зрения, просто изумительно. Некоторое время эльфы стояли, любуясь – всё-таки они очень любили прекрасное, – но в конце концов совесть пробилась сквозь другие возвышенные чувства, и недавние зрители, посмеиваясь, принялись за спасательную операцию.

Чуть позже, когда Элай и Кьяра, немного отойдя от избытка эмоций и своих незапланированных плясок, расслаблялись на диване в гостиной королевских покоев, в комнату вошёл король Элариан и уселся рядом в мягкое кресло.

— Ну что, не желаешь чего-нибудь рассказать или спросить? — предложил он, и Элай понял, что время для того, чтобы *спросить*, всё-таки пришло. Похоже, совсем без этого никак не обойтись – некоторые непонятные вещи самому ну никак не узнать! И всё-таки он был доволен – почти обо всём догадался самостоятельно! Это оказалось так здорово – догадываться, – что он хотел ещё! Но попозже… сейчас надо срочно спросить про тарелочки…

Оказалось, что тарелочки пополняются примерно раз в неделю, но не все в один день, а по очереди, и тот фонарь, возле которого Элай нагромоздил свою мебельную пирамиду, пополнялся сегодня после обеда – как раз, когда Элай томился на уроке, нетерпеливо поглядывая в окно. На вопрос же, что это за лакомство такое, король Элариан прямо не ответил, вместо этого рассказав одну давнюю историю-легенду.

Дело происходило давным-давно в те далёкие времена, когда большие эльфийские королевства ещё только зарождались, крупные города с их помпезными изукрашенными дворцами и мозаичными мостовыми ещё не были построены, а королевских династий пока что не существовало. Эльфы тогда жили в маленьких, скромных городках, утопающих в зелени, с несколькими улочками и каменными изящными зданиями не выше двух этажей (а также в многочисленных лесных поселениях). И вот на самой окраине одного такого городка – можно сказать, в пригороде – жил рассеянный эльф-алхимик. Он обитал в небольшом уютном одноэтажном домике с таким же небольшим огородиком, лужайкой и крохотным двориком, но ему больше и не требовалось – в чистом поле, которое начиналось сразу за его калиткой, свободного места было предостаточно, а ещё совсем рядом рос прекрасный лес, в котором эльф любил побродить после обеда и там же он мог собрать почти все нужные ему для работы травы. Это было очень важно, потому что настоящей его работой была вовсе не алхимия, а медицина. Эльф был врачевателем-травником (в отличие от редких целителей-магов) и собирание трав являлось абсолютно необходимой частью его профессии – из них он составлял свои лекарства и лечил пациентов. Алхимия же была его страстным увлечением. Он ужасно любил экспериментировать: смешивал различные вещества – которые получал всё из тех же трав в виде порошков и вытяжек, а также из разных минералов, – и смотрел, что получится. Слово "ужасно" подходило к его экспериментам как нельзя кстати, ибо половина из них неожиданно заканчивалась тем, что содержимое пробирок загоралось или выплёскивалось, а иногда взрывалось или испускало неприятный дым. Однако другая половина иногда приводила к удивительным результатам, а порой даже приносила пользу основной работе. Возможно, последнее удавалось бы чаще, но, к сожалению, алхимик был страшно рассеянным и постоянно что-то забывал или путал: то ингредиенты, то пропорции, то время приготовления. Зная об этом своём недостатке и будучи достаточно ответственным, эльф готовил лекарства пациентам строго по рецепту, записанному в книжечку, и даже водил пальцем по строчкам, чтобы уж точно не ошибиться. Но в своём увлечении давал себе волю, а попросту – пускал всё на самотёк.

И вот однажды в результате одного совсем несложного эксперимента получился белый порошок. Вообще-то это должно было быть улучшенное средство от простуды, и алхимик был в этом полностью уверен: он всё рассчитал, ничего не забыл, добавил все ингредиенты и смешал их в правильном порядке – полная предсказуемость, ничего неожиданного. Оставшись очень довольным собой, он пересыпал порошок в специальную стеклянную чашечку для порошков и поставил, как ему показалось, на полку с другими лекарствами. А сам решил перекусить, ибо как раз приближалось время ужина. Алхимик жил один и еду готовил себе самостоятельно. В его маленьком домике было всего две комнаты – для жилья и для работы, где кухонный уголок располагался рядом с рабочим. На ужин в этот день была запланирована гороховая похлёбка с овощами и зеленью (тут Кьяра мечтательно облизнулась). *Эльф сложил всё в котелок, залил водой, поставил на огонь и рассеянно потянулся за солью, которая сто-*

яла рядом, на полочке, в специальной чашечке для соли. Хорошенько посолив похлёбку, он принялся ждать.

Ужин вышел просто отличным и пах невероятно вкусно. Вечер тоже выдался отличным, и алхимик решил поесть на свежем воздухе, на лавочке возле огорода, на котором выращивал себе овощи и некоторые редкие травы. Он сидел и наслаждался удивительным вкусом похлёбки, который на этот раз был, признаться, довольно странным, но, в целом, приятным. Незаметно темнело. Алхимик ел неторопливо и задумчиво глядел на зарождающиеся звёзды, и вдруг краем глаза заметил, что те светят не только сверху, но и откуда-то снизу. Оторвавшись от своих мыслей, он удивлённо огляделся по сторонам и даже чуть не выронил ложку: повсюду вокруг него – из травы на лужайке, из огородика, даже из-под ног – поднимались маленькие жёлтые звёзды. В первый момент он опешил: откуда звёзды на лужайке? Но тут же сообразил – да это же светлячки! Самые обычные светлячки! Вот только почему они все летят прямо к нему? Впрочем, почти сразу же стало ясно – вовсе не к нему, а к его похлёбке! Светящиеся жучки, группками и поодиночке, слетались в его тарелку! Они плотно облепили изнутри её и ложку, которой эльф ел, и постепенно подбирались к его губам и рукам, испачканным следами ужина. Алхимик был потрясён и одновременно испытывал полный восторг! Он вскочил на ноги и поспешно поставил тарелку на скамейку, а сам (вытерев руки и губы) долго ещё стоял и наблюдал за невероятно прекрасным и удивительным зрелищем.

Позже он смог разобраться, что к чему. Оказывается, по рассеянности он перепутал соль с порошком от простуды, который действительно эту простуду излечивал, но странно сочетался с его похлёбкой, привлекая к себе полчища светлячков. Причём только в темноте. Алхимик связал это с тем, что для улучшения лекарства он использовал экспериментальное растение, выведенное им специально для этого. Изначально растение походило на календулу – такие же оранжевые цветы, только гораздо крупнее. Но после экспериментов цветы стали молочно-белыми, а листья приобрели бледный оттенок и казались почти прозрачными. Растение теперь цвело по ночам, и по замыслу именно в темноте и должны были обретать особую силу его лекарственные свойства – чтобы сочетаться у пациентов с целительным действием ночного сна. Судя по поведению светлячков, этот ночной эффект полностью удался. Они начинали слетаться на закате, а днём совершенно не интересовались смесью из лекарства и гороховой похлёбки, которую эльф изготавливал снова и снова – для дальнейших экспериментов и просто так – полюбоваться чарующими огоньками, слетавшимися к предложенной им полной тарелке.

Алхимик был довольно общительным, и вскоре все его пациенты и друзья узнали об этом незапланированном эксперименте с таким удивительным и странным результатом. Среди них оказался один весьма предприимчивый свечных дел мастер, который изготавливал свечи для фонарей. "Какая замечательная возможность!" — подумал он…

— И с тех пор у нас появились светлячковые фонари, — закончил король Элариан, — а алхимика стали звать Светлячком и настоящее его имя позабылось.

— И что, в той тарелочке внутри фонаря было средство от простуды и гороховая похлёбка? — спросил Элай, слушавший эту историю, открыв рот.

— Средство от простуды – да, — хмыкнул король, — а вот гороховая похлёбка оказалась не нужна. Позже выяснилось, что необходимым является лишь один ингредиент этой похлёбки, особенно, если его как следует измельчить.

— Какой?? — Элай даже подался вперёд в ожидании ответа.

Король огляделся по сторонам, как заправский заговорщик, открывающий тайну, и, приложив руку ко рту, произнёс громким шёпотом:

— Петрушка.

— Петрушка??!

— Да, обычная петрушка.

Глава 5. Чудесный мир воображения

Приключение со светлячками произвело на Элая сильное впечатление. Точнее, не столько оно само, сколько легенда, рассказанная ему отцом. А если ещё точнее – та её часть в самом начале, где рассказывалось о жизни эльфов в давние времена: об эльфийских королевствах, больших и маленьких городах… К сожалению, в легенде об этом упоминалось лишь вскользь, что было совершенно неудовлетворительно! Элай впервые услышал про город – что это такое? Деревню – маленькое поселение с домиками – он знал: в лесу недалеко от Замка как раз находилась лесная деревня, в которой жили эльфы из их же племени, предпочитающие бесконечности равнин и комфорту Замка зелёные лесные своды и скромную жизнь на природе. Конечно, Элай ни в деревне, ни в лесу пока ещё не был, но знал, что, когда подрастёт, обязательно побывает – это являлось обязательной частью его образования, а также его голубой мечтой. Ещё существовали несколько эльфийских поселений на западе от Замка, но до них нужно было добираться долго-предолго! И, вроде бы, тамошние жители проживали не в Замке, как у них (их Замок был единственным!), а тоже в отдельных домиках – точно Элай не знал и на тему эту раньше не думал. До сих пор. Но, услышав в легенде о крупных городах, состоящих сплошь из каких-то изукрашенных дворцов, был чрезвычайно заинтригован и очарован. Дворцы – это же почти как Замки. А если их целая куча – это сколько же народу живёт в городе?! А в королевстве, где таких городов полным-полно?! И что это должна быть за жизнь? Как там всё устроено – вернее, было когда-то давно? Сейчас никаких городов и королевств не существует – какая жалость! Но это не мешало Элаю грезить о них целыми днями. Он без конца приставал ко всем с просьбой рассказать ему о прежних временах, однако оказалось, что никто из эльфов Замка в то время не жил, а следовательно, ничего о прошлом не помнил. Оказалось, что все родились уже здесь – в Долине, поэтому все их рассказы походили, скорее, на сказки, которые Элаю читала мама, когда он был маленьким. “Наверное, всем остальным тоже мамы читали сказки, и теперь они мне их просто пересказывают, — думал Элай, — а на самом деле ничего и не знают!” Но Элай не хотел уже слушать всего лишь сказки о прошлом, он хотел знать больше!

“Как научишься хорошо читать, — сказал ему на это король Элариан, — в твоём распоряжении библиотека. Там очень много книг о прошлом.”

Ух ты! Здорово! – Элай тут же загорелся новой страстью к учёбе и даже забросил все прочие увлечения – ему надо было срочно научиться хорошо читать!

Кьяра не разделяла интереса Элая ни к учёбе вообще, ни к чтению в частности. Она находила это занятие ужасно скучным, и, хоть и присутствовала на уроках (потому что одной и вовсе неинтересно!), откровенно клевала на них носом. Тем не менее – совершенно невольно! – она тоже выучилась читать. Это получилось у неё случайно. Когда Элариан учил Элая грамоте, он использовал наглядные материалы – яркие картинки, кубики с буквами. Кьяра же в это время сидела рядом, позёвывая. Маленький Элай был полон энтузиазма, Кьяра усиленно делала вид, что ей всё равно. Однако, оглядывая комнату с деланым равнодушием, она одним глазом нет-нет да и посматривала на кубики, а ушки, направленные в сторону короля, объясняющего правила, выдавали её с головой, – увлечённость Элая оказалась-таки для неё заразительной. В результате, хотела она того или нет, буквы запоминались, и Кьяра даже могла сложить из кубиков слова, двигая их лапой. Но, когда алфавитная стадия обучения завершилась и пошли рукописные тексты, интерес Кьяры полностью пропал. Играть, бегать – вот это другое дело! Книжки читать? Какая скукота! Кьяра не видела в этом ни малейшего смысла: ну зачем, зачем ей эти слова, предложения и рассказы?! Что ей с ними делать?! С ними не побегаешь наперегонки, их не поешь за обедом! На почве такой разницы во мнениях между друзьями даже возникли первые разногласия. К счастью, ни к какому расколу они не привели, но послу-

жили причиной определённых изменений. Особенно, когда Элай наконец-то выучился читать достаточно, чтобы впервые посетить библиотеку.

Библиотека располагалась на третьем этаже и занимала приличных размеров комнату почти в самом центре. В распоряжении потенциальных читателей имелись пара столиков, несколько кресел и диванчиков, три больших светлых окна, выходящих на восток, и множество стеллажей с книгами и свитками, забитыми доверху. Почти все книги (мастерски сделанные и бережно хранимые) были привезены эльфами с собой с их прежней родины у моря. Большинство же свитков писались уже позже – как во время поисков нового дома, так уже и здесь, в Долине – в основном странниками, описывающими свои путешествия. Всё было рукописным – эльфы не знали печатного дела. Литература (особенно привезённая) составляла для них большую ценность, но была доступна для любого эльфа племени, поэтому библиотека редко полностью пустовала. Обычно кто-нибудь да сидел с книжкой на диванчике у окна, а некоторые пробовали писать сами – как правило, стихи или рассказы – на рисовой бумаге, которую эльфы использовали вместо древесной.

Когда Элай впервые увидел заполненные книгами высокие стеллажи, у него восхищённо загорелись глаза. Сколько книг! А сколько из них о прошлом! Читать – не перечитать! Раньше его не пускали в эту комнату: из-за ценности и хрупкости её содержимого маленьких (и чересчур активных) детей старались держать подальше до поры до времени. Поэтому первое посещение стало для Элая большим событием. Глянув на отца, стоявшего рядом, который ему ободряюще кивнул, мальчик со стучащим сердцем подошёл к ближайшему стеллажу и благоговейно взял первую попавшуюся книгу. По воле судьбы она называлась: “Сказания о море”.

— О, тебе это будет интересно, — прокомментировал выбор Элариан, — здесь собраны рассказы о жизни у моря. Ты ведь уже знаешь, что море для нас очень важно? Несмотря на то, что когда-то давным-давно эльфы обитали по всему миру, конкретно наши предки жили возле самого моря, мы все – наше племя – родом именно оттуда, из тех мест. Это – наша *настоящая* родина, и когда-нибудь мы сможем туда вернуться.

— А почему сейчас не можем? — удивился Элай.

— А это я расскажу тебе на уроках истории и географии. Но ты почитай рассказы – думаю, тебе понравится, и ты тоже полюбишь море.

— Хорошо, — сказал Элай, прижимая драгоценную книгу к груди.

С этого момента мир для него изменился.

Раньше его маленький мирок включал в себя только Замок и ближайшие окрестности. Конечно, он знал, что мир гораздо больше, чем то, что он видит каждый день, но тот был *где-то там* – далёкий и туманный. *Где-то там* жили другие племена эльфов. *Откуда-то оттуда* дядя Амари принёс Кьяру. *Где-то там* находились другие места – разные горы, реки, леса. *Где-то там* путешествовали путешественники, чтобы эти места открывать. Когда-нибудь – когда вырастет – он тоже станет путешественником и отправится *куда-то туда*, делать свои открытия. Но это случится ещё нескоро, нечего и заглядывать так далеко: большой мир и будущее представали в сознании Элая белым сияющим пятном, а яркие цветные детали появлялись только, когда он думал о том, что окружает его здесь и сейчас. Конечно, он мечтал отправиться за пределы, но ближайшей его целью, проступающей из сияющего пятна, был эльфийский лес на юге, который находился почти совсем рядом – в каких-то десяти часах пешей ходьбы. Ещё была большая река (большая-пребольшая, не то что маленькие ручейки в Садах!). Она называлась Дарлинкой и находилась на востоке – в восьми часах ходьбы. Ещё дальше за ней были таинственные горы, которые, как верил Элай, наверняка можно было разглядеть с самой высокой башни, если ещё немножечко вскарабкаться по шпилю. К его великому сожалению, его туда не пускали (ни в башню, ни даже просто на крышу!), так что приходилось ждать, когда он вырастет и сможет заходить повсюду без спросу. Но тогда, наверное, можно будет пойти и к самим горам, и крыша не понадобится. Ещё он хотел посмотреть на большую реку – ведь

в ней же целая куча воды за раз! Почти как в море, в котором тоже очень много воды – это всё, что он о нём знал, а что ещё там такого интересного, представлял очень смутно – почему все им так озабочены? Книга, взятая в библиотеке, должна была ответить на этот вопрос, и Элай принялся читать.

… Море синело до самого горизонта и где-то там, в бесконечной дали, перетекало в небо – точно такое же синее, – и совершенно невозможно было понять, где кончается одно и начинается другое. Если бы не волны, с неутомимой монотонностью бегущие и бегущие к берегу, могло бы показаться, что видишь перед собой опрокинутые небеса, каким-то чудом оказавшиеся внизу, под ногами. Волны, набегающие на берег, бесконечно ровняли и приглаживали его, словно не в силах оторваться, оставляя на песке лишь извилистые бороздки, а воздух наполняли запах соли, неумолчный плеск и крики чаек…

— Ммяяу! — послышалось над самым ухом, и Элай с неохотой оторвался от книги. Он сидел в библиотеке, на диванчике, забравшись туда с ногами, на которые только что приземлилось что-то тяжёлое и принялось требовательно мяукать.

— Да знаю я, Кьяра, — сказал Элай раздражённо, — я уже скоро. Или пойди без меня, а я позже поужинаю.

В ответ раздалось недовольное ворчание, но он не обратил на него внимания, так как прекрасно знал, что Кьяре вскоре надоест его ждать и она побежит на кухню сама. Вот и замечательно! Потому что ему надо дочитать ещё хотя бы страничку, и чтобы никто не мешал! Не прыгал по нему, не дышал в ухо, тоскливо не мяукал. Так-то он ничего не имел против Кьяры, сидящей рядом, когда он читает, но она почему-то не умела сидеть спокойно и начинала требовать внимания, пыталась его отвлечь. Наверное, думает, что он чересчур увлёкся книгами и понапрасну так плотно засел в библиотеке, пренебрегая играми и прогулками, но она просто не понимает! Это же книги! Начав читать, он словно открыл для себя целый новый чудесный мир! Тут такое!.. Такое!.. Особенно про море. Теперь-то он понимал всю его восхитительность. Прочитав первые же рассказы и увидев несколько цветных картинок, которые к ним прилагались, он тут же проникся, воображение заработало вовсю. Море описывали, как огромное, величественное и не в меру прекрасное, постоянно сравнивая его с небом, а небо-то Элай лицезрел своими глазами! Небо было чудесным, постоянно меняющимся и невероятно красивым. Если море хотя бы примерно такое же, только внизу… Но самым удивительным свойством моря Элаю показалась глубина – согласно описаниям оно было очень-очень глубокое! В одном рассказе даже описывался его подводный мир. Подводный мир! В который можно нырнуть с головой и всё равно не достать до дна! Самая глубокая вода, которую знал Элай, была в ванне. Самые глубокие ручьи – по колено. А тут – с головой! А одно найденное им стихотворение запало в сердце, волнуя и тревожа:

Море.
Уходит вдаль за горизонт,
Синее синего.
И неумолчно песнь поёт -
Ту, что без имени.
То нежно плещет, в сны зовёт
Полночным шёпотом,
То гневно хлещет, душу рвёт
Безумным рокотом.
Вздымает волны до небес,
Кричит неистово.
В глазах огонь, в сердцах мятеж,

Погибель близкая -
Вот в этот час его дары.
Но в воду канешь вдруг,
Сквозь ярость в бездну посмотри -
Там тишина вокруг.
Она пленит усталый дух
Во тьме бескрайности.
А буря где-то наверху,
В другой реальности.
Царит покой на глубине,
Всё неподвижно в нём.
Лишь чьи-то тени там, на дне,
В свеченье призрачном.

Почитав все эти описания моря, Элай по-настоящему загорелся. Он хотел его увидеть! Не на картинках, а в реальности – в натуральном виде. Желание стать путешественником обрело для него новый смысл.

Но, кроме моря, в книгах было ещё полным-полно захватывающих вещей: ему попадались и выдуманные истории, похожие на сказки, которые увлекали Элая в мир приключений, и разные исторические хроники, написанные как эльфами из Долины, так и древними писателями (и тут-то он, наконец, смог узнать больше о своих любимых древних королевствах!), и отчёты путешественников, и обучающие книги по разным наукам (большинство из которых он пока что откладывал в сторонку). Мир книг оказался огромным, и Элай погрузился в него с головой, выныривая только, когда в животе урчало от сильного голода или глаза начинали слипаться от усталости. Конечно, ему по-прежнему приходилось посещать уроки, но он постоянно о них забывал, вспоминая лишь, когда в очередной раз замечал молча стоящего над ним отца со сложенными на груди руками. Тогда он с тоской откладывал книгу в сторонку и тащился на урок, но мысли продолжали путешествовать по прочитанным страницам. Еле дождавшись окончания занятий, он, будто притянутый магнитом, снова бежал в библиотеку и сидел там до поздней ночи, лишь иногда отрываясь от строчек, чтобы рассеянно взять какой-нибудь фрукт из корзинки, заботливо поставленной на столик какой-то доброй душой (это была, конечно, королева). Когда сильно темнело, он продолжал читать при свете свечи и заканчивал только, когда строчки начинали расплываться в мутное пятно перед распухшими, покрасневшими глазами. Тогда он с неохотой отрывался от книги и, засыпая на ходу, натыкаясь на углы и мебель и спотыкаясь, брёл в свою комнату, кое-как раздевался и падал на кровать, мгновенно проваливаясь в сон, сплошь состоящий из сумбурно перемешанных событий очередной захватывающей истории. Утром же, с трудом поднявшись и умывшись, криво-косо одевшись, с волосами, совсем забывшими про расчёску, он спускался в кухню (под настойчивым и очень громким влиянием Кьяры), чтобы наскоро побросать чего-нибудь в рот в качестве завтрака, и опять бежал в библиотеку, мечтая поскорее занырнуть с головой в такой необъятный и увлекательный мир чужого воображения.

Король с королевой только качали головами, но не препятствовали.

— В его возрасте у меня было то же самое, — говорил Элариан. — Я оккупировал библиотеку и просиживал там целыми днями – никак не мог начитаться. Мне кажется, я даже просидел приличную дыру в одном из кресел.

— И где эта дыра? — поинтересовалась Лорана с лёгкой улыбкой.

— Думаю, вместе с креслом, где-нибудь на чердаке одной из башен, — ничуть не растерявшись, ответил Элариан.

— И я смогу его там найти? — невинно спросила Лорана.

— Конечно, дорогая! Если только…

— Если только…

— Если только его кто-нибудь оттуда не унёс, чтобы починить, – за столько-то лет! — хитро выкрутился король. Он был рад, что Лорана улыбается. В последние недели, в течение которых их сын почти безвылазно сидел в четырёх стенах, света белого не видя, толком не евши и не спавши, уткнувшись в очередную книжку, его жена выглядела очень обеспокоенной и постоянно хмурилась.

— У него это скоро пройдёт, не переживай, — успокаивал он её, а сам пытался вспомнить, сколько же времени это заняло когда-то давным-давно у него самого. И по всему выходило, что целые месяцы. Но он всё-таки надеялся, что Элай выйдет из такого экстремального режима пораньше – в конце концов, у него же была Кьяра!

Кьяра маялась и изнывала от скуки. Она не знала, куда себя девать. С Элаем происходило что-то ужасное! Он всё забросил – и утренние пробежки наперегонки, и игры, и долгие посиделки на кухне, когда Кьяра обстоятельно обедала (или завтракала, или ужинала), а он делился с ней разными впечатлениями и мыслями (которые пусть она и слушала вполуха, но они же общались!), и он даже перестал заниматься этим своим созерцанием, когда просто сидел, уставившись на какой-нибудь цветок или облако (тоже скучно, конечно, но он хотя бы на улице сидел!). Да он вообще всё забросил и буквально прилип к этим дурацким книжкам! Кьяра была вне себя от возмущения. И пялится, и пялится в них! Ну что там такого интересного?! Просто какие-то выдумки. По-первости Элай пытался делиться с ней и этим, пересказывал написанное, но Кьяра не желала слушать эти байки про непонятные места и времена, которых не существует, а если и существуют, то где-то неизвестно где. Разве это может сравниться с тем, что есть вокруг прямо сейчас? Разве, прочитав про чужую трапезу, она утолит свой голод, её живот наполнится? Разве выдуманные приключения сравнятся с хорошей игрой или погоней за лягушкой? Нет, нет и нет! Кьяра была реалисткой и жила сегодняшним днём – здесь и сейчас, предпочитая физическую активность. Путешествия ума не для неё. А Элай никак не хотел этого понять! А ещё он не понимал, что ей нужна компания. Одной было так скучно и одиноко! Кьяра не привыкла быть одна. Она пробовала бегать наперегонки с самой собой – нет, не то! Пробовала дремать на диване – в целом неплохо, но когда она просыпалась, Элай сидел в той же позе, и её сразу охватывала тоска. Даже еда её уже не радовала, а традиционные гляделки с Одуванчиком, вместо здорового чувства самодовольного превосходства, вызывали лишь пустое раздражение. Она слонялась по Замку с унылым видом, как неприкаянная, без конца возвращаясь в библиотеку, чтобы посмотреть, сколько ещё книг осталось на полках, но их количество не уменьшалось! Хуже того, она не знала, сколько из них Элай уже прочитал! Хоть бы помечал их как-то! А ещё лучше, чтоб они испарялись после прочтения! Или до! Вот бы они все испарились, и жизнь вошла в нормальную колею! В глубине души Кьяра всё же была мечтательницей.

Тем не менее день её триумфа всё-таки наступил. Однажды она пришла в библиотеку и с радостным удивлением увидела, что Элай не сидит с книжкой, как обычно, а стоит и смотрит в окно. И на лице у него такое выражение… как бывало перед какой-нибудь очередной приключенческой задумкой. Кьяра от избытка чувств даже подскочила на месте. Ура! Ему надоело! Наконец-то! Долой книги! Она видела: он точно что-то придумал! Что-то увлекательное! Ну всё, теперь снова начнётся настоящая жизнь!

На самом деле Элаю вовсе не надоели книги – как может надоесть целый удивительный мир! Нет, просто он наткнулся на один интересный свиток. Свиток был древний, но не настолько, как многое другое, и был написан уже в Долине – на самой заре заселения, когда эльфы только прибыли в эти места. Элай уже кое-что знал об истории и географии, знал, что его племя пришло с юго-запада в поисках дома (который здесь и нашёлся), спасаясь от при-

родного бедствия, во время коего с неба падали огромные камни, земля тряслась, а реки выходили из берегов. После окончания этого безобразия эльфы хотели было вернуться в родные места, да вот беда – местность изменилась до неузнаваемости и стала по большей части непроходимой из-за многочисленных изломанных горных хребтов и колоссальных размеров смертельного болота. Путь назад был отрезан. Чтобы найти какую-то другую дорогу в обход и пробраться-таки обратно к морю, могли понадобиться годы, десятилетия, даже столетия (как и случилось), а жить-то где-нибудь надо! Пришлось беглецам вначале искать новый дом. И тут они набрели на эту чудесную довольно уединённую Долину с большой рекой и премилым лесом неподалёку – с виду полностью безопасную. Конечно же, они остались и жили здесь вот уже более тысячи лет. Несмотря на очень долгую эльфийскую жизнь, первоначальное поколение, сильно тоскующее по родине, полностью сменилось, и новое скучало уже не так – их родина была здесь, в Долине. Тем не менее, они продолжали искать путь к морю и *старой* родине. Элай думал, что в основном из сентиментальных побуждений и ещё потому, что море такое прекрасное! Узнав о нём и увидев на картинках, он совсем не удивлялся, что и все другие эльфы – в своё время, подобно ему, узнавшие и увидевшие, – тут же в него влюблялись. Они все хотели увидеть его воочию, вот почему оно так важно! На данный момент Элай не мог придумать другой причины, чтобы продолжать поиски так долго! Аж тысячу лет! Воистину, тяга к прекрасному велика!

Однако найденный Элаем свиток рассказывал не о море и дальних краях, и не об истории бегства. Он описывал близлежащие места и достаточно подробно. Автором был некий Велиос – один из путешественников, живший как раз в период заселения Долины. В то время как остальные эльфы строили Замок, разбивали Сады и налаживали хозяйство, Велиос бродил по окрестностям, изучал их и описывал. Обладая несомненным даром сочинителя, он писал настолько увлекательно и красочно, что во всех описанных им местах сразу же хотелось побывать. По крайней мере, именно так свиток подействовал на Элая. На самом деле он нашёл даже два свитка: о лесе и о реке. И оба прочёл залпом. А прочитав, немедленно решил, что лес и река – первые же места, в которые он отправится в качестве *путешественника*. Но не когда вырастет, а прямо… вот… в ближайшее время! Он ведь уже довольно большой – девять лет это вам не семь или восемь! Разумеется, пока он не может считаться настоящим взрослым путешественником. Но он будет *как будто бы* путешествовать, вроде как тренироваться. Надо лишь отпроситься, чтобы дойти до леса или реки – те ведь практически рядом, наверняка его отпустят. По мнению Элая, добраться до них было совсем нетрудно, а если бежать всю дорогу – то и вовсе пара пустяков! И долго там быть не обязательно, они с Кьярой только туда и обратно, быстренько. Сделают открытие – и назад. Чтобы ужин не пропустить.

Раздумывая обо всём этом, Элай стоял у окна библиотеки и смотрел на далёкий горизонт. Библиотека находилась на третьем этаже и все окна в ней выходили на восточную сторону. Взгляд смотрящего ни во что не упирался и мог свободно скользить поверх двора и деревьев сада. Где-то там, далеко, за вольными полями и лугами текла большая река, а ещё дальше высились горы. К сожалению, ни реки, ни, тем более, гор отсюда видно не было, и Элай мог опираться только на своё воображение и картинки из книг. Но именно это и разжигало в нём всё возрастающий интерес и желание во что бы то ни стало увидеть всё своими глазами. Да, именно это он и сделает – пойдёт сейчас, найдёт родителей и спросит разрешение! Прямо сейчас и пойдёт. И тут за спиной раздался радостный вопль и на него сзади что-то напрыгнуло.

— Ай, Кьяра! — воскликнул он, пошатываясь. — Говорил же тебе: не прыгай на меня сзади! — он вывернулся, но вынужден был отбиваться от наполненного энтузиазмом маленького мохнатого вихря с крыльями, радостно пытающегося повалить его на диван.

— Эй, ну перестань! — возмутился он, между делом поглядывая, в безопасности ли свитки. Те лежали на столике, вне района стихийного бедствия, и Элай вздохнул с облегчением. Теперь он мог не переживать за сохранность бесценных знаний и адекватно ответить

нарушителю спокойствия. С воинственным боевым кличем он оторвал от себя наглого захватчика и попытался подмять под себя. На диване завязалась весёлая возня, перемежаемая визгом и смехом.

Через несколько минут, когда оба весельчака, отдуваясь, сидели на диване, отдыхая от своей игры, Элай вдруг понял, что ужасно соскучился. Соскучился по такой вот весёлой шуточной борьбе, по утренним пробежкам, по играм. Как давно он гонял мячик или лазал по деревьям? Он снова посмотрел в окно – теперь уже не на далёкий горизонт, а во двор, где, как всегда в середине дня, кипела жизнь: кто-то гулял, кто-то рисовал, кто-то сидел на лавочке, кто-то направлялся по делам. Солнце светило и наверняка дул свежий ветерок. Эх! Сейчас бы выйти на улицу! Элай оглядел библиотеку новым взглядом. А кто ему мешает? Книги же никуда не денутся! Да, он их полюбил, но всё другое он любит тоже! Элай вскочил на ноги.

— Побежали! — вскричал он. — Кто быстрее окажется во дворе!

Кьяру словно ветром сдуло с дивана, и Элай радостно побежал её догонять. Они сейчас немного побегают и поиграют – так, для разминки. А разрешения он попозже спросит.

Только “попозже” всё отодвигалось и отодвигалось. После игр наступал ужин, затем пора было спать, утром – завтрак и вернувшаяся в обиход неизменная пробежка. Там наступали обед и уроки, потом снова игры на свежем воздухе, снова ужин и так далее и тому подобное изо дня в день. Иногда Элай добегал до библиотеки почитать и тогда вспоминал про свитки Велиоса и море, а также про свои планы насчёт леса и реки. И понимал, что попал в какую-то ловушку бесконечного откладывания разговора с родителями, но не понимал – почему. Он что, боится, что те откажут? Не пустят его? Скажут, что ещё маленький? Но ему же уже девять, почти десять! Он уже очень даже сознательный и ответственный! Он не будет бродить где попало и вернётся домой к ужину. И Кьяру приведёт, да она и сама прибежит, как проголодается! Заблудиться они тоже никак не могут: где там блуждать, иди себе по-прямой, да и всё! Строго на юг к лесу и строго на восток к реке. Проще простого! Так что никаких проблем Элай в своём будущем походе не видел. Что может не понравиться родителям? Они же уже доверяют ему и даже разрешили свободно ходить позади Замка, где магические мастерские и всякие другие интересные вещи. Правда ему строго-настрого наказали не путаться ни у кого под ногами, не мешать и следить за Кьярой, но он бы и так это сообразил! Они с Кьярой там *аккуратно* себя вели! Не играли и не бегали, и ничего не трогали. Элай только посетил несколько раз пасеку, которая ему очень уж понравилась (Кьяра ждала около входа). Также временами он забегал проведать эльфийских лам, которые паслись на лугу. Когда Элай впервые увидел этих домашних четвероногих, дающих эльфам шерсть и молоко, то был просто очарован: грациозные, похожие на антилоп, виденных им на картинках, только с длинной шеей, с длинной мягкой белой шерстью и двумя – тоже длинными – закрученными спиралью рогами, ламы казались ему невероятно прекрасными, чудесными животными. Он долго ходил среди них, гладил, обнимал, заглядывал в большие карие глаза. Кьяра сидела в сторонке, тяжко вздыхая. Ну чего он там ходит? – думала она с досадой. Ламы её совершенно не заинтересовали, разве что, как потенциальные производители её любимого молока.

Ещё позади Замка начинались возделанные поля, на которых эльфы выращивали различные злаки – пшеницу, гречиху, рожь… И здесь Элай снова вспоминал про море – потому что колосья, стелющиеся до горизонта, казались ему похожими на бесконечную морскую даль, которую он видел в своём воображении, – только без воды. А когда дул ветер, пробегая по колосьям, те пригибались к земле, создавая иллюзию волн. “Надо обязательно найти море!” — думал тогда Элай мечтательно, с тоской и восторгом глядя на это необозримое пространство золотого, коричневатого или зелёного, сливающееся с голубым. А для этого, рассуждал он дальше, надо стать путешественником. А для этого надо тренироваться – ходить в походы. А для этого… Да. Для этого нужно, наконец-то, спросить разрешение. Набравшись решимо-

сти, он уверенно шёл в Замок спрашивать, но тут его отвлекали то обед, то ужин, то уроки… “Вечером”, — думал Элай в течение дня. “Завтра прям с утра”, — думал он вечером.

Неизвестно, сколько бы Элай настраивался, если бы однажды, во время совместного семейного ужина, проходящего за одним из маленьких столиков в столовой, разговор не зашёл о лесных эльфах – жителях лесной деревни.

— Они прямо там родились, что ли? — спросил Элай, который, конечно, знал о разделении эльфов своего племени на “лесных” и “жителей Замка”, но не вполне понимал причины.

— Не все, — ответил король Элариан, рассеянно вертя в пальцах листик петрушки из своей тарелки с салатом. — Некоторые родились здесь, в Замке.

— Тогда почему они там? — полюбопытствовал Элай и отправил в рот кусок ягодного пирожка – свой салат он уже съел и перешёл к сладкому. В целом Элай догадывался об ответе: если не родились, но живут, значит, наверное, потому, что жить в лесу очень здорово! — Им там очень нравится, да? — спросил он снова с набитым ртом.

— Ты прав на все сто процентов, — улыбнулся Элариан. — Именно потому, что им там нравится – больше, чем здесь. Когда тысячу с лишним лет назад наше племя пришло в эти места, поначалу все жили в Замке – конечно, когда построили его. Но потом, по мере освоения окрестностей, некоторым так понравился соседний лес, что они захотели жить именно в нём – полностью на лоне природы. Никто не видел смысла никому мешать, поэтому они собрались и переехали, построив лесную деревню. С тех пор у каждого эльфа племени есть выбор, где жить – в Замке или в лесу, – неважно, где тот родился.

— Так из леса тоже к нам переезжают?! — воскликнул Элай.

— Ну конечно! Вот, например, Тамлин – наш портной. Сам понимаешь, шить платья гораздо удобнее в Замке, здесь все условия. Или Натаниэль. Когда он у нас гостил, то ему так понравилась пасека, что он решил остаться и стать пчеловодом.

— Ну надо же! — поразился Элай (кто бы мог подумать, что их рассеянный Тамлин, постоянно теряющий иголки и пуговицы, родился в лесу!). — А я тоже смогу выбрать, где жить?

— Конечно же, сможешь, — вступила в разговор Лорана. — Каждый эльф из Замка в отрочестве обязательно посещает лес и, если надо, гостит в деревне, чтобы увидеть всё воочию и решить для себя этот вопрос. Если тебе сильно понравится лес и ты сильно захочешь там жить, никто тебя не остановит. Мы будем рады любому выбору, — добавила она, но по глазам было видно, какой выбор сына она бы предпочла.

— Я только погощу там, а потом вернусь домой, — поспешил успокоить её Элай, тоже это сообразивший. — Потому что я вас с папой сильно люблю – больше, чем лес!

— О, дорогой, мы тоже тебя любим, — улыбнулась королева, целуя сына в макушку. — Но пока рано обо всём этом говорить.

Разве рано? – удивился про себя Элай. Он же того и гляди вырастет! Уже почти вырос и вполне может… И тут он вспомнил, наконец, о своём вопросе. Ему же надо спросить разрешение! И вот как раз шанс – они же о лесе разговаривают!

— А можно мне уже пойти в лес? — выпалил он, чтобы не передумать и снова не забыть. — Ну, не в сам лес, а только до него дойти и посмотреть, — поспешил он уточнить, пока удивлённые брови обоих родителей не превратились в нахмуренные. — Я же стану путешественником, и мне надо тренироваться, — торопливо продолжил он объяснения, проглатывая слова, — а ближайшие места – это лес или река, и, значит, надо пойти туда в поход – больше некуда. Мы с Кьярой дотуда просто дойдём и быстренько вернёмся, прямо к ужину, вы и глазом моргнуть не успеете!

Кьяра, сидевшая на соседнем стуле и уже слегка задремавшая, услышав своё имя (а также слово “ужин”), встрепенулась и навострила уши.

— Хм, — сказал Элариан, и сердце Элая упало, потому что брови отца всё-таки нахмурились. — В лес вам, пожалуй, ещё рановато, — продолжил тот немного погодя, — что же касается реки… — тут сердце Элая вновь наполнилось надеждой.

— До Дарлинки довольно долго идти, несколько часов, — заметила Лорана. Её изящные полукруглые брови тоже озабоченно сдвинулись к переносице.

— Мы выйдем пораньше, — торопливо пообещал Элай, — в семь… нет… в пять утра!

— В любом случае, это на целый день, — возразила королева. — Стоит ли вот так, сразу? Может, вначале с кем-нибудь…

— Давай не будем решать это прямо сейчас, за ужином, — произнёс Элариан. — Мы подумаем, — повернулся он к Элаю. — Но одно я скажу тебе точно: это произойдёт не раньше, чем тебе исполнится хотя бы десять.

— Но мне ведь уже почти-и-и… — разочарованно протянул Элай.

— Извини, но “почти” не считается, — твёрдо сказал король. — Но это и хорошо, ты сможешь за это время как следует подготовиться, — на что Элай только вздохнул.

Сказать, что Элай совсем уж недоволен результатом разговора, было нельзя. Наоборот – он был очень даже доволен. Во-первых, разговор состоялся – наконец-то! А во-вторых, ему ведь не запретили идти, просто отсрочили. Но эта отсрочка, по его мнению, была совершенно излишней! Зачем ждать, разве что-то изменится за несколько месяцев? И чего там готовиться?? Они же не в дальнее странствие собираются – на год, например, – а всего-то на один день, даже меньше. Им лишь нужно дойти до реки и обратно – делов-то! Насколько понял Элай из свитка, до Дарлинки примерно восемь часов ходьбы. Ходьбы! А кто сказал, что они будут идти шагом? Они будут бежать бегом! Элаю эта мысль казалась гениальной. Ведь, если бежать, время наверняка сократится как минимум вдвое, а то и втрое! Он специально проверил: сначала прошёл по тропинке шагом, а потом пробежал, и каждый раз считал про себя. У него получилось быстрее аж в четыре раза! Это они могли бы за два часа добежать! Ну, за два с половиной, если делать перерывы. Но всё же Элай подумал и сделал скидку на окружающую среду: ведь если они будут бежать слишком быстро, то вряд ли разглядят что-то по пути, а это ну совсем неинтересно! “Будем бежать только в два раза быстрее”, — решил он. Чтобы как следует насладиться новыми видами – в конце концов, они же в первый раз отправятся куда-то далеко от Замка. Вдруг там, по пути, что-нибудь потрясающее, а они мимо пробегут и не заметят! Приняв такое решение, Элай с полным правом посчитал, что достаточно подготовился и осталось только дождаться десятого дня рождения.

Глава 6. Разве мы не будем жить вечно?

I

Время потекло в томительном ожидании, и Элай даже принялся отсчитывать дни, но вскоре сбился и перестал. Желание немедленно отправиться в путь тоже постепенно сгладилось, круговерть обыденности взяла верх. Тем не менее, он ничего не забыл и сразу после дня рождения тут же напомнил родителям об их обещании.

— Ну хорошо, — сказал на это Элариан. — Раз обещано, то будет. Надеюсь, ты достаточно подготовился?

— Конечно, — уверенно подтвердил Элай.

— Ты подумал, что наденешь? Что возьмёшь с собой? Какую еду? — озабоченно поинтересовалась Лорана.

— Еду?

— Ну да. Вы же собираетесь перекусывать по дороге? И там, на реке.

Эта мысль оказалась для Элая неожиданной. О еде он как-то не подумал. И ведь действительно, после долгого бега захочется перекусить. Особенно Кьяре.

— Конечно, я не забуду про еду, всё в порядке, — успокоил он мать – ни к чему ей тревожиться попусту. А про одежду что она там говорила?

В назначенный день Элай проснулся полным воодушевления и бодро вскочил с постели. Было пять утра – как он и планировал. Чем раньше они выйдут, тем быстрее вернутся домой, и родители даже не успеют забеспокоиться (а значит, в следующий раз не станут сомневаться – отпускать или нет!). Умывшись, Элай принялся одеваться. Он всерьёз обдумал вопрос с одеждой и решил, что лучше всего надеть то, что удобно для бега. Его обычные зелёные льняные штаны и рубашка навыпуск показались ему вполне подходящими, но на ноги вместо чересчур лёгких сандалий он надел мокасины из плотной зачарованной ткани – непромокаемые, предназначенные для дождливой погоды (и это тоже было кстати – они ж на реку идут, где полным-полно воды!). А чтобы не мёрзнуть с утра, сверху он надел тёплую шерстяную куртку на пуговицах. Всё – он был готов. Промчавшись по полусонному Замку, он вприпрыжку вбежал в кухню, Кьяра весело бежала следом – у неё тоже было хорошее настроение – мысль о грядущем приключении ужасно заряжает!

Кухня встретила их тишиной – суета в ней начнётся позже, когда проснутся братья Шанорто и Эмиль, заведовавшие готовкой. Однако их кот Одуванчик, к неудовольствию Кьяры, был уже тут как тут, возлежа на одном из столиков для обедающих. Да что же это такое! – возмутилась Кьяра мысленно. Даже рано утром от него не избавишься! Как будто и вправду на кухне живёт. Выпрямившись, она прожгла его негодующим взором, в ответ Одуванчик беззвучно оскалился. “Ишь, шипит на меня, — ещё больше возмутилась Кьяра, — несносное создание!” Она надменно прошла мимо столика с котом и гордо забралась на свой персональный, низенький, ожидая, пока Элай нальёт ей молока. Такие молчаливые пикировки происходили почти каждый раз, когда Кьяра и Одуванчик встречались, будь то на кухне или в другой части Замка. Оба ощетинивались и бросали друг на друга выразительные взгляды – каждый с чувством собственного превосходства. Что при этом думал Одуванчик, оставалось загадкой, но Кьяра только лишний раз убеждалась, что она по всем статьям лучше, чем эти “обычные” кошки! И неважно, что они так сильно на неё похожи. Она – другая! В сто раз красивее и умнее! И ещё у неё крылья есть! И разум! А эти бессовестные, наглые… они… они… да они даже мышей ловят и едят их потом – фууу!!! От мысли съесть кого-нибудь живого её аж передёргивало. Если кто-то бегает и пищит, разве его можно считать едой? Эти кошки, наверное, совсем глупые! Вот то ли дело – молоко. Перед походом Кьяра решила выпить его

как можно больше – как бы запастись. “А у тебя булькать не будет?” — усмехнулся Элай, наливая ей третью миску. Сам он решил перед выходом много не есть, разумно предположив, что бежать на сытый желудок не лучшая идея. Сжевал только пару яблок. И несколько яблок и груш положил в небольшую котомку. На перекус по дороге как раз хватит, думал он. А больше и смысла нет брать – зачем таскать лишнюю тяжесть? Он вычитал в свитке, что по берегам реки встречаются плодовые деревья. А раз так, то правильнее найти себе обед прямо там, на месте, а не тащить его из дома. Ну и что, что тот будет фруктовым – сам он мог есть фрукты сколько угодно! Кьяре, конечно, придётся потерпеть на фруктовой диете – молоко он точно с собой брать не станет! Но ничего, денёк-то переживёт! А вечером они уж как следует поужинают дома. Все эти рассуждения показались ему очень разумными и, довольный ими, дождавшись, когда Кьяра наконец допьёт своё молоко и доест пару варёных морковок, оставшихся со вчера (а также доиграет в свои гляделки с Одуванчиком), он вышел из кухни и направился к главной двери – на выход.

Снаружи на крыльце, к его лёгкому удивлению, уже стояли родители – а он почему-то думал, что те будут в это время ещё спать. Но это был приятный сюрприз, и он тут же расплылся в улыбке.

— Ну что, сынок, ты готов к своему первому взрослому путешествию? — спросил Элариан совершенно без тени иронии.

— Конечно! — бодро воскликнул Элай, его так и распирало от воодушевления.

— Всё, что надо взял? Приготовился?

— Само собой, — с сознанием собственной правоты подтвердил Элай, помахав в доказательство котомкой с фруктами.

— Ну хорошо, но не задерживайтесь там, мы с мамой ждём вас к ужину, не забудь.

— Разумеется, — снова согласился Элай, подумав про себя, что вернуться обратно вовремя наверняка окажется проще, чем вырваться от провожающих.

— Будьте осторожны, — напутствовала их Лорана, словно подтверждая эти мысли. — Не лезьте в воду. Большая река не похожа на ручей, там сильное течение.

— Ну, конечно, мама, я знаю, что река намного больше, чем ручей! Не беспокойся, я же не маленький!

Лорана вздохнула и обняла сына. Поправила на нём курточку, пригладила волосы, снова обняла.

— Ну, я пошёл, — сказал Элай. Он спустился с крыльца, обернувшись, помахал рукой остающимся и поспешил через двор к ближайшей дорожке, ведущей на восток, – пока родители вовсе не передумали его отпускать. Кьяра вприпрыжку последовала за ним.

— Какую-то маленькую сумку он взял, — озабоченно произнесла Лорана, когда двое юных путешественников скрылись за деревьями сада. — Что он туда положил?

Элариан приподнял прямые светлые брови:

— Думаешь, надо было проверить?

Лорана заколебалась, будто раздумывая, не догнать ли уходящую парочку.

— Пусть идут, — Элариан положил ей на плечо свою руку. — Даже если они плохо подготовились, лучше всего такие вещи усваиваются на личном опыте.

— А если они *очень* плохо подготовились?

— Самое худшее – они вернутся страшно голодными. Не беспокойся, мы же все через это проходили, помнишь?

— Я не бродила по окрестностям в десять лет.

— Ты у меня домоседка, — улыбнулся Элариан, — но я-то бродил! И ничего – выжил.

Ширина Садов, окружающих Замок, в самом широком месте – на востоке – была не так уж велика, и Элай с Кьярой вышли за их пределы всего-то за десять минут. Они остановились на краю, с восторгом обозревая раскинувшийся перед ними простор, и владела ими одна и та же мысль: как же здорово будет пробежаться! Погода стояла прекрасная, лёгкая утренняя прохлада бодрила, дул свежий ветерок, донося запахи мокрой от росы травы, посветлевшее небо синело вовсю, а редкие облачка на востоке розовели от восходящего солнца, золотой краешек которого уже показался над горизонтом. Ещё немного, и первый тёплый луч разольётся по земле, прогонит остатки ночных теней, сделает мир ярче, наполнит сердца радостью. Элай и Кьяра уже ощущали эту радость внутри, та просилась наружу, и, переглянувшись, они, не сговариваясь, сорвались с места и побежали. Прямо по лугу, по мокрой траве, не разбирая дороги. Да и какая тут дорога? До самого горизонта лишь эта трава по колено с мелкими луговыми цветочками то тут, то там.

Сначала друзья припустили во весь дух, и ветер с готовностью помчался им навстречу. Восходящее солнце слепило глаза, в ушах стоял оглушительный стрёкот кузнечиков, да ещё стук собственного сердца. Элаю казалось, он и сам мчится, как ветер. В груди поднимался дикий восторг, ноги норовили того и гляди оторваться от земли и побежать по воздуху! В порыве чувств он раскинул руки в стороны. Эх, почему у него не крылья! Он бы сейчас взлетел!

Кьяра думала о том же. Но, в отличие от Элая, у неё были крылья, и, пользуясь этим, она расправила их во всю ширь, пытаясь ловить ветер. Её прежний способ – махать ими как можно чаще – в эту минуту казался ей не самым лучшим. Она вдруг вспомнила, что птицы вовсе не машут ими всё время и тем не менее с неба не падают. А она очень хотела быть, как они! Может, если как следует разбежаться, она сможет взлететь! Прямо сейчас! У неё было чувство, что ещё немного, ещё чуть-чуть, и она поднимется в воздух… сейчас… вот сейчас… надо лишь бежать ещё быстрее! И она бежала и бежала. Но, то ли крылья пока были коротковаты, то ли мешала высокая для неё трава, – только она всё никак не взлетала, а через некоторое время начала уставать. Элай тоже вскоре запыхался, восторг постепенно исчезал вместе с воздухом. Снова не сговариваясь, друзья замедлились и остановились, повалившись в траву, которая теперь доходила Элаю почти до пояса, а Кьяру скрывала целиком.

Отдышавшись, Элай поднялся и огляделся вокруг. Замок всё ещё виднелся вдали, но выглядел ужасно маленьким, почти игрушечным! И, кроме него, от горизонта до горизонта не было больше ничего. Совсем ничего, ничегошеньки! Всё обозримое пространство занимали зелёное море травы и бесконечное голубое небо. Столько неба за раз Элай не видел никогда! Огромный сверкающий купол раскинулся над ним во все стороны и, казалось, нет тому ни конца и ни края. Это невероятное зрелище потрясло Элая до глубины души. Он даже забыл о цели похода – стоял и глазел на небо, запрокинув голову, до тех пор, пока в ноги не ткнулось что-то мягкое и требовательно мяукающее. Кьяра отдохнула и желала идти дальше.

В этот раз Элай решил идти шагом. Бег был хорош, но, похоже, они переоценили свои силы. Или недооценили свою скорость? Одним словом, они бежали слишком быстро и так же быстро устали. А он ведь собирался бежать только в два раза быстрее пешего хода! Конечно, вокруг не обнаруживалось пока никаких особых достопримечательностей, мимо которых существовал бы риск проскочить. Кроме неба, конечно, но оно было везде, мимо него не проскочишь! Однако дело, как уже начал понимать юный путешественник, не в этом, а в усталости. Чем быстрее бежишь, тем быстрее и сильнее устаёшь. Он вроде бы и раньше это знал, но именно сейчас осознал со всей определённостью. А чем сильнее усталость, тем дольше отдыхать, и поэтому сэкономить время на беге ну никак не получится. Несмотря на это, Элай всё равно не сдавался: они будут чередовать бег и шаг, и всё равно доберутся раньше, чем пройдёт восемь часов!

Поначалу периодические пробежки доставляли им удовольствие. Не такое острое, как в самом первом забеге, но достаточное, чтобы поддерживать приподнятое настроение. Однако чем дальше они продвигались, тем меньше хотелось бежать. Солнце поднималось всё выше. Небо оставалось ясным, обещая жаркую погоду. Роса на траве давно испарилась, ветер потеплел. Сама трава снова стала ниже, и из неё уже торчали не только кончики крыльев Кьяры, а её нос и хвост, которые, впрочем, постепенно и неуклонно опускались к земле. На одном из коротких привалов, которые они устраивали, чтобы отдохнуть, Элай достал яблоки и груши. Он хотел было растянуть припасы на два раза, но Кьяра мигом слопала обе свои порции, так что он махнул рукой и тоже съел свои. После чего тяжко вздохнул: такого он не предвидел. Он не подумал, что после физической активности (в том числе и длительного бега) аппетит повышается. Также он не подумал о воде. Вернее, подумал, но посчитал, что сочные груши вполне её заменят, а потом они доберутся до реки и любые проблемы с водой разрешатся. Однако реки не было и в помине, а пить уже хотелось – груши не помогли. Ещё и солнце начало весьма ощутимо припекать. Вспомнив, что одет в куртку, Элай снял её и сложил в освободившуюся котомку.

Они побрели дальше. Бежать расхотелось полностью, силы как-то стремительно таяли. В чём дело, почему? – удивлялся Элай. Вроде же они шли совсем недолго, всего-то часа четыре, судя по положению солнца. Да они дома, бывает, бегают на улице гораздо дольше. И не устают! А тут… Может быть, дело именно в солнце? Дома-то везде тенёчек. Или в том, что вода и еда в любой момент доступны? Он принялся вспоминать, сколько раз во время прогулок и игр прерывался на минутку попить водички или съесть всё то же яблоко. А может, в путешествиях всегда так? Может, это такое их особое свойство? Начинают действовать какие-то специальные законы природы, когда идёшь куда-то далеко? Он вытер пот со лба. Ну когда же уже река! Чтобы отвлечься, он начал думать о будущих путешествиях, когда он вырастет и станет путешественником. Конечно же, он будет не просто путешественником, а *великим,* как дядя Амари. Будет так же бродить по свету и искать море. И однажды непременно найдёт! Вот тогда-то и окупятся все эти тренировки, которые, само собой, ещё впереди, но это – первая из них! Потому что это вовсе никакие не страдания от жары и усталости – это он просто тренируется, как бы репетирует. Он как-то раз видел репетицию музыкантов перед выступлением (честно говоря, лучше бы не видел и не слышал!) – у них ничего не получалось! Зато последующий концерт был просто потрясающим, все долго хлопали в ладоши, и папа тогда сказал ему, что чтобы так играть, нужно много репетировать. Наверное, и в путешествиях также. Ну, подумаешь, он не взял еду и воду, в следующий раз возьмёт! Он посмотрел на Кьяру, понуро бредущую рядом: нос опущен вниз, крылья не вверху, как обычно, а тоже опущены – даже слегка волочатся по траве, и хвост где-то внизу. Всё у неё было опущено, являя все признаки неземных страданий. Словно почувствовав внимание, Кьяра подняла голову и бросила на Элая страдальческий взгляд. Хоть тот и знал достоверно, что не меньше половины Кьяриных страданий – результат её драматических талантов, всё равно испытал неприятные уколы совести. Потому что тоже ощущал жажду – самую настоящую. Он снова попытался отвлечься: начал представлять, будто уже вырос, странствует по миру, и они идут не к реке, а прямо к морю. Это было даже символично: и море, и река – они же из воды состоят! Но тут же понял свою ошибку: мысли о воде сделали только хуже – он ещё больше пить захотел! А солнце поднималось всё выше, скоро полдень! Он оглянулся назад – Замка не видно, а он даже не заметил, в какой момент тот исчез из виду! Теперь вокруг были лишь пустые горизонты – и ни намёка на какой-то ориентир. Если бы не солнце, они бы даже не знали, правильно ли идут! Плохо было то, что солнце, являясь таким важным указателем, являлось одновременно и колоссальной небесной печкой, светящей к тому же прямо в глаза. Элай всегда любил солнце, но сейчас оно приоткрывалось ему совершенно с другой стороны.

Ещё какое-то время они шли – вернее, тащились – в уверенности, что уже вот-вот покажется река. Только та никак не показывалась. Элай, приложив руку ко лбу козырьком, тщетно высматривал впереди что-нибудь серебристое, или белое, или голубое – он не знал точно, как именно должна выглядеть большая река издали. Увы – повсюду виднелось только зелёное – этот бесконечный, бескрайний луг! Ему даже закралась в голову мысль, что они заблудились, и вначале он с презрением откинул её в сторону – как можно заблудиться, если идёшь строго по прямой?! Река ведь на востоке, и солнце встаёт там же! А они идут чётко ему навстречу. Заблудиться ну никак невозможно! И мимо реки они тоже никак пройти не могут, потому что она течёт по *всему* востоку, он сам читал в свитке: Дарлинка берёт начало в северных горах и исчезает в южном лесу. А между севером и югом восток как раз и находится! Но незаметно эта коварная мысль – что они каким-то образом идут не туда – всё-таки завладевала сознанием Элая. Не считая солнца, всё вокруг было совершенно одинаковое со всех сторон. Да и само солнце, приближаясь к середине неба, уже не казалось таким ясным указателем. В разуме Элая поселились сомнения.

Кьяра чувствовала себя не лучше. Хоть жара на неё так сильно и не действовала, она хотела есть и пить. А ещё она устала. И чего он не взял фруктов побольше! – бурчала она про себя, опустив нос к самой земле. И почему обязательно надо идти так долго! Почему нельзя полежать на мягкой травке и поспать часок? И где эта обещанная большая вода? Где обещанные приключения? Почему она вообще должна терпеть эти невыносимые муки, почему мир так несправедлив к ней, бедной, несчастной…

— Ты не чуешь воду? — спросил вдруг Элай, вырвав её из сладостного состояния жалости к себе.

Кьяра удивлённо подняла голову и принюхалась.

— Мяу, — сказала она раздражённо. Никакой воды она не чуяла, а если бы чуяла, то не тащилась бы тут еле-еле!

— Жалко, — сказал Элай. — А где дом ты, случайно, не знаешь? Замок в противоположной стороне от реки, — пояснил он ещё более удивлённой подруге, — а значит, если знать, где дом, то мы точно не заблудимся!

— Мяу, мур, мяу, — сказала на это Кьяра: да с чего я должна это знать?! Наверное, где-нибудь позади, где же ещё!

— Кошки же обычно знают, — возразил Элай не очень уверенно, — я в книжке читал. У них эти… инстинкты.

Кьяра возмущённо фыркнула и даже остановилась, воспылав праведным негодованием. Она вам никакая не “обычная” кошка! Что это ещё за разговоры! И нет у неё никаких дурацких инстинктов!

— Жалко, — снова повторил Элай со вздохом, — а я думал, это у вас общее. Нюх же у тебя есть.

Не посчитав нужным отвечать на подобные глупости, Кьяра надменно повернулась и двинулась дальше, гордо задрав нос кверху и думая о кошках (она, конечно же, лучше их в сто раз и не нужны ей никакие инстинкты!), позабыв, как только что еле плелась, жалуясь на весь мир. Элай же остался недоволен. Эх, а он так надеялся, что Кьяра поможет! Придётся теперь самому определять стороны света.

Когда солнце почти добралось до своего зенита, скорость друзей достигла крайней отметки – то есть упала до черепашьей. День выдался чрезвычайно жаркий – как нарочно. Пот градом катился со лба Элая, зато губы и рот пересохли. Тело стало тяжёлым и всё время кренилось к земле, явно желая прилечь. Он был бы и рад дать ему такую возможность, но боялся, что сразу уснёт, тем более, что вокруг – ни деревца, ни кустика, даже трава здесь росла совсем

низенькая. А спать на солнцепёке – не лучшая идея. Да и неизвестно, к чему это приведёт – вдруг он проспит весь день! Поэтому Элай кое-как передвигал ноги и очень надеялся, что река вскоре всё-таки объявится. Ну не могли же они и вправду заблудиться! О чём думала Кьяра, было неведомо, но, судя по её виду, она вообще спала на ходу. Вот бы и ему так уметь! – позавидовал Элай. Наконец, когда он уже совсем-таки собрался сдаться и остановиться на отдых, рискуя уснуть, то вдруг понял, что, выискивая на горизонте признаки реки, всё это время (и неизвестно, как долго!) видит вдали другое – там, на фоне неба… такая неровная полосочка… тоже синяя, только темнее, чем-то похожая на облака. Вот только это были не облака, сообразил Элай, а то, о чём он совершенно позабыл и упустил из виду.

— Это же горы! — воскликнул он громко (правда изо рта донеслось какое-то сипение).

— Мур? — вскинулась Кьяра. Если она и спала, то мигом проснулась.

— Горы! Там, на горизонте! — Элай попытался откашляться. — Смотри! Такая синенькая полосочка. С такими… зубчиками сверху… Это точно они! Значит, мы правильно идём – к реке.

“А что, мы могли идти неправильно?!” — весь вид Кьяры выразил крайнее изумление. Как это они могли идти не туда? Они же к реке направлялись, река разве способна куда-то переместиться, чтобы они к ней не пришли? Кьяра всегда попадала куда надо, потому что все эти места, куда она шла, послушно оставались на своих местах, а не разгуливали по округе! Им так положено себя вести, это же их самое главное правило! Все об этом знают, и даже безо всяких книжек! Но, видимо, каким-то странным образом Элай об этом не знал, а потому продолжал радостно глазеть на внезапно обнаружившиеся горы. Хотя где там эти горы, Кьяра взять в толк не могла. Она знала, как те должны выглядеть (потому что *случайно* увидела их в одной Элаевой книжке, которую, конечно же, вовсе не читала и не просматривала, заглядывая Элаю через локоть, просто как раз мимо проходила и решила ненадолго присесть). И горы там выглядели совсем по-другому! Они были большими и коричневыми, и даже на листе бумаги казались объёмными. А эти были маленькими, синими и плоскими, и больше походили на Элаевы рисунки, когда тот ещё этим увлекался.

— Как ты не понимаешь, — снова воскликнул Элай, видя довольно равнодушный Кьярин взгляд, — если горы видно, значит, река совсем-совсем близко – я в свитке читал! А где река – там много-много воды!

При слове “вода” Кьяра встрепенулась. Вот так бы сразу и сказал! Вода Кьяре очень даже нужна, да побыстрее.

— Велиос – это такой великий путешественник – писал, что горы становятся видны примерно за час или два до реки, — продолжал объяснять Элай с воодушевлением – его усталости как не бывало! — Так что, если мы сейчас побежим, то река появится даже ещё раньше!

Побежать к реке, где много-много воды, Кьяра была согласна. “Мяу!” — выразила она своё мнение и, недолго думая, сорвалась с места.

— Эй, подожди меня! — крикнул Элай вдогонку.

В этот раз Элая подстёгивали не логические расчёты, фантазии о будущем или избыток энергии, а банальная жажда, и этот прозаический стимул оказался самым действенным. Ещё недавно он еле-еле передвигал ноги, всем своим существом желая только лечь и уснуть, совершенно не в силах заставить себя двигаться быстрее, теперь же, когда впереди вот-вот должен был появиться вожделенный источник живительной воды, ему больше не хотелось ни лежать, ни спать. Откуда-то взялись неучтённые силы, ноги бежали сами собой, даже жара как будто бы отступила. И часа не прошло, как вдали, на горизонте, блеснула серебристо-голубая лента – сперва тоненькая. Но постепенно она становилась всё шире и шире, разворачиваясь бесконечной водной гладью, дальний берег которой едва просматривался. По мере приближения к реке глаза Элая тоже раскрывались всё шире и шире. На какое-то время он даже позабыл

про свою жажду, а выбежав наконец на берег, оказавшийся высоким обрывом, остановился и целую минуту стоял в восхищённом молчании, обозревая открывшуюся панораму.

— Ого! — воскликнул он тихонько, придя в себя. Громко говорить не получалось – дыхание перехватило, и не только от бега.

— Ого! Ничего себе! — повторил он снова, но почувствовал, что этими восклицаниями не выразил почти ничего. Слов катастрофически не хватало: все они как назло испарились из памяти – как раз тогда, когда нужны!

Вид реки потрясал. После маленьких ручьёв сада, большинство из которых можно было перепрыгнуть, а остальные за десять секунд перейти по мостику или лежащим поперёк русла камешкам, большая река выглядела… Большой? Широкой? Нет!! Для Элая она выглядела колоссальной! Огромной! Необъятной! И сияющей! Потому что она вся сверкала под полуденным солнцем: большей частью яркой голубизной – отражая чистое синее небо, и кое-где серебром – там, где ветер пробегал по водной поверхности. Это сверкание даже слепило глаза, ибо река была повсюду – казалось, она занимает половину мира! И эта чудовищная масса воды ещё и текла! Не особенно заметно глазу (по крайней мере с высоты обрыва), но Элай различал снизу ровный еле заметный низкий гул. Противоположный берег реки казался более пологим и выглядел длинной тонкой тёмно-зелёной каймой (очень далёкой!), на которой росли кажущиеся отсюда крохотными деревца, позади которых в свою очередь угадывались зелёные холмы, а ещё дальше – в самой дальней дали – виднелись синие горы: всё такие же нереальные, будто сотканные из тумана, но уже более чёткие и контрастные, а сквозь синюю дымку теперь проступали очертания отдельных вершин и склонов.

“С ума сойти, какая она огромная!” — думал о реке Элай. Такого он увидеть не ожидал. Любые его представления и воображаемые картинки меркли в сравнении с реальностью. А ещё его посетила одна волнующая мысль: если река *такая*, то какое же тогда море – неужели *ещё* больше?!! А ведь оно *должно* быть больше! Огромнее! Грандиознее! И как теперь его представлять?! Каким?! Оно уже не помещалось в воображении! Нет, он непременно, непременно должен его увидеть, прямо должен!

Кьяра, стоящая рядом, думала примерно о том же – о реке и о воде, однако направление её мыслей имело качественное отличие. “Какая красотища!” — возвышенно восклицала воспарившая душа Элая, наслаждаясь высокими сферами бытия. “Какая вкуснотища!” — алчно бурчал голодный Кьярин желудок, пока её ноздри ловили соблазнительный водный запах, а глаза жадно оглядывали заманчиво переливающуюся на солнце и наверняка прохладную водную поверхность. Кьяра уже представляла, как спустится вниз, к реке, и будет пить, пить, пить… пока не лопнет! Пусть это и не молоко, но где она его здесь найдёт? Зато уж воды полным-полно! Оставалось только как-то до неё добраться. Посмотрев вниз с обрыва, она недовольно дёрнула хвостом – слишком высоко! Прыгать отсюда нереально. Придётся искать спуск – там, где пониже. Повертев головой в разные стороны, она постановила, что справа высота вроде как понижается – чуть-чуть. А если пройти подальше? Повернувшись в ту сторону, Кьяра побрела вдоль обрыва.

Когда Элай очнулся, она ушла уже довольно далеко.

— Эй, ты куда? — спохватился он и бросился догонять беглянку.

Догнав, он пошёл рядом, разглядывая обрыв. Спуститься вниз, конечно же, надо – это было жизненно важно, и, если не найдётся спуск, дела их будут обстоять очень даже плачевно. Насладившись красотами природы и впечатляющим зрелищем, Элай снова вспомнил про жажду, которая при виде воды становилась ещё ощутимее. Если они не смогут спуститься… Элай облизал пересохшие губы… тогда… тогда… Он не знал, что тогда, но думать об этом не хотелось. При мысли, что придётся идти домой, так и не напившись, его разум устраивал в

воображении довольно качественную драму из будущих великих мучений и страданий. Поймав себя на этом, Элай недовольно поморщился. Он становится прямо как Кьяра! Видимо, у неё и научился. Но всё ведь не так страшно, попытался успокоить он себя, обрыв же не может тянуться вечно, наверняка где-нибудь понижается. Велиос нигде не писал, что к реке невозможно спуститься. На всякий случай он внимательно осмотрел земляную стену – вдруг можно просто слезть. Но нет – стена казалась полностью отвесной, и зацепиться негде! Спрыгивать высоко! Так можно и сломать что-нибудь. А как потом обратно залазить? Оставалось идти дальше и надеяться, что высота понизится. Также – помня прочитанное – Элай высматривал где-нибудь фруктовые деревья. Велиос писал о фруктовых рощицах – так где же они? Да хоть бы какая-то рощица попалась! Пусть возле реки было и попрохладней от влажного ветерка, солнце по-прежнему палило, и Элай мечтал о теньке почти так же, как и о воде. Но пока что берег выглядел полностью голым – и внизу, и наверху. Впрочем, внизу, у самой воды росли какие-то кусты, наверху, на обрыве – трава. Ну и всё. А может, надо было пойти в другую сторону? Почему Кьяра пошла именно направо? Он хотел уже было её об этом спросить, как наконец-то заметил впереди несколько тонких невысоких деревьев. На фруктовые они не походили, но хоть что-то! Собрав остатки сил, Элай перешёл на бег. Кьяра, хоть смотрела только на воду – деревья ей были не нужны, – поспешила следом.

“Рощица” оказалась совсем крохотной, и фруктами здесь даже не пахло, но зато, к радости Элая, среди травы он заметил несколько ягодных кустов дикой клубники – и сразу же принялся набивать ею рот. Он по-честному предложил их и Кьяре, но та с презрением отвернулась – она терпеть не могла ягод. И не то чтобы они казались ей какими-то особенно невкусными. Просто в её голове бытовало устойчивое мнение (неведомо как там укоренившееся), что ягоды – это никакая не еда и для полноценного питания ни в коем случае не подходят. Да чего там есть?! Разве этим можно хоть сколько-то насытиться?! А лично для неё они наверняка ещё и вредные! (Хоть эльфы почему-то и говорили, что она всеядная. Что они имели в виду, Кьяра точно не знала, но была убеждена, что это вовсе не означает “ягодоядная”!) Потому-то от ягод она всегда воротила нос и менять свои убеждения не собиралась. И именно поэтому сейчас, при виде уплетающего ягоды Элая, чувствовала – абсурдно и без всякого основания, – что её каким-то образом несправедливо и незаслуженно ущемили в правах и обидели. Элай нашёл свою любимую еду, а она – нет! Конечно, трудно ожидать, что под деревьями вдруг ни с того, ни с сего вырастут блюдца с молоком, но тем было обиднее! Какое-то время Кьяра сидела, отвернувшись, дуясь на судьбу и дурацкий мир, в котором голодной пантере абсолютно невозможно случайно найти мисочку молока на берегу реки, но аппетитное чавканье Элая за спиной стало совершенно невыносимым, и она, гордо поднявшись, зашагала в сторону обрыва, справедливо решив, что, будучи лишённой пропитания, имеет полное право получить у наглого мира хотя бы воду. Которая тут точно есть! Нужно только наконец-то найти спуск вниз.

Продолжив прерванный рощицей путь, она двинулась дальше на юг, вниз по течению реки, так же, как Элай, полагая, что где-нибудь да появится возможность спуститься: или берег станет ниже, или стена – более пологой, или ещё что-то подходящее. Потому что оно должно! И потому что ей надо! Какие ещё нужны причины? И действительно, через некоторое время мир словно бы пошёл ей навстречу – склон стал понемногу понижаться. Но всё-таки недостаточно, чтобы просто спрыгнуть, тем более, что внизу по берегу валялось много крупных камней, а рисковать собой, любимой, Кьяра желанием не горела – что касается себя, она вообще была очень осмотрительной! А пить тем временем хотелось ужасно! Вода внизу манила Кьяру всё сильней и сильней – такая на вид прохладная, приятная… такая… водная. А запах просто сводил с ума. Никогда она раньше не думала, что запах какой-то там воды может быть настолько вкусным и соблазнительным. Наконец Кьяра не выдержала: сил её больше нету терпеть! Она спустится здесь и сейчас! То место, где она остановилась, выглядело в целом подходящим: уже

не настолько крутой склон, почва с виду мягкая – будет легко вонзать в неё когти, да и не очень уж высоко – если бы не камни, она, пожалуй, и рискнула бы, спрыгнула. А так придётся спускаться по склону. Ну что ж, тогда решено. Наверняка у неё всё получится, она вон как по деревьям лазит! Лучше всяких там “обычных” кошек, добавила она про себя ехидно. У них крыльев-то нет, чтобы балансировать! И когти не такие острые, и вообще… Воодушевив себя подобным образом, она приступила к спуску.

Спускаться Кьяра решила задом – просто потому, что этот самый зад вместе с крыльями значительно перевешивал голову, а значит, ему по-всякому лучше бы быть снизу. Повернувшись нужным местом, она осторожно перелезла через край, цепляясь когтями, которые преотлично втыкались в мягкую чёрную землю. Удовлетворённая первым успехом, Кьяра начала потихоньку сползать вниз. Сперва всё шло прекрасно: она поочерёдно переносила лапы и медленно, но неуклонно продвигалась. Дела шли настолько хорошо, что мыслями она была уже внизу, возле воды, представляя, как пьёт, погружая в неё розовый язычок. А потом она пойдёт по берегу и найдёт… нет, не миску с молоком – несправедливый мир подло лишил её самого необходимого! Она найдёт место, где можно легко подняться наверх… и она поднимется… и побежит к Элаю – а он, конечно же, понятия не имеет, как надо спускаться! И она отведёт его к правильному спуску. А потом они пойдут искать фруктовые деревья. Фрукты Кьяра тоже не сильно любила, но они хотя бы съедобные! Не то что дурацкие ягоды! А потом они… Тут её мечты грубо прервались, ибо Кьяра срочно вынуждена была вернуться в реальность. А всё потому, что её правая задняя нога висела в воздухе и никак не могла найти опору – когти не втыкались!

Поначалу это вызвало в Кьяре только недоумение – вися на трёх лапах, она шарила четвёртой по склону, пробуя зацепиться снова и снова. Всё ещё частично пребывая в мечтах и планах на ближайшее будущее, она никак не могла уяснить, в чём проблема. Что вообще происходит? До сих пор когти прекрасно втыкались, а теперь вдруг нет! Как такое может быть? Это же *её* когти! Они острые! А под ними всего лишь земля, а не камень какой-нибудь! В этот момент Кьяру посетила одна ужасная мысль, и она лихорадочно начала оглядывать склон, по которому спускалась. Сверху и по бокам она ничего страшного не обнаружила – только всё ту же самую чёрную землю, но когда, кое-как извернувшись, посмотрела вниз – туда, где сиротливо болталась в воздухе её задняя конечность, – подозрения подтвердились. Земля там меняла цвет – она становилась какой-то жёлтой! И, насколько Кьяра видела, это жёлтое тянулось до самого конца! С виду вроде не камень, но по твёрдости – точь-в-точь! И пахло там (как она лишь сейчас заметила) похоже на… глиняную посуду. Точно! Это же глина! – осенило её. Открытие было до крайности неприятным. Глина же твёрдая! По крайней мере, в виде посуды. И, видимо, в виде самой глины тоже. А Кьяра даже не знала, что та бывает в таком виде и водится на склонах и обрывах! И что ей теперь делать? Она висела ровно посередине. Взбираться обратно, наверх? Высоковато. Прыгать вниз, на камни, раскиданные под ней? Высоковато. Кьяра начинала паниковать. Вверх нельзя, вниз нельзя, когти не втыкаются! А тут ещё некстати в памяти всплыли детские воспоминания, как однажды она вот так же точно застряла на дереве: залезла и – ни туда, ни сюда! В тот раз её снял оттуда Элай, а кто это сделает сейчас??! А самое обидное – у неё ведь крылья есть! Но толку от них! Кьяра с тоской посмотрела на небо, по привычке выискивая взглядом какую-нибудь птицу, однако тут же вернулась к своему незавидному положению: она висела на трёх лапах на середине почти отвесной стены и со всей ужасающей очевидностью начинала понимать, что снова застряла – как тогда, на дереве!

— Кьяра! — раздалось вдруг сверху, и над обрывом показалась испуганная голова Элая. — Не двигайся, я сейчас!

— Мяяууу!!! — не преминула громко и страдальчески пожаловаться Кьяра, на самом-то деле облегчённо обрадовавшись – больше не надо паниковать и что-то срочно придумывать, теперь-то всё позади, теперь-то Элай решит все её проблемы! Но в этот момент земля под её *левой* задней лапой внезапно осыпалась – возможно, причиной тому послужили её острые когти, изо всех сил вцепившиеся в слишком сухую почву, или это была простая случайность. Лапа повисла в воздухе, а Кьяра осталась висеть на двух оставшихся, с ужасом осознавая неизбежное. Передние лапы держались целых десять секунд, а потом земля под ними тоже поехала, образуя маленький оползень, и Кьяра, с испуганным воплем, неудержимо поехала вместе с ним. В её голове тут же возникли страшные острые камни, поджидающие её внизу. В воображении они выглядели много страшнее, чем в реальности, но испугаться как следует она не успела, зато успела как следует разогнаться, и, когда неровный склон внезапно снова стал отвесным, получившийся своеобразный трамплин отправил её в короткий полёт по воздуху – прямо в кусты, растущие вдоль воды.

— Кьяра!!! — в волнении Элай чуть не сиганул следом, но вовремя опомнился – прыгать впопыхах тут было никак нельзя! Это всё равно, что вывалиться из окна второго или даже третьего этажа! Здесь был применим только Кьярин метод – перелезть через край и как-нибудь потихоньку сползти. Вот только когтей у Элая не имелось. В другой раз он бы всё же смог спуститься, используя природную эльфийскую ловкость, цепляясь пальцами за неровности. Но это бы заняло время. Тогда как времени, по мнению Элая, не было – Кьяра как-то подозрительно молчала в дебрях кустов, в которые так впечатляюще улетела. Если бы она громко там жаловалась, Элай бы сразу успокоился и не спешил, а так… Всё его существо заполнилось тревогой.

Кинув котомку с курткой вниз, он торопливо перебрался через край, держась за траву, и повис на руках, собираясь понемногу съезжать вниз, цепляясь пальцами рук и ног. Но почва оказалась не такой мягкой и рыхлой, как он надеялся, а наклон стены не такой пологий. Руки сорвались, и сила тяжести потянула его вниз. Спуск проходил слишком быстро, и от испуга у Элая перехватило дыхание. Распластавшись, он ехал по склону – точно как Кьяра – со всё возрастающей скоростью. К счастью, в конце ему удалось сгруппироваться и приземлиться на ноги, но от удара воздух вышибло из груди, а внутри всё, казалось, перевернулось вверх тормашками. Несколько секунд он стоял, пытаясь отдышаться и унять бешеное сердцебиение. А потом вспомнил о Кьяре.

Пострадавшая лежала в глубине кустов (к счастью, не колючих!) и жалобно хлопала зелёными глазами. В результате лихорадочного ощупывания и по отсутствию бурной реакции Элай постановил, что она ничего себе не сломала и не поранила, а молчание – просто последствия нервного потрясения. С его души будто свалился тяжёлый камень, но из-за *своего* потрясения Элай вдруг не на шутку разозлился.

— Ты что, не могла меня подождать?!! — напустился он на Кьяру. — Вечно ты влипаешь в неприятности!

На что Кьяра лишь скорбно мяукнула и посмотрела на него страдальческим взглядом, что означало, по-видимому, что-то вроде: не кричи на меня, я умираю. Элай тяжело вздохнул. В последний раз он так сильно пугался, когда несколько лет назад на Кьяру напали “злые” пчёлы, и других случаев припомнить не мог. “Вечно она влипает в неприятности”, – повторил он про себя ворчливо.

Выковыряв Кьяру из кустов и кое-как отряхнувшись от земли и пыли, Элай принялся искать, где бы подойти к воде и напиться. Но везде, где он мог прорваться через заросли, вода не казалась ему пригодной для питья – прямо в ней на илистом дне росла трава с длинными гибкими стеблями, а на поверхности кое-где плавала тина. Поневоле приходилось идти по берегу в поисках более подходящего места, и Элай с Кьярой брели дальше на юг, с пристра-

стием выискивая просветы между кустами. Сам берег, вначале обычный каменистый, постепенно становился галечным, а крупные камни, которые так пугали Кьяру, встречались всё реже и реже. Но галька в свою очередь вскоре стала сменяться песком, от которого Элай был просто в восторге – он никогда его раньше не видел, однако читал, что тот встречается на *морских* берегах. Учитывая, что Дарлинка в этом месте была очень широкой и противоположный берег еле виднелся, Элай мог вообразить, будто находится возле моря! Как будто он его уже нашёл! Только вот волн не хватало, на море ведь должны быть волны! Но это незначительная деталь, решил он, можно представлять, как будто штиль и море спокойно.

Однако разгулявшееся воображение не помешало ему немедленно побежать к воде, чтобы вдоволь напиться – вода над песчаным дном была прозрачной и чистой, а кусты как раз закончились. Кьяре же воображение вообще никак не мешало, и она оказалась у воды гораздо раньше Элая. Единственное, что ей мешало – так это то, что вода была мокрой! Кьяра терпеть не могла мокнуть, а теперь придётся ещё и лапы сушить!

Утолив жажду, друзья пришли в хорошее расположение духа. Кьяра даже временно забыла про свой голод и про то, что она вообще-то обижена. Устроившись на большом плоском камне подальше от воды, она принялась вылизывать свои промокшие лапы. Элай лежал на тёплом песке, подложив под голову котомку. Солнце продолжало жарить, и он снял штаны и рубашку, наслаждаясь солнечной ванной и отдыхом. Сквозь прищуренные веки он разглядывал небо, которое с такого ракурса выглядело каким-то особенно высоким и синим. За этот день он насмотрелся на него с лихвой, но всё ему было мало. Раньше небо всегда загораживали то деревья, то Замок, и Элай даже не думал, что оно может быть таким громадным и всеобъемлющим. И таким притягательным. Он смотрел и смотрел в синеву, и словно куда-то проваливался – всё глубже и глубже. Ему начинало казаться, что небо уже не только вверху, над ним, а буквально везде и повсюду, он будто тонул в нём. Редкие облачка парили, как пух от одуванчиков, и непонятно было, где они летят – над головой или под ногами. Или он сам парит среди них в этой синей бесконечности. На Элая снизошёл странный покой: никуда не надо идти, ничего не надо делать. Даже шевелиться не надо – можно просто парить среди облаков долго-долго… всегда… вечно… вечно… вечно… ве…

— МЯУ!!! — раздалось прямо над ухом.

Элай вздрогнул всем телом, необычное ощущение покоя рассыпалось на осколки, как хрупкий хрусталь. Он попытался вернуть его, склеить обратно, но на плечо легла когтистая лапа.

— Ай, больно же! — воскликнул он, недовольный тем, что пришлось пошевелиться. И открыл глаза. Кьяра сидела возле его головы с видом одновременно встревоженным и самодовольным.

— Мяу! — снова произнесла она требовательно – Кьяра желала знать, что происходит.

— Я просто отдыхал, — зачем-то попытался оправдаться Элай, хотя на отдых-то не очень походило! Что это было вообще? Сон – не сон. Как будто какое-то… созерцание? Поломав голову пару минут, он махнул рукой – потом разберётся. А сейчас… Солнце ярко светило, прохладная вода манила к себе.

— Пошли купаться! — закричал он, вскакивая на ноги. Кьяра посмотрела на него в раздражении и на всякий случай отошла ещё подальше от воды – Элай имел дурную привычку брызгаться, если она и какой-нибудь ручей оказывались в его области влияния одновременно. А самое раздражающее, что он называл это игрой! Игрой! Да разве же это игра?! Не игра, а форменное безобразие! Ворча про себя, она ушла к самому обрыву (который, кстати, был уже значительно ниже, но всё ещё был) и постаралась устроиться максимально комфортно: водные игры Элая – это надолго! Тяжко вздохнув, она демонстративно отвернулась от реки и стала разглядывать небо, облака, пролетающих птиц, траву на склоне. Но взгляд всё равно то и дело

возвращался к радостно плещущемуся Элаю, и тогда она снова тяжко вздыхала, скорбно закатывая глаза.

Элай же был абсолютно счастлив. Купаться в большой реке оказалось невероятно здорово! Это вам не маленькие ручейки! Здесь он мог погрузиться в воду целиком, а не только по колено! Вода у берега была довольно тёплой, песчаное дно понижалось постепенно – идеальные условия для купания, тем более, что плавать Элай, конечно, не умел. Но клятвенно обещал себе обязательно научиться – теперь, когда "открыл" дорогу к Дарлинке. Он будет приходить сюда и плавать. И в следующий раз они возьмут еды побольше. И воды. И какой-нибудь мячик для Кьяры – чтобы она не кисла в одиночестве, пока он купается.

Распланировав своё будущее и наплескавшись вдоволь, Элай собрался уже вылезать на берег, но напоследок решил зайти в реку подальше – внезапно ему очень захотелось погрузиться полностью, во весь рост. Зайдя по шею, он остановился и закрыл глаза. Невероятное ощущение! Течение здесь было сильнее, и река казалась живой. Она словно обнимала его, обволакивала, качала на руках. Тело – лёгкое, как пёрышко. Элай снова будто парил. И не только в воображении, тело действительно парило – казалось, оно ничего не весит! На какой-то миг он полностью забылся, не замечая, что стоит уже на цыпочках, – река не только обнимала его, но и неустанно толкала вбок, пытаясь увлечь за собою вниз по течению, в сторону далёкого южного леса. В какой-то момент у неё получилось, и ноги Элая оторвались от песчаного дна. Течение подхватило его и понесло направо, а заодно и к центру реки – на глубину.

Когда ноги потеряли опору, Элай в испуге распахнул глаза, снова грубо вырванный из своих грёз. Инстинктивно забив руками и ногами, он попытался нашарить дно, но его не было! И он уже не ощущал себя лёгким, как пёрышко! Теперь он был тяжёлым камнем – тяжёлым и неуклюжим, полным неумехой! Как он ни бил по воде руками, как ни загребал ими, плыть не получалось, река же вцепилась в него далеко не нежно – она обернулась холодным жестоким существом, чьи любящие объятия внезапно стали удушающими. Элай чувствовал, как его тащит вниз, и несколько раз погружался с головой, но чудом выныривал обратно, хватая ртом драгоценный воздух. Его охватила паника, разум горел, сердце бешено стучало. Брызги, поднятые им же, блестели на солнце, ослепляя взор, и он ничего не видел. Берег исчез из поля зрения – потерялся, – вода и небо были повсюду! Куда же двигаться? Где спасение?!

Кьяра почуяла неладное не сразу, занятая таким увлекательным делом, как ворчание по поводу брошенности и одиночества. К счастью, она всё время при этом поглядывала на Элая, как главного виновника её текущей бесприютности, и в какой-то момент вдруг осознала, что плещется он как-то неправильно. Во-первых, слишком далеко от берега, а во-вторых… Кьяра сама не заметила, как оказалась на ногах, а секундой позже – в реке. Потому что Элай вовсе не плескался, он тонул! Теперь она ясно видела! От него исходил страх, лицо исказилось, взгляд метался из стороны в сторону. Неожиданно он погрузился под воду с головой, как будто кто-то тащил его за ноги вниз – и сердце Кьяры упало вниз вслед за ним. Потом он всё же вынырнул – спустя вечность, – и она снова смогла вздохнуть. "Надо его срочно вытаскивать!!!" — лихорадочно застучало в её голове, и Кьяра, не раздумывая, двинулась вперёд. Ну… почти что двинулась. Она думала, что двинулась, но оказалось – нет. Она всё ещё стояла на том же месте – примерно по плечи в воде. Она попыталась снова, но лапы будто приросли к песчаному дну – они не сдвигались. И всё остальное тоже не двигалось: время внезапно стало патокой – густым, тяжёлым, она прорывалась сквозь него, как сквозь какой-то застывший сироп. Окружающий мир словно замер, его накрыла звенящая тишина: ветер, шуршание листьев, шум и плеск реки смолкли, брызги воды вокруг Элая застыли в воздухе россыпью сверкающих бриллиантов. И сам Элай тоже как будто застыл, только взгляд испуганных золотистых глаз, казалось, продолжал двигаться – ищущий, панический. Это растянутое мгновение походило на странный

и жуткий сон, и, как во всех подобных снах, Кьяра почему-то ничему не удивлялась, словно это самое обычное – попасть в мир, застывший во времени. Мысли её были исключительно о том, что она никак не может заставить себя шагнуть ещё дальше в воду, чтобы помочь Элаю. Но он ведь тонет! Он может умереть! По-настоящему! Насовсем! Как же она без него?!! Эта страшная правда сподвигла Кьяру приложить ещё больше усилий, но тщетно – лапы не хотели сдвигаться ни в какую! МЯЯЯУУУУУ!!! – вырвался у неё крик отчаяния.

Мяяяуууу!!! – послышалось над водой, и Элай ухватился за этот звук, как за соломинку. Там Кьяра и, значит, там берег – совсем не в той стороне, где он думал! Но теперь он знал, куда плыть – если, конечно, те телодвижения, которые он совершал, можно назвать плаванием. Кое-как он смог повернуться в нужную сторону и заработал ногами и руками с новой силой – вопль Кьяры частично прорвал паническую завесу в его разуме, которая, впрочем, уступила место другому страху: как бы Кьяра не полезла в воду его спасать! Нелюбовь кошек к воде само собой подразумевала для Элая их полную беспомощность в этой среде обитания. А кто тогда *её* спасать будет, если он сам плавать не умеет?! “Не лезь в воду!” — хотел крикнуть он, но дыхания не хватало, вода попадала в рот и нос. Однако переключение внимания на Кьяру чудесным образом помогло – паника почти совсем отступила, хаотичных движений стало меньше, и у него наконец-то начало что-то получаться. Из-за этого ли или по воле случая, вскоре его ноги снова наткнулись на дно, и, обессилевший и замёрзший, Элай с горем пополам выполз на берег – гораздо ниже по течению, которое успело снести его с открытого песчаного пляжа к илистому дну и прибрежным кустам.

Собственное трагическое “мяяяуууу” словно разрушило чары: время снова запустилось, и Кьяра с облегчением увидела, что Элай перестал беспомощно барахтаться и тонуть, и начал предпринимать спасительные действия. К её великой радости он прекрасно спасался самостоятельно – потому как она по-прежнему не могла заставить себя войти в воду глубже: тело не слушалось, объятое каким-то иррациональным страхом, источника которого она не понимала, а также не понимала, в чём этот страх заключается – да, вода мокрая и неприятная, но ничего страшного-то в ней нет! Однако, несмотря на эту отличную логику, она поторопилась максимально быстро выйти из реки и поскорее забыть все произошедшие с ней странности – как снаружи, так и в голове. В себе Кьяра разбираться не любила ещё больше, чем мокнуть. Вместо этого она поспешила к Элаю, чтобы удостовериться в его полном присутствии в мире живых – страх остаться одной, без него, никуда не делся. То, что он оказался слабее страха глубины, Кьяру немного смущало, но не слишком – всю вину за случившееся, в том числе и за её страхи, она возлагала на дурацкую реку! А что ещё можно ждать от этого явления природы, в котором такая тьма мокрой воды!

Элай же, выбравшись наконец из кустов и вернувшись к своим вещам на пляже, уселся прямо на песок, медленно приходя в себя. Конечно, придётся снова купаться, ну да ладно – он на глубину больше не полезет! При мысли о глубине его передёрнуло. А ведь как всё здорово начиналось! Ему так понравилось купаться! И резвиться, и брызгаться! И стоять по шею в воде, чувствуя вокруг себя живую силу реки. И надо же было так сглупить, потерять контроль над ситуацией! А всё потому, что он не умеет плавать! Если бы умел, то никакая сила реки была бы не страшна! Конечно, он не виноват – ведь негде было научиться. Он вообще не знал, что можно уметь плавать, пока не прочитал об этом в книжках про море. Там, на море, все это умели, и он решил, что тоже научится – надо только добраться до большой воды. И вот он добрался… Элай саркастически хмыкнул сам себе. Можно ли теперь сказать, что он умеет плавать? Ведь он же каким-то образом спасся – вроде как выплыл… Он на миг задумался. Нет! Проверять это сегодня он точно не будет! С него пока хватит.

Несмотря на все эти вполне уравновешенные мысли, Элай был сильно потрясён. Настолько, что чувствовал настойчивую необходимость отставить своё потрясение в сторонку, закрыться от него, убрать истинные мысли о случившемся подальше, отвернуться от явившегося ему мрачного откровения, которое поведало одну ужасную правду – смерть существует. И не где-то в сказках и летописях, или в дальних краях, или у кого-то другого, а прямо здесь и сейчас, в любую минуту! Рядом с ним! Он чуть не утонул, река тянула его вниз, в свои тёмные глубины, лишая вожделенного воздуха и света, и он успел на миг заглянуть в эту бездну. Инстинктивный страх, возникший в нём при этом, вполне недвусмысленно пояснил, что смерть – это конец привычного и прыжок в неведомое. Его тело точно не хотело умирать. А разум… Элай пока слишком мало знал о разуме. Но он точно боялся бездны! Эльфы были долгоживущим народом и редко кого-то теряли. Элай не видел за свои десять лет ещё ни единой смерти, о ней никто из окружающих взрослых не говорил и, казалось, даже не думал. Элай не был готов к подобным откровениям и гнал от себя угнетающие мысли, как мог. Но они всё равно придут к нему позже.

Кьяра пристроилась рядом на песке и, по мнению Элая, как-то притихла, словно бы разделяя его переживания и поддерживая драматичность момента. Правда надолго её не хватило, и она с недовольным видом принялась вылизывать промокшую шёрстку. “Она же совсем голодная!” — вспомнил вдруг Элай. Он-то хоть ягодами перекусил. У него зашевелилась совесть. Пора было в связи с этим что-то предпринять. Но что конкретно? Элай встал перед выбором: пойти обратно домой или пойти на поиски фруктовых деревьев, в существование которых он до сих пор верил – просто нужно искать получше! Вот ягоды же нашлись! А их он даже не искал. Стало быть, если искать специально, то уж точно должно получиться! Конечно, можно просто-напросто вернуться домой – в конце концов основная миссия похода выполнена: до реки они добрались, увидели всю эту красотищу, а Элай даже искупался, пусть и с не очень приятными последствиями. Тем не менее, всё закончилось хорошо, и можно бы на этом остановиться, тем более, что подготовились они из рук вон плохо, ничего с собой не взяли. Уж в следующий раз Элай собирался подойти к этому вопросу серьёзно, по-взрослому! И тогда они пробудут здесь дольше. А сейчас… почему бы не вернуться? Целую минуту он пребывал в полной уверенности в правильности этой позиции: всё – они возвращаются, пора! Заберутся на обрыв (в этом месте высота склона ненамного превышала его рост и залезть будет несложно), потом дойдут поверху до места, где спускались (чтобы не заблудиться), и – в обратный путь по своим следам. Открыв рот, дабы объявить о своём решении Кьяре (наверняка она будет просто счастлива!), Элай секунду помедлил и сказал:

— Пошли, поищем фруктовые деревья.

II

Они двинулись понизу, потому что Элаю отчего-то пришло в голову, что любое дерево, имея по соседству такую замечательную полноводную реку, предпочтёт вырасти к ней как можно ближе, а значит, фруктовую рощицу они здесь, у самой воды, точно не пропустят. (На самом деле в глубине души он сам хотел быть поближе к реке – она его завораживала, и даже неудачное купание его не отпугнуло.) И, словно подтверждая его мнение, вскоре они повстречали целые заросли деревьев, буквально льнущих к воде: у них были тонкие гибкие стволы и длинные узкие листья; ветви склонялись над рекой, будто дерево плакало – несомненно от счастья вырасти в таком живописном и плодородном месте. Что это за деревья, Элай не знал (у него было неважно с ботаникой), но никаких фруктов на них не росло. Жаль! – подумал он, не очень-то расстроившись – это был отличный повод идти дальше, наслаждаясь восхитительной прогулкой и продолжая свою воображаемую игру про море. Он уже совсем высох и давно перестал дрожать от холода: солнце, хоть и начинало клониться к западу, всё ещё прилично пригревало – денёк выдался действительно необычайно жаркий. Элай шёл босиком, неся обувь

и одежду в руках – шагать по песку было одно удовольствие. Правда когда тот снова сменился на гальку, стало не так здорово, но он решил привести себя в порядок и обуться позже, когда найдётся ещё какое-нибудь удачное место для купания, где нет кустов и деревьев. И, словно по заказу, довольно скоро они нашли подходящее место.

— Ого, вот это камни! — воскликнул Элай, останавливаясь.

Кьяра пребывала не в таком радужном настроении, как Элай, ворча и бурча про себя пуще прежнего. Точнее сказать, бурчала не столько она, сколько её пустой желудок. Она с тоской вспоминала утреннюю порцию молока и варёных овощей. И даже съеденные по дороге груши с яблоками. Да что там – она уже почти готова была закусить ненавистными ягодами! Но те остались где-то позади, а попросить Элая вернуться за ними… Нет уж! Пока что она не до такой степени проголодалась, чтобы признаваться в неправоте и ошибке! Так что она ворчала и брела дальше, опустив нос к самой земле и обижаясь на весь свет. К плохому настроению добавлялось и то, что она никак не могла объяснить себе случившиеся с ней непонятности: причину недавнего страха и будто остановившееся время. И полностью забыть, как обычно заметя́ под воображаемый коврик, тоже не получалось! Ей бы хотелось поскорее вернуться домой, подальше от этой дурацкой реки, напоминающей обо всём этом, но мысль о том, что придётся ещё шесть-восемь часов ходить голодной, совершенно не вдохновляла. Поэтому Кьяра предпочла поверить Элаю на слово, когда тот говорил, что фруктовая роща того и гляди отыщется. Но они всё шли и шли, а ничего похожего на фрукты Кьяра не видела и не чуяла, настроение её портилось всё сильнее, крылья, нос и хвост опускались к земле всё ниже, и она уныло плелась вслед за Элаем, ничего вокруг не замечая и являя собой образ существа-мученика – жертвы трагических обстоятельств. В итоге восклицание Элая застало её полностью врасплох. Пройдя по инерции ещё несколько шагов и ткнувшись в Элаевы ноги, она вынужденно остановилась и только тогда удивлённо подняла голову.

Под камнями Элай имел в виду вовсе не гальку, валявшуюся на берегу. Камни, поразившие его, лежали в воде, и они действительно впечатляли – прежде всего своими размерами. Это были огромные плоские валуны (всего около десятка), на гладкой поверхности каждого из которых вполне мог улечься взрослый эльф в полный рост; и хоть на некоторых валунах его ноги свисали бы с округлого бока, на других ещё осталось бы немного свободного места. Камни были разбросаны в живописном беспорядке, но все вместе образовывали вполне узнаваемые очертания дорожки, протянувшейся поперёк русла, – что-то вроде моста или переправы. Вот только переправа эта никуда не вела, а обрывалась, даже не дойдя до середины реки. Элаю это чем-то напомнило камешки, разбросанные у них в Садах поперёк ручьёв (с декоративными целями и чтобы маленьким эльфам можно было по ним попрыгать). Только здешние “камешки” явно разбрасывал какой-то великан, возжелавший перебраться на восточный берег Дарлинки. Но который был, видимо, слишком ленив, ибо забросил свою работу почти в самом начале. А жаль! Воображение Элая тут же дорисовало каменный мост до самого конца. Вот было бы здорово! Он бы сразу же, не раздумывая, попрыгал на ту сторону реки! Какое было бы приключение! А сколько открытий, наверное, ждало на дальнем берегу! Оттуда он мог бы даже дойти аж до самых гор! Ну, не прям сразу, разумеется, а со временем. А так, насколько знал Элай, никто из эльфов за рекой не был, даже Велиос. Конечно же, потому, что не было моста, а плавать никто так далеко не умел (Элай сильно подозревал, что плавать вообще никто из его племени не умеет, что казалось ему теперь немного странно – неужели никто не любит купаться и про море читать?!). Ещё в книгах про море Элай вычитал про удивительные плавающие штуки под названием корабли, но у них и такого не имелось, и он даже не понял, из чего те строились: железо в воде тонет, а если из дерева, которое плавает, так где наберёшь столько старых упавших деревьев? Одним словом, через Дарлинку никак не перебраться – тем сильнее

ему вдруг этого захотелось – теперь, когда он увидел этот “как бы недостроенный почти что мост”. Эх! Может, хотя бы допрыгать до места, где он обрывается? Оценив на глазок расстояние между валунами, Элай весьма воодушевился: он запросто допрыгнет! И это совсем не долго, подумал он, оглянувшись на Кьяру, он быстренько! Больше не раздумывая, Элай подбежал к первому камню, лежащему частично на берегу, и забрался на гладкую довольно ровную поверхность. Та была горячей, нагретая солнцем, но не обжигающей. Разбежавшись, он легко перескочил на соседний камень.

Пока Кьяра соображала, что к чему и при чём тут какие-то камни, Элай успел побывать ещё на двух и готовился прыгнуть на пятый по счёту. Расстояние между ними пока не превышало пары-тройки шагов, но каждый следующий отстоял всё дальше от предыдущего. Кьяра выяснила это, когда наконец-то полностью очнулась от своих внутренних переживаний и поспешила следом за Элаем: куда это он, чего такое надумал?! Увидев, куда он устремился, она тут же всё поняла – всё-таки знала его как облупленного! Опять ему стукнула в голову жажда приключений! Всё-то ему неймётся! Как только это случалось, Элай, по её мнению, обязательно во что-нибудь влипал! А страдала она, Кьяра! Потому что, как поистине верный и замечательный друг, всегда составляла ему компанию, можно сказать, присматривала за ним! Сколько раз это уже было? То он нашёл каких-то зловредных пчёл – а кто пострадал? Конечно, она, Кьяра! То был какой-то пруд заколдованный (тот, правда, был вполне себе ничего – но из-за него она пропустила ужин!). А светлячки! И снова она пострадавшая! А сегодня он вообще чуть не утонул! Потому что ему приспичило лезть в дурацкую реку! С самыми плачевными для неё, Кьяры, последствиями! И сейчас он собирается допрыгать до самого последнего из этих большущих каменюк, а расстояние до него – ого-го! Кьяра, не сходя с места легко перепрыгнувшая на второй и третий камни, чтобы попасть на следующий уже разбегалась. Каждый камень был всё дальше и дальше… А самые последние… Увидев, что Элай стоит уже на *предпоследнем* и примеривается, оценивая расстояние, она испустила отчаянно-возмущённый мяв. Что, если он упадёт?! Так далеко от берега! Кто его будет спасать?! От мысли, что ей может понадобиться прыгать в воду, внутри у Кьяры всё необъяснимо сжималось.

Услышав позади возмущённое МЯЯУУУ, Элай остановился и удивлённо оглянулся. Кьяра стояла на предыдущем камне (а он-то думал, что она на берегу!) и смотрела на него круглыми зелёными глазищами с непередаваемым выражением обиды, возмущения, мольбы, страха и ещё чего-то похожего. Вообще-то, эти эмоции посещали её довольно часто, но тут накал их был на высоте. Элай заколебался. Чего это она? Обиделась, что он её как бы бросил одну на берегу? Или переживает, что он не допрыгнет? Он снова оценил расстояние до последнего валуна – великовато, конечно, но, если как следует разбежаться… До сих пор у него всё получалось, когда в едином порыве, с горящими глазами он прыгал с камня на камень. Вокруг с обеих сторон текла река, и это казалось таким прекрасным, удивительным и волнующим (столько сверкающей воды повсюду!), что он как-то не думал о возможном падении (прыгал и прыгал) – так хотел добраться до середины реки (ну, почти… почти до середины) и оглядеться – наверняка вид оттуда впечатляющий! Но теперь, когда остановился и немного поостыл… н-да, расстояние, пожалуй, и вправду великовато…

— Мяу, мур, мяу, — сказала Кьяра обиженно: ты что, с ума сошёл?!

— Сама такая, — огрызнулся Элай машинально, но от края отступил. Ладно. Не будет он сегодня туда прыгать. Но когда-нибудь…

— Тогда я тут посижу, — объявил он Кьяре – больше из упрямства, но частично и от жажды прекрасного: раз уж он здесь оказался, а дальше нельзя, может он по крайней мере насладиться видами?! И уселся на гладкую тёплую поверхность валуна.

Кьяра тяжко вздохнула: вот же вредный какой! Она делано закатила глаза, но внутри была рада – он её послушался и прыгать передумал. Тогда она тоже посидит, заодно приведёт шёрстку в порядок. И она тоже уселась на свой камень, аккуратно сложила крылья и стала вылизываться.

Прошли пять минут. Элай сидел, расслабившись, рассеянно оглядывая окрестности, и, судя по всему, никуда не торопился. Кьяра также попыталась расслабиться и сосредоточиться на шёрстке, но со всех сторон текла вода, вызывая у неё нервное раздражение. Помаявшись ещё некоторое время, она встала и принялась ходить по камню, что, впрочем, сделало только хуже – река упрямо мозолила глаза. Походив ещё немного, Кьяра оглянулась на Элая – он продолжал сидеть, никуда прыгать не порывался, а взгляд остановился в одной точке. Кьяра знала этот взгляд – Элай так же точно периодически пялился на какой-нибудь цветок или облако. Чего он там в них высматривает, она не понимала, но знала наверняка – это надолго. Так что она снова вздохнула и повернулась к берегу – лучше уж там подождать, – ещё немного посомневалась и перепрыгнула обратно на предыдущий камень. И на следующий. И ещё. Но, собравшись прыгать дальше, заметила кое-что в воде: что-то там было – такое блестящее.

Элай же тем временем вдохновенно любовался окрестностями – с этого ракурса всё выглядело по-другому. Дальний берег немного приблизился и виднелся более отчётливо: полоски пляжей, прибрежная растительность, за ними зелёные холмы и, наконец, далёкие горы в своём голубом ореоле. Ближний же берег, наоборот, отдалился, зато стал теперь виден в перспективе: вон заросли плачущих деревьев, склонившихся к воде, вон пляж, где Элай купался (и чуть не утонул!), а вон там – часть склона, где проходил неожиданный спуск. Весь их путь вдоль реки открылся перед Элаем как на ладони – не так уж много они и прошли, как он думал. А самое главное, что притягивало взгляд, – это сама река. Она была везде и она по-прежнему вся сверкала, искрилась на солнце и бежала, бежала вдаль – такая медленная, величавая, бесконечно широкая, но теперь уже совсем непохожая на безбрежное море: вон они – оба берега – прекрасно видны. Насладившись захватывающей панорамой, Элай подпёр подбородок коленями и зачарованно уставился прямо перед собой – на невысокие волны (скорее – просто рябь), создаваемые то ли ветром, то ли течением. И, чем дольше смотрел, тем больше ему казалось, что это не они движутся, а именно он плывёт им навстречу на своём камне, как на корабле. Он так увлёкся, что забыл про всё на свете и долго не замечал, что Кьяра уже не сидит на соседнем валуне.

Кьяра вовсе не собиралась глазеть на воду – чего она там не видела? И хотела уже проигнорировать это странное блескучее нечто. И уже даже почти что прыгнула на следующий камень, но внезапно остановилась. Виной ли тому любопытство или блеск был каким-то гипнотическим, или просто её очередной необъяснимый каприз, только она подошла к северному краю валуна и уставилась в реку – в самую глубину. Вода в этом месте была далеко не прозрачная и просматривалась плохо, но там, в водной толще, действительно что-то блестело – ей не показалось! И что-то там мелькало – вроде как плавало – туда-сюда, туда-сюда, то тёмное, то блестящее. Находилось это что-то довольно глубоко, и Кьяра мимолётно удивилась: как это она умудрилась увидеть его, просто проходя мимо? Может, сначала оно плавало у самой поверхности, а потом ушло на глубину? Вот нет чтобы так и остаться наверху, позволить себя разглядеть, да и отправиться по своим делам! А оно взяло и сразу скрылось! Никакого уважения! И вообще, зачем она здесь стоит, пялясь в дурацкую реку?! Ей это вовсе не нужно, и ни капельки не интересно! Надо идти на берег – *там* интересно! Там где-то фруктовые деревья растут! Но она продолжала стоять и вглядываться, напрягая глаза – понять, что же там такое блестит и плавает, неожиданно приобрело для неё необъяснимую важность. Мир сузился до

одной маленькой точки, и вертикальные кошачьи зрачки двигались вслед за мельканием – туда-сюда, туда-сюда.

По мере того, как она так стояла и смотрела, в Кьяре зрело раздражение: ну почему, почему никак не получается?!! Вот же оно плавает совсем недалеко! И чего оно так снуёт из стороны в сторону! Не может, что ли, спокойно повисеть! Чего ему неймётся! Она раздражалась всё больше и больше, желание разглядеть назойливое мелькание заполоняло взбудораженный разум, раздуваясь до невероятных размеров, раздражение стремительно переходило в злость, овладевая Кьярой всё больше: да что же это там такое мелькает – то тёмное, то блестящее?!! Туда-сюда, туда-сюда!!! В эти минуты Кьяра не помнила ни об Элае, ни о своём пустом животе, ни о вожделенных фруктовых деревьях, а чувство голода полностью перекрывалось всё возрастающей злостью. Валун, на котором она стояла, был неровным, с округлыми боками, постепенно уходящими под воду, и, чтобы не замочить лап, Кьяре приходилось вытягивать шею. В ходе своих попыток она вытягивала её всё сильнее и сильнее, одновременно опуская голову к воде всё ниже и ниже. Всё её тело вытянулось в струнку, почти распластавшись по камню, крылья инстинктивно приподнялись кверху и полураскрылись, балансируя, задняя часть вместе с хвостом тоже задралась вверх, оказавшись выше головы. Увлёкшись, Кьяра позабыла в том числе про свои лапы, и они, переступая, медленно съезжали в воду. Но она ничего этого не замечала, продолжая нетерпеливо вглядываться в глубину.

Наконец, то ли свет упал как-то по-особому, то ли мозг Кьяры всё-таки справился с заданием, но неясные очертания доселе непонятного нечто в один момент вдруг обрели для неё весьма конкретные форму и размер. Кьяра даже моргнула от неожиданности. А в следующий миг внутри у неё разлилось великое облегчение пополам с ликованием. Ну наконец-то!!! Наконец-то всё видно и понятно! Вот что там так раздражающе мелькало! Откровение оказалось таким очевидным, что Кьяра рассмеялась бы, если б умела. И как она сразу не догадалась! Ну что ещё может плавать в реке? Это же рыба! Всего лишь обычная рыба! Рыбы ведь в реках и живут! Даже она это знала! Тут и учиться необязательно!

Здесь бы ей и отойти от края, вернуться к берегу, вот только она никак не могла оторваться от созерцания странной рыбины, по-прежнему снующей из стороны в сторону – туда-сюда, туда-сюда.

На первый взгляд в ней не было ничего необычного: ну рыба и рыба – с хвостом и плавниками (самыми простецкими), тускло-серебристой рыбьей чешуёй (вот она-то и блестела!). В меру округлое, сплющенное с боков, тело, чёрные глазки, приоткрытый рыбий рот. Теперь, когда Кьяра увидела саму рыбу, она довольно легко могла разглядеть и все эти подробности. Рыбина была самая что ни на есть неказистая – не то что декоративные разноцветные рыбки, живущие у эльфов в садовых фонтанах и прудиках. Те были маленькими и изящными, размером примерно с пальчик Элая. Совсем непохожие на эту… эту… такую… грубо слепленную, величиной, наверно, с Элаеву голову. Но было в ней что-то словно гипнотическое – то, как она сновала в своём подводном царстве – туда-сюда, туда-сюда – и поблескивала серебристой чешуёй, то становясь полностью видна на мгновение, то будто сливаясь с окружающим фоном. Кьяре казалось, что рыба одновременно и заманивает её, и пытается маскироваться. Взгляд Кьяры к ней будто бы прилип, и потому она не сразу заметила, что рыба-то не одна, и только когда вторая приблизилась к первой вплотную, это стало для Кьяры очевидным. Оторвавшись наконец от созерцания первой, она в удивлении оглядела водное пространство и поразилась: внизу плавало несколько рыб! Ну надо же! Их что тут – целая стая?! Вот набежали! Она попыталась уследить за ними за всеми, но глаза разбегались. В волнении она наклонилась ещё ниже, лапы переступили по камню, попав на место, покрытое илом.

Минуты текли, рыбы плавали, поблескивая. Кьяре стало казаться, что теперь они уже не так глубоко, как раньше – они будто приблизились. Поначалу это неясное ощущение можно было списать на излишнюю напряжённость, с которой она всматривалась в воду, – может, ей

померещилось? Но вскоре сомнения исчезли – они и правда приближались! Внутри у Кьяры зажёгся тревожный огонёк, и в первый момент она его, конечно же, проигнорировала: это же просто рыба, глупая рыба! Что она может сделать? Она даже из воды вылезти не способна! Однако с рыбами происходило что-то странное: их очертания смазывались и как будто бы расплывались – а ведь должно быть наоборот, чем ближе, тем отчётливее! Может, они и в самом деле маскируются? Становятся прозрачными или цвет меняют? Кьяра зачарованно продолжала следить за рыбами, а те целеустремлённо приближались прямо к месту, где она стояла. Их чёрные глазки, несмотря на общую расплывчатость, очень даже ясно различались и смотрели в её сторону, а рты, тоже вполне видимые, постоянно раскрывались, показывая неожиданно острые рыбьи зубы.

Кьяра смотрела на рыб совершенно круглыми изумлёнными глазами, не отрываясь ни на миг, но всё же иногда моргая. Этой доли секунды хватило, чтобы всё изменилось. Вот перед нею рыбы – странные, но самые настоящие. Она моргнула… Рыбы исчезли… Вместо них теперь плавали какие-то непонятные прозрачные сгустки… словно уплотнившаяся вода, отделившаяся от остальной реки и зажившая собственной жизнью. А самое странное и ужасное, что у сгустков присутствовали лица – едва проступающие, как карандашные наброски: неровные овалы открытых ртов, пустые впадины глаз, нос одной закорючкой и даже что-то вроде длинных волос, развевающихся сзади. И по какой-то причине эти едва намеченные черты казались ей непередаваемо жуткими. Всё вместе делало сгустки похожими на головы некой кошмарной версии сказочных водяных из детских книжек Элая. И они приближались – быстро, стремительно – прямо к Кьяре! Она в ужасе отшатнулась. Точнее, попыталась, но, как оказалось, её лапы занимали очень шаткое (и низкое) положение на скользкой илистой поверхности каменного бока – они начали соскальзывать вниз. В панике, растерявшись, она засучила ими, но только потеряла равновесие – крылья и задняя часть перевесили, и Кьяра с коротким испуганным писком плюхнулась в холодную воду реки.

Элай очнулся от какого-то неясного чувства – ему словно послышался сдавленный крик или писк. Он оторвался от бегущей воды, на которую не мог наглядеться, и растерянно поднял голову. И тут же вскочил на ноги – Кьяры нигде не было! Ни на соседнем камне, ни на берегу – хотя она могла, конечно, выйти из его поля зрения. Но тревожное чувство (теперь оно стало вполне себе ясным) внезапно набрало обороты. Что-то не так! С Кьярой что-то случилось! Где она?! Где?! Он безумным взглядом окинул окрестности, как будто она могла быть где-то посреди реки или в воздухе! Дыхание участилось, руки задрожали. Так… спокойно! Он попытался дышать ровнее. Надо логически подумать (папа всегда советовал ему думать логически) – где она может быть? Она сидела рядом на соседнем камне… потом, наверное, заскучала и пошла к берегу… Но там её нет, он точно знает! Так где же… В голове у Элая появилось страшное подозрение и он, больше не раздумывая, бросился обратно по камням, уже не рассчитывая прыжки, без осторожности, рискуя ошибиться и не допрыгнуть.

Первый камень – на котором она сидела: едва приземлившись, Элай обежал его по периметру, везде заглядывая в воду. Ничего.

Второй камень – ничего!

Третий – тоже пусто!

Четвёртый… тут сердце Элая подпрыгнуло. Она была там – в воде! Неподвижна, как статуя, неотвратимо погружалась вниз, в темноту. Элай упал на колени.

И снова окружающий мир будто замер, снова она не могла двинуться, снова – как в странном тягучем сне. Может, на неё так действует вода? – предположила Кьяра отвлечённо. Мысли тоже еле двигались – медленно-медленно. А сама она словно зависла посреди необъятного водного пространства, неспешно опускаясь на невидимое дно. Надо сказать, здесь было очень

красиво! Свет просачивался сверху, делая мир вокруг голубовато-колышущимся и фантастически нереальным. Слева громоздилась какая-то огромная тень – видимо, камень. Снизу – тоже темнота. Это рыбье царство, – снова мелькнула отвлечённая мысль. Оно точно рыбье – потому что рыбы – вот они, лениво плавают неподалёку от Кьяры. И никуда они не исчезли – все здесь. Только теперь – гораздо ближе, теперь она могла рассмотреть их как следует.

Они действительно были большими – больше Кьяриной головы уж точно. Чешуя, прикрывающая серо гибкое тело, при ближайшем рассмотрении оказалась почти прозрачной: на свету она блестела, а в тени сливалась с темнотой – и правда что-то вроде маскировки. Рыбьи рты по-прежнему то открывались, то закрывались – и таили в себе пугающе острые зубы, больше похожие на иглы. Какие хищные! – довольно равнодушно подумала Кьяра. Её эмоции находились где-то далеко-далеко – странный сон продолжался. Она снова посмотрела на рыб. Самым жутким были их глаза. Теперь – на близком расстоянии – они выглядели какими-то мёртвыми. Белые радужки с огромными чёрными зрачками казались пустыми дырами в никуда. В них не теплилось ни капли жизни. Пока Кьяра их разглядывала, они повернулись в рыбьих глазницах и уставились на неё – все сразу, со всех сторон. И пусть не жизнь, но что-то оттуда смотрело – неживое и тёмное. По телу Кьяры пробежала холодная дрожь, и впервые с момента падения она вспомнила о нём – о теле. И о том, что она, вообще-то, под водой… и, наверное, тонет… В ушах стояла ватная тишина – как тогда, на берегу, когда тонул Элай, а она, наполовину в воде, была не в силах двинуться и даже пошевелиться. И снова она не могла – ни выскочить из воды, ни даже вдохнуть, потому как лёгкие, кажется, тоже не двигались. Это и хорошо, – подумала Кьяра, по-прежнему медленно и отстранённо, но с некоторым разумным удовлетворением. Ведь водой-то она дышать не умеет! Тут в ушах что-то оглушительно бухнуло и снова затихло. Сердце – поняла она удивлённо спустя время; значит, окружающий мир и вправду замедлился – включая и сердце, и лёгкие… и лапы! Только мысли почему-то двигались в прежнем ритме – ну, почти. А эмоции куда-то подевались: вот и удивление вышло каким-то вялым, невыразительным.

Тем временем все рыбы уже повернулись к ней – медленно-медленно – и как бы нехотя, лениво поплыли в её сторону. Их чёрные дыры смотрели на Кьяру, и её внутренняя дрожь начала потихоньку нарастать, как закипающий чайник. Чего они хотят от неё? Чего им надо??

Рыбы постепенно приближались, и Кьяра чувствовала себя всё более неуютно. Она всё так же не могла пошевелиться, но рыбы-то могли, пусть и еле-еле! Для них-то время почему-то не остановилось! Нечестно! – подумала она, однако эмоции всё ещё гуляли где-то сами по себе, и качественно возмутиться не получилось. Тем не менее тревога понемногу пробивала себе путь домой, в Кьярину голову. Особенно когда взгляд Кьяры останавливался на рыбьих зубастых ртах, с которыми её больше не разделяла прослойка воздуха (куда рыбам было ни ногой,тем более, у них и ног-то нет!). Здесь же, в воде, никакие ноги не требовались, что Кьяра ощущала на себе – её ноги тут никак не пригождались и, вообще, вели себя отвратительно! Замерли и не двигались, вместо того чтобы грести и уносить её прочь отсюда. Потому что рыбы с зубастыми ртами подбирались всё ближе и ближе!

И, словно этого мало, контуры серебристых тел внезапно начали расплываться. Они размывались, как акварельные краски, намоченные водой, сливаясь с этой самой водой в мутное бесформенное пятно. А из пятна постепенно проступали слабые невыразительные черты: впадины глаз, раззявленный рот, закорючка вместо носа.

Кьяра потрясённо смотрела на эту метаморфозу. Ужас накатывал на неё, поднимался изнутри подобно приливу: она уже видела это! Этих страшилищ, в которых превращались рыбы! Ещё мгновение назад она не помнила о них – причина падения в воду словно стёрлась из памяти. Может, воспоминания, как и чувства, витали где-то отдельно. Но теперь, при виде превращения, сразу же всё вспомнилось! Это же те водяные лица, которые появились вместо

рыб и напугали её, можно сказать, уронили в реку! И вот куда, оказывается, тогда подевались рыбы – они вовсе не исчезли, а стали этими лицами! И сейчас делают это снова!

Тем временем жуткие лица окончательно сгустились, чем-то похожие на капли прозрачного сиропа в чашке с водой, одновременно и сливаясь с окружающей средой, и будучи совершенно от неё отделёнными. Сами лица выглядели отдельными и чуждыми, но их "волосы" вливались в реку, создавая впечатление некой связующей нити с породившей их стихией. Или их породили рыбы? Впрочем, всяческие рассуждения были Кьяре неинтересны, тем более сейчас, когда страшилища, едва образовавшись, тут же поворачивались к ней. Их слепые глаза – да какие там глаза, обычные кружки и впадины! – каким-то образом смотрели прямо на неё! Словно видели Кьяру. Словно имели своё мнение о Кьяре. Словно имели на Кьяру какие-то виды! И, в отличие от чёрных рыбьих зрачков, которые, пусть и тревожили, но лишь, казалось бы, наблюдали, взгляд водяных лиц выражал совсем другие эмоции. Точнее, эмоция была одной единственной, но такой сильной, всепоглощающей и *явной*, что шерсть Кьяры вставала дыбом.

Гнев! Это был гнев – пылающий и жгучий. Если бы он обладал физической силой, то несомненно вскипятил бы всю реку вокруг Кьяры целиком. Вместе с ней, разумеется! Потому что именно она по какой-то причине являлась виновницей этого гнева. Именно она его вызвала! Она! Она виновна и достойна немедленной кары – ужасной и жестокой! "Что я такого сделала?!!" — завопила Кьяра мысленно. Этот жуткий потусторонний гнев окутал её, как жаркое и душное одеяло, грозя удушить полностью, и даже этого хватило бы для страшной кары. Но сгустки явно имели в виду что-то другое – Кьяра это чувствовала! В чём заключается настоящая угроза?! Что если один из них коснётся её и… что-то сделает?!! Бррр!!! Ужасто какой! Непонятная Кьярина отстранённость под таким эмоциональным напором дала приличную трещину, и все её чувства – с ужасом во главе – тут же вырвались на свободу, мигом захватив её разум. И в этом вихре осталась лишь одна членораздельная мысль: что, что она сделала?! В чём виновата?! Она не ожидала ответа – не от этих же невразумительных капель, которые, хоть и страшные, но явно неспособные слышать – у них и ушей-то нет! – и вряд ли могут поддерживать внятный диалог, тем более мысленный. Но, к её удивлению (и ещё большему ужасу), ей ответили. Открытые, едва проступающие из водной массы рты искривились, и вместе со следующим зарядом гнева пришло обвинение: ТЫ СУЩЕСТВУЕШЬ!!! Это были не слова, но Кьяра прекрасно уловила смысл новой эмоции. А смысл заключался в одном душераздирающем факте: *эту* вину ей никак не загладить!

Распластавшись на камне – плечами уже в воде, – Элай опустил руки вниз. Голова оказалась под водой полностью, и, чтобы разглядеть тонущую Кьяру, ему пришлось набрать воздуха побольше. К счастью, Кьяра тонула довольно медленно, чему явно способствовали распахнутые крылья, послужившие некими тормозами. Но всё остальное тело было впечатляюще увесистым, что Элай знал не понаслышке, с трудом поднимая некогда крохотную подружку. Поэтому крылья не могли спасти положение – приходилось действовать в безумной спешке!

Элай потянулся руками вниз – нет, не достать! Он подвинулся ещё ближе к краю – теперь плечи висели над речной бездной. Дело ухудшалось тем, что камень в подводной части был весь покрыт скользким илом и мхом, и Элай рисковал соскользнуть, как несомненно случилось и с Кьярой. Он, как мог, плотнее прижался к поверхности и раскинул ноги в стороны, цепляясь коленями, ступнями и пальцами за неровности. К сожалению, в отличие от Кьяры, он был довольно лёгким, и река, в которой он находился уже наполовину, не оставляла попыток оторвать его от камня. Веса для устойчивости не хватало, но времени не хватало ещё больше! В распоряжении лишь несколько секунд!!! Кьяра ускользала, и он сдвинулся ещё ниже, перегнулся через край, потянулся руками... ещё… ещё чуть-чуть! Лишь бы ухватиться за крыло, хоть за кончик! Иначе всё пропало! Он же пока не умеет плавать! Краем глаза он видел, как

возле Кьяры шныряют какие-то тени, или волны, или это вода блестит. Но всё не имело значения, кроме кончика крыла и разрывающихся лёгких. Он наклонился ещё ниже, незаметно соскальзывая. Ну… ещё немножко… уже почти… почти…

В ушах снова бухнуло – время вне Кьяриной головы потихоньку продвигалось! Но сейчас это казалось неважным – на фоне неизвестной и от того ещё более пугающей угрозы от сгустков, ещё недавно бывших рыбами. - Те продолжали излучать гнев и медленно, но неуклонно – продолжая курс, заданный рыбами, – двигались прямо к Кьяре. Словно действительно собирались её коснуться! И сделать в процессе что-то ужасное! А ещё они были со всех сторон, они её окружили! Она не могла повернуть голову, но чувствовала затылком, что сзади они тоже есть! Их круг катастрофически сужался. А она всё так же не может двинуться! Потому что ленивое время идёт как попало! Ну что за дурацкий сон! Нужно хоть как-то грести лапами и убираться отсюда! Она должна! Иначе страшилища её коснутся и… Кьяра вся напряглась, пытаясь прервать оцепенение, запустить время – хотя бы только для лап! – а водяные лица приближались. Их открытые рты словно кричали в немом гневном крике, который вот-вот зазвучит и, вполне возможно, оглушит Кьяру, порвёт её барабанные перепонки, раздавит мозг или ещё что-нибудь подобное! Она сама готова была закричать, а тут ещё что-то коснулось её сверху, и сила мгновенного испуга наконец-то разбила зачарование, выдернув её из кошмарного сна. Время вернулось, и она резко вдохнула. Вода полилась в горло, сердце бешено застучало, водные чудища метнулись к ней, словно на ускорении. И тут непонятное нечто потянуло её наверх.

Элай правой рукой крепко держал самый кончик крыла, который каким-то чудом всё-таки ухватил. Левой же вцепился в камень – побелевшие пальцы зарывались в ил и мох. Последний оказался неожиданно полезен, потому что был шершавым и довольно прочно крепился к каменной поверхности. Сам не зная как, Элай отползал от края, используя и левую руку, и ноги, и всё тело. Страх за себя и Кьяру придавал сил, хотя при этом туманил голову, и он совершенно не соображал, что делает. Верх взяли инстинкты, о которых Элай и не подозревал. К счастью, они действовали исправно, и в итоге спустя время (как будто целую вечность!) он почувствовал, что больше не соскальзывает. Где-то в процессе его голова несколько раз поднималась над водой, и он с хрипом вдыхал воздух в горящие лёгкие – тогда вечность превращалась в (слишком!) короткие мгновения, – а потом река снова утягивала его лицо под воду. Но наконец он смог занять прочное положение и подтянуть Кьяру к себе. Правда от мёртвой хватки руку сводило судорогой, и она плохо сгибалась, зато в воде Кьяра весила гораздо меньше – до тех пор, пока над водой не показалась её голова. Тут вес начал возвращаться, но и Кьяра тоже. К облегчению Элая, воображавшего уже всякие ужасы, глаза Кьяры были открыты, и в них вполне себе теплились жизнь и сознание, хоть выражение глаз и было ошалевшим! Едва вынырнув, Кьяра сразу же начала натужно кашлять, что, впрочем, не мешало её лапам судорожно грести. Крылья же, напротив, мешали – похоже, в мокром виде они не складывались. К счастью, она больше не тонула, и даже вполне активно пыталась вскарабкаться обратно на валун, бросая вокруг себя диковатые взгляды. Дрожащий от холода и пережитого потрясения Элай втащил её к себе, и они оба без сил повалились на камень, хрипло дыша и отплёвываясь.

Немного придя в себя, Элай сгрёб Кьяру в охапку и прижал к себе. Кажется даже, излишне трепетно сдавил, но она не выразила никакого возмущения (что, несомненно, говорило о степени её потрясённости), – так и сидела в его руках, мелко подрагивая. Он и сам дрожал – одежда осталась на берегу, солнце начинало клониться к закату, а речной прохладный ветерок холодил мокрую кожу. Мысли в голове разбегались, и он никак не мог собрать их воедино. Зато его догнал страх. Пока он спасал Кьяру, бояться было особо некогда, всё происходило на рефлексах, но теперь – когда оно закончилось – он неожиданно испугался: что, если бы у него не получилось?! Что, если…?! Она бы утонула, она бы… она… Нет! Думать

об этом было слишком ужасно! Совсем недавно он сам побывал на краю и понял, что может умереть. А теперь вдруг понял, что и другие… они тоже могут!!! И что… что он тогда будет делать без них?!

Они долго сидели, прижавшись друг к другу, и пригревшийся Элай, несмотря на всё пережитое, даже начал клевать носом, пока в конце концов Кьяра не пошевелилась, пытаясь выбраться из дружеских объятий. Ей срочно надо было привести шёрстку в порядок, а ещё пустой живот снова дал о себе знать, без слов говоря о том, что жизнь продолжается, и никакие рыбные страшилища не смогут этому помешать! Разум Кьяры был устроен очень оптимально и удобно: всё, что не имело отношения к настоящему моменту и не несло практической пользы, имело склонность отметаться в сторонку и укладываться в долгий ящик, а чаще просто выветривалось через многочисленные воображаемые форточки. Странные серебристые рыбы и водяные лица остались в прошлом, она от них спаслась, и их угрозы больше не имели силы, потому что на сушу они точно вылезти не могут! А она уж точно больше ни за что на свете не полезет в реку – ни в эту конкретную, и ни в какую вообще! Оказывается, вода может быть страшной – она так и знала! Кьяра теперь и близко к ней не подойдёт! Исключая миску с водой на кухне, разумеется. Вспомнив о кухне, она снова почувствовала тоску. Вот бы там уже оказаться! Она даже готова мириться с присутствием в ней Одуванчика, лишь бы есть не мешал! Ох, и почему она, бедная и несчастная, должна сидеть здесь, на этом дурацком камне – вместо такой прекрасной кухни, где чисто и тепло, где много еды и её замечательный специальный столик! Почему вместо этого она вынуждена терпеть издевательства и угрозы всяких дурацких рыб и водных страшилищ! Поскорее бы о них забыть – на кухне они точно выветрятся из головы!

— Кьяра! — внезапно спросил Элай, озабоченно разглядывая намокшую и несчастную маленькую пантеру. — О каких это страшилищах ты думаешь?

После того, как Кьяра, насколько могла, расписала ему произошедшие с ней страсти, Элай долго вглядывался в воду. Согласно образам в её голове, рыбы были огромными, с чудовищной длины зубами, выступающими из челюстей, и чёрными – тоже неимоверной величины – глазищами. Чешуя их сверкала практически как солнце, а само тело постоянно расплывалось в грязную кляксу. Водяные лица (что это вообще такое?!) походили на гигантские капли какого-то неаппетитного сиропа, сплошь состоящие из уродливых открытых кричащих ртов и пустых глазниц. И, конечно же, они тоже были огромными и желали не то проглотить Кьяру целиком, не то накричать на неё – Элай толком не понял. Зная Кьярину способность к драматизации, он мысленно уменьшил все размеры в два раза, но и так получалось впечатляющее зрелище. Которое должно быть очень заметным. Но он смотрел и смотрел в глубину, и ничего не замечал. Ну и где все эти чудища? Внизу никого не было. Просто обычная вода в обычной реке. Никаких капель, никаких клякс, никаких рыб. Может быть, они уплыли? Когда лишились добычи. Он подождал ещё немного – ничего не изменилось. Кроме незримого психологического давления Кьяры, нервно сидящей позади него и вскакивающей при малейшем его движении, словно она боялась, что он тоже свалится в воду, приворожённый непонятными рыбами-лицами. Ну ладно, решил он. Хватит пялиться в реку. Пора идти домой – и уже давно! Солнце подбиралось к горизонту. Скоро будет темнеть, а идти в темноте по местности без ориентиров – не лучшая идея. В глубине души Элай боялся заблудиться и пройти мимо Замка, или вообще не в ту сторону! Они протянули слишком долго со всеми этими купаниями и поиском фруктовых деревьев (которые, кстати, так и не нашли!). А время пролетело как-то чересчур быстро! Сейчас он жалел, что не повернул домой сразу же, как только они утолили жажду. Но так уж ему хотелось побыть здесь подольше, а теперь уже поздно.

Он так и не вспомнил про еле заметные тени, кружащие возле тонущей Кьяры.

Пропрыгав (к великому облегчению Кьяры) по камням обратно, друзья без труда взобрались на обрыв, снизившийся в этом месте до маленькой горки. Перед этим они вволю напились воды, а Элай оделся и обулся. Можно было отправляться, но он не смог отказать себе в удовольствии полюбоваться на великолепный закат, окрасивший небо и реку совершенно феерическими красками – все оттенки жёлтого, оранжевого и алого сплетались в причудливый безумный узор. Огромное водное пространство словно пылало, облака в небесах казались огненными лепестками. Таких потрясающих закатов Элай ещё в жизни не видел! Нет, он обязательно придёт сюда снова! С ночёвкой! Нужно только как следует подготовиться.

Добравшись до места, где спускались с обрыва, они снова повернулись лицом к солнцу – теперь уже заходящему. Главное – идти по прямой, никуда не сворачивая, даже когда солнце зайдёт за горизонт. Элай в последний раз со вздохом оглянулся на реку и зашагал вперёд, оставляя за спиной царство воды и огня. Кьяра с энтузиазмом вприпрыжку последовала за ним.

Сперва друзья шли довольно бодро, что объяснялось, конечно же, приближающейся ночью. Солнце садилось, и тени тянулись за их фигурами, как длинные чёрные шлейфы. Сперва резко очерченные, они всё сильней размывались, незаметно сливаясь друг с другом и подступающей темнотой. Когда пылающий солнечный диск закатился за горизонт, тени слились окончательно. Алый небесный пожар постепенно угасал, возвращая небу глубину. С востока – от гор и реки – расползался мрак, спеша захватить опустевшие владения света. Но свет не сдавался. Сквозь чёрную бездну начал проступать холодный белый огонь – послания далёких звёзд, – зажигаясь то тут, то там, чертя свои бледные узоры. Они почти не рассеивали тьму, но их чарующий свет навевал на Элая возвышенное настроение. Так же как утром его поразил бесконечный голубой небосвод, так и сейчас громадный сверкающий серебряный купол заставлял его душу воспарять в неведомые дали. Но когда самые последние отблески заката угасли, Элай неуверенно остановился. Вместе с солнцем исчез их единственный ориентир – теперь предстояло идти наугад. Сама темнота его не пугала – ночное зрение исправно работало (у Кьяры и подавно), но риск заблудиться неизмеримо увеличился. Эх, почему они не ушли пораньше! Может, уже подошли бы достаточно близко и Замок был бы виден – он же большой! Тем более стены в такую ясную ночь, конечно же, светятся. Но вдруг они *уже* свернули не туда – тогда ни свеченье, ни размер не помогут – они пройдут мимо! Это была ужасная перспектива! Элай представил, как они идут, идут, идут… проходят мимо Замка, не замечая его, и снова идут – куда-то в бесконечность! Пока не упрутся в какие-нибудь горы или незнакомый лес, или ещё во что-нибудь неизвестно где! От таких мыслей по спине пробегал холодок страха. Но Элай всё-таки надеялся, что они идут в правильную сторону, к тому же – не ночевать же в поле! Кьяра ему не простит – она и так лишилась обеда и, наверное, ужина. Если ещё и завтрак пропустит… страшно представить, что будет, – целая неделя нытья и жалоб, как минимум! Элай вздохнул и зашагал дальше, стараясь двигаться в направлении закатившегося солнца. Кьяра побрела следом, уже не прыгая от радости, что они идут домой, – слишком устала и хотела есть. Она снова что-то бурчала себе под нос и даже не смотрела по сторонам – чего там смотреть-то, вряд ли жестокий мир припас для неё блюдечко молока на этом пустынном лугу! Нет, Кьяра уже совершенно не верила в разумность и адекватность мира!

Время шло, Замок не показывался. А должен! Элай прикидывал, что несколько-то часов уже точно прошло! Но ни смутных, ни светящихся очертаний на фоне звёздного неба не замечал, как ни всматривался. Холодок страха становился сильнее – неужели и правда не туда идут?! До сих пор это казалось больше теоретической, потенциальной проблемой, но теперь неумолимо превращалось в реальную и практическую. Элаю вдруг нестерпимо захотелось домой – к родителям, в свою уютную комнату со всеми удобствами. Его мечта о долгих путе-

шествиях показалась ему в этот миг совершенно несоблазнительной. По крайней мере, прямо сейчас он был к ним абсолютно не готов! У них же нет с собой еды! И воды! Они не могут отправиться в дальние края прямо отсюда, никого не предупредив! У него даже подстилки с собой нет! (Отряхивая с себя песок на пляже, Элай решил, что в путешествия обязательно надо брать подстилку, чтобы было на чём сидеть.)

Вспомнив о еде, он снова почувствовал голод – в животе заурчало. Словно в ответ, от живота Кьяры раздалось такое же урчание. Друзья мрачно переглянулись, а Элай ощутил ещё и чувство вины – ведь это из-за него Кьяра такая голодная! Испытывать вину было неприятно, и он поморщился: никудышный из него друг и опекун. Неудивительно, если Кьяра будет на него неделю дуться, и это даже в чём-то справедливо. Впрочем, не стоит наводить её на эту мысль, а то совсем на шею сядет!

Прошло ещё какое-то время, вокруг ничего не менялось – со всех сторон тёмный бесконечный луг. Страх Элая, что они заблудились, мог бы уже достигнуть пика, если б его не одолевала такая же страшная усталость. До сих пор её перевешивало возбуждение, но, видимо, какой-то порог был пройден, и равновесие сместилось в другую сторону. Элай всё сильнее клевал носом. Глаза неудержимо слипались, разум затуманивали сонные образы. Красота неба уже не притягивала взор, голод забылся, мысли о доме отодвинулись в укромный уголок сознания, и из всех них остались только мечты о мягкой кровати. Ужасно хотелось остановиться и прилечь – хоть бы и на траву, если кровать недоступна. Но голова уже работала так плохо, что разум дальше мыслей не продвинулся, не дав ногам никакой команды, и те продолжали шагать как заведённые. Единственное, что Элай сделал конструктивного в своём полусонном состоянии, это достал тёплую куртку и надел, потому что в какой-то момент понял, как сильно замёрз. И тут же так пригрелся, что почти заснул окончательно.

Кьяра чувствовала себя примерно так же, но первенство в её мыслях оставалось за едой. В её засыпающем сознании бесконечной чередой проносились миски с молоком и варёные морковки. Но на жалобы сил не хватало, поэтому она страдала молча, понуро бредя за Элаем – крылья и хвост волочились по земле, нос опущен. Она совершенно не представляла, куда идёт, и полностью полагалась в этом на Элая, пребывая в счастливом неведении обо всех его сомнениях относительно местоположения дома. При этом будучи уверенной, что с минуты на минуту туда попадёт – потому что ну сколько ещё можно идти?! По этой причине, когда Элай остановился и спросил: “смотри, что это?”, для неё оказалось полной неожиданностью, что стоят они вовсе не во дворе Замка, а всё на том же пустынном лугу. Так они ещё не пришли?! И зачем, спрашивается, было будить?!

Впрочем, задавая вопрос, Элай ждал ответа совсем не от Кьяры (тем более, что снизу уже доносилось тихое посапывание), а от своего не желающего просыпаться и соображать разума. Ковыляя в полусне, он не сразу понял, что жёлтые огни, которые он видит сквозь слипающиеся веки, ему не чудятся, а существуют на самом деле. Он даже не заметил, когда они появились, и сейчас стоял, пытаясь разлепить глаза обратно и гадая, что это такое и откуда взялось.

Огней было пять, и они чем-то походили на больших порхающих светлячков. Такие же жёлтые и уютные в темноте ночи, они сразу же снова напомнили ему о доме, который, по его мнению, находился где-то невообразимо далеко. И раз они не в нём, а здесь, посреди луга, то тогда что же это такое? До сих пор он тут никаких светлячков не встречал, тем более таких большущих. Элай в растерянности почесал затылок. Вроде бы никаких опасений эти огни не внушали, но внезапно он совершенно некстати вспомнил о Кьяриных водных страшилищах, которые сперва выглядели безобидными рыбами – и тоже блестели! И мелькали в воде – туда-сюда, туда-сюда. Прямо как эти огни! Разум Элая, уже давно наполовину блуждающий в мире снов, с готовностью провёл параллели. *“Да не-е-е,* — тут же сказала другая половина, ещё не уснувшая и более здравомыслящая. — *Что ты несёшь? Какие рыбы на лугу?!” “Какие, какие!*

Серебристые! — охотно объяснила первая – сонная – половина. — *Которые блестели и заманивали, а потом превратились в страшных чудовищ! И река для чудовищ вообще-то не обязательна."* Элай яростно протёр глаза и вперился в темноту – за пределы круга ночного зрения. Огни явно приближались – такие тёплые, домашние. И покачивались – туда-сюда, туда-сюда. Заманивают! – промелькнуло в мозгу. Притворяются безобидными. А на самом деле… В воображении помимо воли пронеслись образы разных чудовищ из детских сказок: там были и вампиры, и зловредные водяные, и всякие мифические твари (как раз со светящимися глазами!), и кровожадные варвары из диких земель древности. Конечно, всё это были сказочные персонажи, которых всегда кто-то побеждал, и Элай в них нисколечки не верил – там, дома, в уюте и безопасности. Здесь же, ночью, на пустынном лугу страшные образы неожиданно выросли до невероятных размеров и казались чем дальше, тем реальнее. Но что же делать? Убежать? Так чудовища всё равно догонят – они всегда так поступают! Подождать, пока подойдут поближе? Вдруг это всё-таки не чудовища! *"А кто тогда?"* — ехидно поинтересовалась сонная половина – знала, что внятного ответа у Элая не было! Но и бежать у него не было сил – он так устал, что, казалось, еле держится на ногах. К тому же иррациональный страх словно приковал его к месту – он продолжал оцепенело стоять с замирающим сердцем и ждать… ждать, когда придут чудовища!

Через несколько минут ему показалось, что огоньков стало больше – было пять, а теперь все десять! Но почти сразу он понял, что те просто расплываются у него перед глазами – он снова засыпал. *"Нельзя спать!* — завопила сонная половина. — *Чудовищ проворонишь!"* "Отстань, — устало сказал ей Элай. — Пусть приходят. Я спать хочу." Огни совсем расплылись, и глаза закрылись. Голова свесилась на грудь, и на мгновенье он полностью провалился в сон. А когда снова очнулся, из тьмы выныривали светящиеся фигуры. Испугавшись в первый момент, в следующий он наконец-то разглядел своих "чудовищ": это были эльфы с ручными фонарями – светлячковыми. А потом он угодил в любящие отцовские объятия.

Вскоре вдали показался бледный голубоватый свет волшебных камней Замка, этой ночью едва светящихся – тоненький лунный серпик и звёзды не были достаточными для яркого свечения. То, что Замок совсем не в той стороне, где Элай думал, он понял ещё в самом начале обратного пути, когда отец развернул его резко направо. И тогда же он успел испугаться и обрадоваться (они всё-таки заблудились, но их очень кстати спасли!). Сейчас же, при виде Замка, он испытывал одно лишь облегчение – путь наконец-то окончен, и скоро он будет в постели.

— А как вы нас нашли? И откуда узнали, что нас надо искать? — всё-таки спросил он. Вид Замка придал ему сил, которые, словно вода, сперва заполняющая ямы, всегда вначале тратились у Элая на заполнение пробелов знаний для любознательного ума.

— Откуда узнали? — переспросил король Элариан. — Неужели ты думаешь, что родители тут же забывают о детях, стоит тем уйти от родного порога достаточно далеко? Когда вы не пришли к ужину, мы забеспокоились.

Оооо… Элай на миг почувствовал себя очень глупо. И вопрос был ужасно глупым. Но он действительно так заигрался во взрослость, представляя себя великим путешественником, что совершенно не подумал о родителях и о том, что они, вообще-то, могут беспокоиться!

— Что же касается первого вопроса… Это всё твоя мама, — продолжил отвечать король. — Она всегда знает, в какой стороне ты находишься. Это её специальная магическая способность, доставшаяся ей от её матери – твоей бабушки. Разве ты об этом не знал?

— Нет, не знал, — прошептал Элай зачарованно. Он понятия не имел, что его мама владеет ещё какой-то магией, кроме целительской. Тем более – такой! Теперь понятно, каким образом она всегда так легко его отыскивала – в любом тайном закоулке. Особенно, когда ей срочно от него что-то требовалось!

— Способность заключается в том, чтобы чувствовать своих кровных детей, и передаётся только женщинам по женской линии, — пояснял тем временем Элариан. — Но она имеет радиус действия. То есть, если ты заблудишься где-то слишком далеко (в лесу, например), мама не сможет тебя почувствовать – имей в виду!

— Хорошо, — послушно согласился Элай, откладывая эту мысль на потом – потому что сил уже не было, но его всё ещё кое-что чрезвычайно интересовало.

— А как это сделать? — спросил он, пытаясь удержать глаза открытыми. — Как не заблудиться? Мы же всё время шли точно за солнцем – ровно по прямой!

— Хм? Разве у нас ещё не было такого урока? — удивился Элариан. — Я не объяснял тебе, что солнце движется вовсе не по вертикальной дуге? И если идти строго за ним, то ты будешь постоянно смещаться в сторону?

— Эээээ… я что-то не помню, — промямлил Элай. Он не без оснований заподозрил, что этот урок был как раз в один из тех “библиотечных” дней, когда он зачитывался книгами, а учился спустя рукава.

— Ну что ж, придётся повторить.

Элай собрался уже ответить, но вместо этого широко зевнул, чуть не вывихнув себе челюсть.

— Но не сейчас, конечно, — хмыкнул король. — Давай-ка сперва вернёмся домой и уложим тебя в постель, — и он ускорил шаг, приобняв своего полусонного сына и почти что таща его на себе. Второго великого будущего путешественника нёс на руках, кряхтя от натуги, один из четырёх сопровождавших Элариана эльфов. Кьяра так и не проснулась, когда появились спасатели, и пришлось им по очереди нести её довольно увесистую безвольную тушку. Они шли, пересмеиваясь и шутя по поводу большого “магического” веса их подопечной, увлечённо жестикулируя и покачивая светлячковыми фонарями из стороны в сторону – туда-сюда, туда-сюда.

III

Проснулся Элай на следующий день, когда солнце уже стояло высоко и его лучи могли блуждать всего лишь по подоконнику. Открыв глаза, он уставился в расписной узорчатый потолок и попытался что-нибудь вспомнить. Но весь остаток пути до Замка и всё дальнейшее, похоже, начисто стёрлось из памяти – несомненно, по причине полусонного состояния. Он не помнил, как они пришли, как он оказался в постели, ужинал ли в промежутке (или это уже завтрак?). Судя по сосущему внутренности чувству – последнее вряд ли. Но как же хорошо быть дома! Приключения приключениями, а проснуться в собственной кровати, в тепле и уюте своей комнаты, когда лёгкий ветерок шевелит занавески, залетая в раскрытое окно, а со двора доносятся негромкие голоса и птичье чириканье, и… и кто-то запрыгивает на него без спросу с раздражающе громким мявом, грубо нарушая всю идиллию!

— Ай, Кьяра! Ты что! Дай полежать спокойно! Что значит, уже день деньской? Я и без тебя это знаю! Ну и что! Я вчера целые сутки, считай, не спал, можно же поваляться, в конце концов!

Судя по радостной гиперактивности Кьяры, следовало понимать, что она: “а” – уже позабыла про вчерашние невзгоды; “б” – как минимум два или три раза позавтракала, а может, и пообедала. Когда только успела! И “в” – она не даст ему спокойно полежать!

Словно подтверждая последнее мрачное пророчество, Кьяра принялась весело топтаться по кровати и по всему, что на ней лежало, включая Элая.

— Сейчас же перестань, кому говорю! — вскричал тот, выскакивая из-под одеяла и поспешно роясь в корзине с чистой одеждой. Кое-как натянув на себя штаны и рубашку, ибо находился под постоянным прицелом Кьяриного игривого настроения и прыжков, от которых

приходилось уворачиваться, он мигом вылетел из комнаты и со смехом побежал по коридору. Кьяра радостно попрыгала за ним. День обещал быть насыщенным.

День и вправду оказался насыщенным, тем более что начался сразу с обеда. Потом были занятия (которые никто не отменял!), и Элай попал-таки на пропущенный мимо ушей урок по ориентированию на местности. Потом пришлось вдосталь наиграться с Кьярой, от чего он тоже не смог отмахнуться, памятуя своё недавнее чувство вины (а также не желая, чтобы Кьяра припомнила ему просчёт с продовольствием). Король с королевой также были заняты делами, поэтому лишь к вечеру семья собралась вместе, и Элай приступил к рассказу об их приключениях на реке.

Они расположились в кабинете Элариана, находящемся недалеко от библиотеки, на третьем этаже. Кабинет был небольшой и в меру уютный. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами и свитками, и расставленными между теми тут и там резными фигурками разных существ – существующих и мифических (которые сюда притаскивали путешественники, вырезавшие их на досуге долгими походными вечерами). Возле окна стоял письменный стол с целой грудой каких-то бумаг и принадлежностей для письма, за которым и сидел сейчас король в своём тёмно-синем бархатном кресле, откинувшись на спинку и сложив ногу на ногу. В креслах для посетителей – точно таких же – удобно устроились Элай и Кьяра. Королева же предпочла присесть на краешек стола.

Элай начал свой рассказ, взахлёб расписывая красоты природы по дороге и на реке (под откровенные зевки Кьяры), посетовал, что взял мало еды, а фруктовых деревьев так и не нашли (хотя в свитке же написано!), рассказал, как здорово было купаться и про потрясающие огромные камни, похожие на “великанский почти что мост”. При этом он скромно умолчал, что чуть не утонул, искоса поглядывая на мать, – незачем её волновать, вдруг больше никуда не отпустит! И падение Кьяры в воду по той же причине смягчил, как мог. Однако про странных водных страшилищ, которых видел только её глазами, рассказал всё как есть. Очень уж ему хотелось узнать, что они такое! К его некоторому удивлению, отец, только что спокойно и расслабленно улыбавшийся, резко выпрямился в кресле, посерьёзнел и задумался, а изящные брови матери сошлись на переносице. Неужели и вправду что-то опасное? Эта не особенно приятная мысль дополнительно подтвердилась, когда родители тревожно переглянулись.

— Не похоже на стихийных духов, — сказал Элариан, покачав головой. — Да те, по словам волшебников, вовсе и не страшные.

— Мало ли что они говорят. Могли и не упомянуть – никто же, кроме них, не видит, — заметила Лорана.

— Вот именно! Никто не видит. Так с чего бы Кьяра увидела? — возразил король.

— Может, это в её магической природе, — предположила королева.

— Почему тогда раньше не видела? Стихийные духи есть везде.

На это королева ничего ответить не смогла, и оба снова задумались. Элай же смотрел то на одного, то на другого с открытым ртом.

— Эм-м-м… — протянул он, но на него никто не обратил внимания. Родители продолжали хмуриться. Наконец Элариан кивнул, словно придя к какому-то мнению.

— Это вполне могут быть духи-стражи, — вынес он вердикт.

Королева поджала пухлые губы.

— Ты думаешь? Неужели на дне реки стоит один из этих…

— По всей видимости. Смотри, всё сходится: духи появились только, когда Кьяра подошла и заинтересовалась чем-то в воде. Они почувствовали угрозу и проявились.

— А разве не надо сперва коснуться замка?

— Видимо, не обязательно.

— Ну, допустим. Но… рыбы???

— Маскировка.

— Раньше никакой маскировки не было.

— Нельзя судить по трём разам, тем более, что в каждом было по-разному. Тем, в реке, потребовалось слиться со средой, под землёй такого не нужно.

— Хорошо, предположим. Но, если это стражи, почему же Элай тогда ничего не увидел? Его не сочли угрозой?

— Хм. Тут я не уверен. Может, это магическая природа Кьяры провоцирует духов на расстоянии, и ей не надо ничего касаться? А остальным – надо?

— Эм-м… о чём вы говорите?!! — не выдержал Элай.

Элариан вздохнул.

— Извини, — повернулся он к сыну, — но дело тут нешуточное. Может статься, что вы столкнулись с очень опасной магией. Через пару лет – если будешь хорошо учиться, конечно, – ты сможешь узнать о ней подробнее, а сейчас придётся объяснить тебе всё вкратце – раз уж вы с этим столкнулись.

— Мир полон магии – буквально, — начал он, собравшись с мыслями. — Магия – что-то вроде воздуха, только магического – она везде, но неощутима. Чувствуют её лишь наделённые магическим даром – когда способности уже пробудились. Стихийные духи, о которых мы говорили вначале, это как бы сгустившаяся магия, обретшая некое подобие самостоятельной жизни. Обычно это случается при соединении магии с разными стихиями – водой, огнём, воздухом, – потому-то эти духи и названы стихийными. Они неразумны – примерно как насекомые. Видят их лишь волшебники и используют, соответственно, для управления стихиями.

— Здорово! А какие ещё бывают духи? — живо спросил Элай, в котором внезапно вспыхнул интерес к магии, впервые возникший после лягушачьего пруда, но после немного утихший.

— Ещё какие? Ну, ещё бывают разумные – дриады, например. Это духи деревьев. Но их лучше называть не духами, а душами, потому как деревья для них – то же самое, что для нас с тобой физические тела.

— Так, значит, деревья – живые??? — воскликнул Элай, подавшись вперёд. — То есть, живые, прям как мы, а не просто живые, как все растения?

Элариан улыбнулся.

— Не все, — ответил он, — только некоторые. Но на эту тему мы ещё поговорим. Я думаю, сейчас ты хочешь знать, что же за духов видела Кьяра.

Элай хотел. Он хотел знать всё – и про стихийных духов, и про дриад, и про духов-стражей! Его мысли разбегались по всем направлениям, пытаясь охватить необъятное и спросить сразу обо всём. Но про Кьяриных чудищ всё же было актуальнее, поэтому он быстро закивал головой.

— Тогда мне, пожалуй, лучше начать с одной легенды…

— Ух ты! Ещё одна история, как про алхимика-Светлячка?! Про давние времена?! — Элай от возбуждения завертелся в кресле.

— В каком-то смысле да, но не совсем, — Элариан прикрыл глаза, подбирая слова. — Когда-то давным-давно, когда нас, эльфов, ещё не было в этой Долине, задолго до катаклизма, вынудившего нас искать новый дом, в этих местах обитал другой народ – совершенно иной расы. Их внешний облик и жизненный уклад остаются загадкой, потому что, к сожалению, от них не сохранилось ни построек, ни останков, ни предметов быта, кроме… трёх сундуков.

— Сундуков?

— Да. Мы нашли три больших бронзовых сундука. Запертых на очень грубые и с виду простые висячие замки. Мы их, конечно же, легко открыли…

— И что было внутри?? — с любопытством спросил Элай.

— О, внутри лежало много золотых вещей.

— Золотых? — немного разочарованно переспросил Элай. Эльфы мало использовали золото, считая его слишком грубым и вульгарным с эстетической точки зрения и слишком мягким и непрочным с практической. — А что за вещи?

— Очень много украшений. А также чаши, тарелки, подсвечники… Монеты.

— Монеты? Что это?

— Такие маленькие круглые диски. Наверняка они использовались в качестве денег.

— Чего?

— Деньги нужны для того, чтобы обменивать их на разные вещи – еду, одежду, другие предметы…

— Зачем? — удивился Элай. — Можно же пойти и попросить.

— Так это у нас. А у других народов нельзя. Никто тебе ничего не даст просто потому, что тебе это нужно. Придётся заплатить – отдать несколько монет.

Элай с недоумением почесал в затылке.

— А где эти деньги взять? — спросил он.

— Обменять на какие-нибудь вещи. Сделай что-то, нужное другим, и обменяй.

— А если то, что я делаю, сейчас никому не нужно?

— Тогда не видать тебе монет. А значит, и еды, одежды и так далее.

— Но… это же глупо! Значит, я должен всё время делать лишь то, что хотят другие. А вдруг мне это делать не нравится или я не умею?

Король пожал плечами.

— Есть ещё другие способы – нечестные. Можно забрать у других монеты силой или хитростью. Украсть, отобрать. Но тогда ты будешь бояться, что об этом узнают, отберут обратно, накажут тебя. Со своей стороны и другие тоже могут у тебя украсть и отобрать. Тогда ты станешь бояться и этого. В любом случае ты станешь подозрительным, жадным, завистливым, злым и несчастным. Будешь запирать свой дом, прятать золото, оглядываться по сторонам, видеть повсюду врагов…

— Но… но… но я не хочу быть таким! — вскричал Элай.

— И это очень хорошо! Но тебе и не надо, — успокоил его Элариан. — У нас ведь всё устроено по-другому. Однако у древнего народа, жившего здесь, всё вполне могло быть именно так, как я описал. За это говорит хотя бы то, что они прятали свои ценности в сундуки и закапывали их в землю – потому что именно в ней мы и нашли эти сундуки, когда строили Замок и разбивали Сады. Но самое главное и ужасное случилось после того, как мы их открыли; почему я, собственно, и рассказываю тебе эту историю, — король положил локти на стол и подался вперёд. — Оказалось, что все три сундука охраняются.

— Кем?! — от возбуждения Элай даже привстал в кресле.

— Охрана была магической. Стоило лишь коснуться висячего замка, как, словно ниоткуда, возникли страшные существа (наподобие тех, что видела Кьяра в реке) – духи-стражи. Это сущности, искусственно созданные магическим путём. Стражи первого сундука взорвались огненными шарами, второго – били молниями, а стражи третьего ничего не успели сделать, так как нашедшие его эльфы предусмотрительно позвали волшебника.

Ух ты! Огненные шары! Молнии! Интерес Элая взлетел до небес. Ужас и очарование древней магии поражали воображение.

— Значит, у древних жителей тоже были волшебники? — спросил он взволнованно.

— Видимо, были. Но их магия явно не похожа на нашу – природную и естественную. Судя по всему, их магия очень агрессивна и разрушительна. Она используется, чтобы навредить другим. Стражи должны были охранять сокровища своих создателей от посягательств и убивать любого, кто посягнёт на них.

— Убивать?!! — теперь Элай почувствовал настоящий ужас.

— К несчастью, двое эльфов погибли при открытии первого сундука. Это большая трагедия, но она научила нас относиться подозрительно к неизвестным находкам – те могут оказаться опасны. Понимаешь теперь, что если Кьяра видела духов-стражей, то это может означать лишь одно – там, на дне, стоит такой же древний сундук. И он опасен! Сейчас в Замке, как ты знаешь, нет сильных волшебников, чтобы разрядить его, – нужно дождаться их возвращения. Поэтому ни в коем случае ты не должен подходить близко к тому месту на реке, где Кьяра видела стражей, тем более лезть там в воду. Вам очень повезло, что вы не пострадали.

Элай задумался. Мысль, что его или Кьяру эти её водяные лица могли *убить*, казалась жуткой и не укладывалась в голове. С другой стороны… там, на дне, стоит сундук с древними сокровищами! Ужасно интригующе!

Королева Лорана словно прочла его мысли.

— Оно того не стоит, дорогой, — сказала она, подходя к Элаю и ероша ему волосы. — У древних был отвратительный художественный вкус. Их украшения – абсолютная безвкусица! Грубые, примитивные, плохо обработанные! Не говоря уже о том, что золотые. Да у нас новички-ученики делают лучше! Но если уж тебе так хочется на них посмотреть… У нас остались два сундука почти в целости, и всё содержимое на месте – оно никому оказалось не нужно. И опасности больше нет – волшебники об этом позаботились.

— Где?! — воскликнул Элай. Ух ты! Сундуки с древними сокровищами прямо у них в Замке!

— В Западной башне, на самом верху.

Когда топот ног и лап затих где-то в направлении лестницы, Элариан откинулся на спинку кресла и посмотрел на жену.

— Стоило ли говорить ему о сундуках в западной башне? — спросил он.

Лорана кивнула.

— Пусть посмотрит и разочаруется, — сказала она. — Вещи древних и вправду ужасны, разве нет? Я нисколечки не преувеличила, сам знаешь. Видел, как загорелись его глаза при слове “сокровище”? Я точно знаю: у него появилась мысль поиграть в охотников за древностями. Так пусть найдёт их здесь, в башне, и убедится, что *эти* сокровища – обычный мусор. И тогда он не будет повсюду высматривать древние сундуки – особенно в реке.

— А вдруг они ему понравятся?

Лорана с негодованием фыркнула.

— Тогда разочаруюсь я! Как нас могло угораздить не привить ребёнку нормальный вкус?

— Мы с тобой, как охотники за древними сокровищами! — восклицал Элай на бегу, обращаясь к Кьяре. Он мчался по винтовой лестнице западной башни, перескакивая через две ступеньки и представляя, будто карабкается по горной тропинке. Кьяра легко бежала следом, но помалкивала. Сокровища из сундуков её нисколько не интересовали – зачем ей какие-то украшения? Пусть эльфы вешают на себя разные побрякушки – они это любят. А она и так выглядит восхитительно! Видели, какая у неё замечательная золотистая шёрстка? Уж всяко лучше какого-то там золота! А какие грациозные крылья, а осанка? Кьяра была высокого мнения о своей внешности и при виде отражения в зеркале бывала довольна. Однако играть любила. Охотники, так охотники! Она весело помчалась дальше по лестнице, делая вид, что кого-то выслеживает.

Через несколько минут они подошли к двери на последнем этаже башни. Без всяких проволочек Элай открыл дверь и вошёл в круглую комнату, сильно похожую на склад. Здесь стояли какие-то ящики, старая мебель. Многочисленные творения художников-любителей, которые некуда было девать, а выбросить жалко. То же самое касалось статуэток, вышитых подушечек и прочих результатов творческого духа эльфийского племени. В самом дальнем углу, выделяясь

своей чужеродностью, стояли два сундука – действительно довольно большие, Элаю почти до пояса. И как такие махины закапывали и откапывали? – подивился он. Ветхие, потемневшие и позеленевшие от времени, они навевали стойкое ощущение древности. Массивные полукруглые крышки закрыты, но петли пусты – видно, коварные магические замки были уничтожены. Элай с трепетом приблизился и попытался приподнять одну из крышек. Та оказалась тяжёлой, и пришлось поднапрячься, прежде чем она откинулась назад с чрезвычайно противным скрипом. Затаив дыхание, Элай заглянул вовнутрь… А через минуту его лицо скривилось от разочарования. Мама была абсолютно права – это ужасно!

Древние “сокровища” лежали беспорядочной грудой, почти доверху заполняя пространство сундука. Потускневшее золото хоть до сих пор и блестело, но глаз Элая не радовало. Кольца, браслеты, ожерелья, диадемы, броши – всё какое-то тяжеловесное, угловатое, грубо слепленное, кое-как вставленные драгоценные камни не шлифованы. Совсем не похоже на изящные эльфийские произведения искусства. К тому же все до единого украшения действительно были золотыми, а ведь все знают, что по-настоящему красивые вещи могут получиться только из серебра! Вперемешку с украшениями в сундуке валялись также золотые тарелки, чаши, кубки, подсвечники, гребешки для волос, ещё какие-то непонятные Элаю предметы. И монеты. Маленькие круглые диски занимали почти половину места. На обеих сторонах даже что-то изображалось, но Элай не смог ничего понять. В целом содержимое сундука производило тягостное впечатление, словно Элай нашёл кости давно умершего животного. Для него это было новым ощущением, и он не знал, с чем его можно сравнить. Но чувства были удручающими. Для порядка порывшись в “сокровищах”, он наконец откопал одно колечко, более-менее симпатичное. Даже странно, что оно оказалось в этой груде рухляди. На нём мелким орнаментом по кругу шла гравировка: какие-то листики и цветочки, и Элай решил взять его себе как сувенир, – надо же заполучить хоть какой-нибудь трофей от охоты за сокровищами! Колечко оказалось ему великовато, сваливаясь со всех пальцев, и он решил носить его на шее на верёвочке. (Однако впоследствии, положив его “временно” в ящик стола, тут же про него позабыл).

Во втором сундуке было всё то же самое, и Элай не стал осматривать его досконально. Он был разочарован. Сокровища не оправдали его ожиданий. Но сама мысль о древних сундуках, где-то, возможно, закопанных – может быть, даже в самых неожиданных местах! – казалась ему необычайно заманчивой. И ведь один из них был не где-то, неизвестно где, а в одном очень даже конкретном месте – на дне реки, возле больших валунов! Иначе, действительно, откуда бы там взялись эти страшилища – духи-стражи? Конечно, они были очень жуткими – Кьяру-то уж точно напугали! И рассказ о смертельных огненных шарах и молниях вселял закономерный страх. Но интерес от этого вовсе не погас, а усилился. Разумеется, сейчас он не будет нырять в поисках сундука – не совсем же он глупый! Но когда-нибудь… Когда-нибудь он обязательно… Планы Элая на этот счёт выглядели очень расплывчатыми. Ведь надо быть волшебником, чтобы иметь дело с такими опасными магическими сундуками. А он ведь собирается стать путешественником, разве нет? Он уже почти что решил. Море – его голубая мечта. Он должен его увидеть! Так как же сюда могут вписаться древние сундуки? И, кстати, куда подевался третий?

Глава 7. Когда мир переворачивается

I

В следующую пару лет Элая снова затянула рутина. Дни проходили приятно, но одинаково: учёба под руководством отца – короля Элариана, чтение книг в библиотеке, игры с Кьярой (которой это занятие, казалось, никогда не надоест). Куча более мелких повседневных событий, но ничего впечатляющего. Тем не менее он всё же вырывался из этого однообразия и отправлялся на реку – надо же, в конце концов, тренироваться быть путешественником! Его мечта увидеть море осталась при нём, он всё так же был им очарован, и каждый раз, подходя к Дарлинке, видя её необъятный водный простор, представлял, как однажды вот так же ступит на берег моря и увидит перед собой… ещё бóльшую необъятность! И высокие волны! И… и… может быть, какие-нибудь корабли! Эх, жаль, кораблей не водилось у них в Долине! Вот бы переплыть реку, посмотреть – что там, на том берегу, подобраться поближе к горам! А что там, за горами? Он не нашёл ни одного свитка относительно восточных гор, никто туда не добирался – даже его любимый Велиос. Оно и понятно – кораблей-то нет! Даже моста нет! И построить его через широченную Дарлинку, конечно же, нереально. При этих мыслях Элай вздыхал и смотрел на цепочку валунов “недостроенного великанского почти что моста”. И думал: а вдруг это и вправду кто-то строил мост, но ничего не получилось? Может быть, это даже те самые древние жители – любители золота и магических ловушек. Которые сундуки повсюду закапывали. Про них Элай тоже никак не мог забыть. Сама идея зарытых сокровищ будоражила воображение (пусть даже сокровища – так себе), а смертельная опасность добавляла остроты. Именно поэтому он и приходил смотреть на валуны, хоть его настоятельно просили этого не делать. Но он решил, что просто стоять поодаль на берегу совсем не опасно – и поначалу так и поступал. Однако предполагаемый сундук на дне притягивал к себе, словно магнитом, и Элай с каждым разом подходил всё ближе и ближе к воде. Потом он подумал, что ничего плохого не случится, если он заберётся на камни – он же на них уже был и ничего! В первый раз у него аж дух захватило, когда он снова склонился над водой в том месте, где вытаскивал Кьяру. Он затаил дыхание, вглядываясь в глубину, втайне боясь (и ожидая), что сейчас из воды выскочат эти страшные духи-стражи, маскирующиеся под рыб, и утащат его за собой! И даже в какой-то момент настолько испугался, что готов был ретироваться, ругая себя за глупость и беспечность. Но ничего не произошло, в воде никто не показался – ни лица, ни рыбы, – и постепенно он успокоился, ощутив при этом странное нелогичное разочарование. Похоже, просто смотреть в воду для него никакой опасности не представляло, и он опять повторил это на другой день, а потом ещё и ещё. Кьяра при этом напряжённо наблюдала за ним с берега. Она наотрез отказывалась прыгать на камни вместе с Элаем, но очень “громко” стояла над душой, даже находясь на приличном от него расстоянии, явно желая, чтобы он поскорее ушёл с опасного места. Игнорировать её было совершенно невозможно, и Элай со вздохом возвращался обратно на берег. Впрочем, постепенно это занятие ему надоело. Сидя на камне, до сундука не доберёшься, думал он. Но нырять? Нет уж! Он, пожалуй, пока обойдётся без этих сокровищ! Вот когда-нибудь… если он вдруг станет волшебником… вот тогда… А не стать ли ему и вправду волшебником? На самом деле. Без дураков. Тогда он сможет не бояться магических сундуков и нырять за ними куда захочет! С другой стороны… А как же тогда море? Как он будет море искать, если придётся за сундуками охотиться? Чтобы отвлечься от начинающегося внутреннего разлада, Элай перестал ходить к валунам и занялся исследованием Дарлинки (к величайшему одобрению и восторгу Кьяры). Они бродили вдоль реки – то на север, то на юг, – сперва иногда, а потом всё чаще и чаще с ночёвкой, изучая её правый, западный берег. Места повсюду были притягательно-красивые – с песчаными пляжами, где можно купаться и учиться плавать, с разными рощицами (и даже, наконец-то, с фруктовыми, хотя теперь вопросу про-

довольствия и так уделялось значительное внимание), – и Элай начал забывать про сундук с его магией. Да и зачем нужен этот сундук? Сокровища всё равно не интересные. Он же их уже видел дома. А исследование местности – вот это по-настоящему увлекательно! Вот это жизнь!

В какой-то момент – когда весь берег, как ему казалось, был уже исхожен вдоль и поперёк, – Элай вспомнил про лес. Это ведь второе место, куда он хотел попасть, начитавшись писаний Велиоса! И в лесу-то, наверное, было намного интересней, чем на реке! А не пора ли ему уже туда? Может быть, уже можно? На этот раз Элай побежал к родителям без всяких проволочек.

— Нет, ещё, пожалуй, не пора, — ответил на его просьбу король Элариан. — Подрасти-ка ещё немножко. — А королева, стоящая рядом, согласно кивнула головой.

— Ну почему?! — протянул Элай разочарованно.

— Лес – это тебе не река, в лесу легко заблудиться. Но торопиться ни к чему – всё равно ты туда попадёшь со временем.

И отвечал так до тех пор, пока Элаю не стукнуло двенадцать.

Долгожданный день наступил примерно через месяц после дня рождения. К этому времени Элай уже устал то и дело бегать к отцу и спрашивать, не вырос ли он достаточно для леса. Ответы всё время оставались неизменны: “нужно подрасти ещё немного”, “некуда спешить” и “давай-ка лучше займись пока уроками”. Поэтому Элай очень удивился, когда отец сам подошёл к нему и сказал:

— Ну что, не забыл ещё про лес? Сейчас самое благоприятное время, чтобы вам с Кьярой туда отправиться.

Элай не мог поверить ушам: неужели он и правда это слышит?! Отправиться в лес! Ну конечно, он об этом помнит! И, конечно же, хочет!

— Когда??! — воскликнул он возбуждённо.

— Выбирай день на ближайшей неделе, — ответил Элариан, подумав. — И не забудь как следует подготовиться.

— Конечно, пап! — снова воскликнул Элай и убежал поделиться радостной новостью с Кьярой, совсем не интересуясь, с чего это вдруг отец сам предложил ему путешествие в лес.

Выход запланировали на раннее утро – чтобы добраться до леса, расположенного в десяти часах ходьбы, не слишком поздно. Поэтому в четыре часа друзья уже стояли на южной дороге, готовые отбыть. Сонный Элай зевал и протирал глаза. Он был одет в свою походную одежду, в которой хаживал к реке: зелёные штаны, рубашка, водонепроницаемая куртка, на ногах – мягкие мокасины из плотной зачарованной ткани. За плечами – средних размеров рюкзак, в котором лежала в основном провизия – варёная морковь и яблоки (также Элай сильно рассчитывал на местные продукты – ведь есть же в лесу ягоды и фрукты!). На поясе у него болтались две фляжки с водой – ему и Кьяре. Воды должно было хватить на десятичасовую дорогу (а дальше – в лесу же есть ручьи!). Таким образом, он был полностью экипирован и готов к выходу. Кьяра, тоже широко зевая, стояла рядом. Она была не слишком довольна тем, что ей не дали поспать, но в целом ощущала энтузиазм – просто в данный момент он находился где-то глубоко внутри её полусонного существа.

Провожать юных путешественников вышли король и королева, ёжась от прохладного утреннего ветерка и кутаясь в тёплые накидки.

— Далеко в лес не заходите, пока не освоитесь, — давал Элариан последние напутствия, — не сходите с дороги, пока она не закончится. И не забудь, чему я тебя учил.

— Конечно, пап, я всё помню, — Элай рвался поскорее отправиться в путь и слушал вполуха. — Всё будет в порядке, мы вернёмся завтра к ужину.

Элариан на последнее утверждение только хмыкнул и обнял сына. Лорана, молчавшая всё это время, поцеловала Элая в макушку. В её золотистых глазах затаилась тревога, но она улыбалась, желая путешественникам счастливого пути.

Утро, едва народившееся, сияло во всей красе. Солнце только-только вставало над горизонтом, и его первые лучи робкими прикосновениями гладили зелёную траву, мокрую от росы, ложились на щёки тёплыми пальцами, золотили светлые волосы эльфов – длинные, прямые короля, такие же длинные, но пышные и лёгкие, как пух, королевы и короткие, как белый пушок от одуванчика, у их сына. Шёрстку же Кьяры солнце превращало в яркий маленький костерок. Хотя уже не такой и маленький. За последние два года её когда-то довольно хрупкие косточки ещё больше раздались вширь, мышцы окрепли. Крылья тоже значительно выросли, и, хоть все попытки взлететь по-прежнему оставались тщетными, ей всё сильней и сильней этого хотелось.

Наконец все напутствия были сказаны, проводы окончены, и Элай с Кьярой, развернувшись в сторону леса, зашагали по дороге. Обернувшись в последний раз через пару десятков шагов, Элай помахал родителям рукой.

— Не стоило ли подождать ещё годик-другой? — спросила Лорана, маша Элаю вслед и улыбаясь. — Что-то мне немного тревожно.

— Да всё будет в порядке, — ответил Элариан, тоже махая и улыбаясь. — Ближний лес полностью безопасен, ты же знаешь.

— Мы так думали и о Дарлинке. Но наш сын умудрился в первый же раз откопать духов-стражей с проклятым сундуком.

— Ну, сундук там лишь предположительно…

— Кхм.

— К тому же, говоря по чести, духов нашла Кьяра, а не Элай.

— Ну так они же вместе идут…

— И в-третьих, за ними присмотрят. Я ведь специально это время выбрал, пока твой кузен здесь.

— Он что, в лесу?

— Вот именно.

Элаю нравились ранние утра, когда воздух наполнен свежестью и чувством свободы, а тишина разливается по земле, будто невидимое море. Он шёл и дышал полной грудью, а мир просыпался, расстилаясь перед ним в виде цветущих полей и лугов.

Дорога, по которой они шли, была обычной земляной дорогой, протоптанной множеством ног. Не широкая и не узкая – обычная средняя дорога, бегущая вдаль – прямиком к лесу. Протоптали её, конечно же, эльфы, которые часто ходили из Замка в лес и обратно. По местожительству они, как уже ранее выяснил Элай, делились на два типа: лесные и за́мковые. В Замке жило преобладающее большинство: как правило, любители комфорта и общества, а также те, кому по роду деятельности в Замке казалось удобнее – различные мастера и особо творческие натуры, ну и любители открытого неба, разумеется. Те же, кого пленяли зелёные своды вековых деревьев, тишина и уединение, одним словом, любители природы и одиночества становились лесными эльфами и жили в лесной деревне, а иногда и отдельно от всех, как отшельники. Они только изредка покидали свой любимый лес, чтобы пополнить запасы вещей и предметов быта, производящихся в Замке, либо чтобы навестить родных и друзей. Жители Замка, в свою очередь, приходили в лес за местными продуктами: лесными ягодами, грибами, орехами, целебными травами, древесиной упавших деревьев и так далее. Ну и навестить близких, выбравших лесную жизнь. В общем и целом, обе общины эльфов тесно взаимодействовали, тем более что эльфийское долголетие весьма способствовало укреплению отношений.

Вот потому-то дорога, по которой шли сейчас Элай и Кьяра, всегда была хорошо протоптанной. И вскоре, когда Замок растаял позади, осталась только она.

По обеим сторонам от неё до горизонта расстилались луга с дикими травами. Роса сверкала в их зелени подобно бриллиантам, разбросанным щедрой рукой, и переливалась в лучах восходящего солнца. Погода была прекрасной, небо безоблачным, и лёгкий ветерок пел свою песню. Друзья чувствовали душевный подъём. Они перестали непрерывно зевать, настроение стремительно взлетало вверх. Скоро Элай обнаружил, что, по примеру ветра, напевает весёлую песенку в такт шагам. И идёт, подпрыгивая. Кьяра вообще резвилась где-то в стороне от дороги, скача по мокрой траве и сгоняя бабочек с попадавшихся полевых цветов. Они кружились у неё над головой, а она пыталась ловить их лапами, но всё время промахивалась – Элай подозревал, что специально.

Проходили часы. Постепенно луга сменялись цветочными полями. Они прошли поле ромашек, с которого на них смотрело множество маленьких пушистых солнышек в обрамлении белых лепестков, и поле, всё сплошь заросшее васильками, похожее на синее озеро. А жёлто-оранжевое поле календулы почему-то вселяло в сердца необъяснимую радость. Были и другие цветы, и дорога бежала и бежала меж них, маня друзей всё дальше и дальше, к их долгожданной цели. Это путешествие не было похоже на их самое первое – к реке. Наличие дороги и набитого припасами рюкзака за спиной явно делало своё дело, вселяя дополнительную уверенность. А может, он просто научился правильно путешествовать, размышлял Элай, останавливаясь на очередной короткий привал и отсчитывая в уме, сколько им примерно ещё идти.

Наконец впереди показалась тёмная полоска леса, которая с каждым шагом становилась всё больше и отчётливей. Вскоре уже можно было различать отдельные деревья с пышными кронами, освещёнными послеполуденным солнцем, а также сумрак, царящий в глубине. Этот контраст света и тьмы вызывал внутреннее волнение. Сердце Элая взволнованно забилось. Какие же тайны ждут их в этом загадочном лесу?

Подходя ближе к деревьям, они замедляли шаг, пока окончательно не остановились. Вблизи лес внушал трепет. Даже с краю деревья были очень большими. Элай не смог бы обхватить их руками, а чтобы увидеть верхушки, приходилось задирать голову к самому небу. Он никогда раньше таких не видел. В Садах росли, в основном, фруктовые – достаточно тонкие и невысокие. Растительность вдоль берега Дарлинки также высотой не отличалась, а маленькие рощицы, попадавшиеся недалеко от воды, составляли по большей части тонкоствольные изящные деревца. Самыми высокими деревьями, которые видел Элай в своей жизни, были несколько стройных тополей, растущих возле стен Замка. Они возвышались и над садом, и над последним этажом. Но по сравнению с лесными исполинами, представшими глазам Элая, эти великаны казались карликами.

Дорога под ногами сузилась до небольшой тропинки, исчезая в лесу. По обеим сторонам от неё, словно стражи, охраняющие вход в тайную обитель, высились два высоких, статных дерева, удивительно похожих меж собой. И хоть войти в лес можно было где угодно рядом, както само собой напрашивалось, что идти нужно именно по дорожке между стражами, как будто лишь этот проход – единственно верный. По крайней мере, так показалось романтической натуре Элая, и он решил, конечно же, пойти этим *правильным* путём – ведь это же естественно войти в дом через парадную дверь, а не через заднее окно! Во всяком случае, в первый раз. Это как первое знакомство, при котором необходимо представиться как положено. Они впервые посмотрят на лес, а тот впервые посмотрит на них. В Элае нарастало стойкое ощущение, будто лес наблюдает за ним, гадая, кто же это такой пришёл к нему в гости нежданно-негаданно.

Чтобы достойно пережить этот торжественный момент первой встречи, друзья решили чуток отдохнуть с дороги и немного подкрепиться. Продуктов они брали с собой достаточно, но рюкзак за время пути всё равно успел значительно полегчать, а фляжки с водой почти опу-

стели. Впрочем, так как Элай рассчитывал перейти на местное самообеспечение, ему это казалось нестрашным. В отличие от Кьяры. Кьяра не верила в местное самообеспечение и ещё в Замке настаивала на том, чтобы взять с собой всего побольше. Правда когда Элай предложил ей самостоятельно нести сколько захочется – предсказуемо замолчала и сделала вид, что ничего не просила. Посмеиваясь, он всё же положил несколько лишних варёных морковок – так, на всякий случай, – и сейчас они терпеливо дожидались этого случая на дне рюкзака.

Ели молча и быстро, торопясь поскорее продолжить прерванный путь. Кьяра поглядывала на лес настороженно. Её веселье прошло, и она была непривычно серьёзна и собрана, словно предчувствуя важность момента, когда они войдут под зелёные своды. Впервые Элай не мог понять, что она чувствует. Но предполагал, что примерно то же самое, что и он: волнение и предвкушение, лёгкий страх и притяжение неизвестности. Ну, может быть, что-то ещё, связанное с её воспоминаниями раннего детства, ведь её нашли в почти таком же лесу. А значит, лес – её родная среда. Что может чувствовать существо, возвращающееся на давно потерянную родину? Что бы чувствовал он сам?

Привал закончился. Элай закинул рюкзак за плечи, подошёл и встал между двумя деревьями-стражами. Зачем-то пригладил волосы, поправил одежду, словно готовился шагнуть в неизвестное при полном параде. На душе царило торжественное настроение, впереди – таинственный лесной полумрак. В этот момент подул ветер, и деревья зашелестели листьями. “Они словно машут мне ветками в приветствии, — подумал он. — Словно приглашают к себе.” Деревья всё больше начинали казаться ему разумными – они будто видели и слышали его, а шелест листьев походил на шёпот. Он вспомнил упоминание отца о дриадах – душах деревьев. Только некоторых, но как отличить? Вдруг они обитают как раз в этих двух, неуловимо похожих на стражей, хранящих невидимый проход… или на хозяев, стоящих у парадных дверей и встречающих путников – гостей леса! Они с Кьярой сейчас эти самые гости и есть – собираются войти. Как-то их встретят? Откроются ли двери? Не случится ли чего необычного? Воображение Элая разгулялось, ему уже мерещилось некое колебание воздуха, некая дымка, завеса, этот мифический невидимый проход закрывающая. Он набрал побольше воздуха, словно вознамерившись нырять в глубину, и с замирающим сердцем сделал маленький шажок вперёд. Потом ещё и ещё. Оказавшись в лесном полумраке, он остановился и выдохнул. Ничего особенного, конечно же, не произошло, и на самом деле, он ничего такого и не ждал: ни волшебного мерцания, ни сопротивления воображаемой завесы. Но всё же был немножко разочарован – первая встреча с лесом оказалась обыденной.

Однако пройдя ещё немного по тропе, в которую превратилась дорога, и взглянув наверх, он не смог удержать восхищённый вздох – разочарования как не бывало. Древесные стволы уходили ввысь на невероятную, как ему казалось, высоту, а вместо неба над головой виднелся колышущийся от ветра зелёный свод, голубизна же лишь кое-где проглядывала сквозь него, похожая на яркие синие брызги. Ого-го! Так и голова закружится! Как же здесь удивительно! – думал Элай. И ведь такие деревья тут повсюду, просто куда ни посмотри! Хотя, это же лес, напомнил он себе. Здесь и должны быть везде деревья. И – кто знает, у скольких из них есть души-дриады! А интересно, вдруг мелькнула у него мысль, есть ли душа у леса целиком? Он на миг задумался, а потом помотал головой – какие странные мысли приходят на ум! И откуда берутся? Душа леса – ну надо же! Но, может, это потому, что лес вокруг казался ему невероятно живым. И немного сказочным – наверняка из-за солнечных лучей, что проникали сквозь плотный лиственный заслон то тут, то там и разбавляли полумрак своим полуфантастическим свечением. А ещё в Элае усиливалось чувство, что за ним кто-то постоянно наблюдает. Со всех сторон, отовсюду. Это деревья! – возникла у него ещё одна странная мысль, незаметно переросшая в почти физическое ощущение. Деревья. Это точно они! Он был уверен. Они все на него смотрели, и все по-разному! Вот одно – глядело с любопытством. А это, другое – отчуж-

дённо, с подозрением. А то дерево с белым стволом прямо искрилось весельем. Элай готов был поклясться, что слышит отголоски женского смеха, похожие на серебряные колокольчики. А вот старое дерево, заросшее мхом – поскрипывает, провожая их взглядом: оно смотрит спокойно, с многовековой мудростью; оно знает, кто они, знает, кем они станут…

Элай вдруг очнулся. Тишина. Никакого смеха, никакого скрипа, только ветер шелестит листвой где-то наверху да кричит вдали какая-то птица. Что это было? Он провёл рукой по лбу. Сон? Явь? Он как будто спал, а теперь проснулся. Или – наоборот. Только что лес был живым, деревья были живыми. Они почти разговаривали с ним, смотрели на него, знали о нём. И вдруг всё исчезло. Мир стал обычным и… каким-то пустым. Чего-то не хватало. Деревья стояли вокруг, устремляясь в небеса, неподвижно и молча, всё на тех же местах. Элай узнал их: вот дерево с белым стволом, вот старое, замшелое. Но теперь они были похожи на заброшенные дома – погасшие окна, закрытые двери. А может, хозяева просто затаились?

— Мур, мяу, мур (они прячутся), — раздалось откуда-то снизу. Кьяра, о которой он умудрился позабыть, сидела у его ног, напряжённо оглядываясь по сторонам.

— Кто прячется? — спросил Элай, хоть и догадывался об ответе.

— (Ну, эти... внутри деревьев…) — она неприязненно посмотрела на ближайший коричневый ствол.

— Думаешь, это они, дриады? Ты что, их видишь?

Ответ Кьяры был не вполне понятен: да, нет, не знаю… Похоже, она и сама не могла определиться. Может, тоже просто ощущает чьё-то внимание?

— А почему прячутся? — спросил озадаченный Элай.

Кьяра мысленно пожала плечами: ей-то откуда знать?

Они замолчали.

Элай немного потоптался на месте и зашагал дальше по тропинке. А что ещё делать? Надо продолжать путешествие. Знакомство с лесом оказалось не таким уж и обычным. И это было, конечно, здорово, но вселило в Элая некоторую растерянность. Неужели это были они – дриады? Или им просто что-то померещилось? Честно говоря, он почему-то думал, что дриады вполне себе видимы. Ну… как духи-стражи в реке. Хоть отец и уточнил тогда, в том давнем разговоре, что дриады – это скорее души, чем духи. А души-то ведь невидимы, вот он, Элай, свою не видит, а только ощущает. И Кьярину, и остальных… Он просто знает, что душа у них есть, да и всё. А как её можно увидеть? Он задумался… Ну… может быть… наверно, только через глаза – во взгляде. Тогда её точно видно, хоть и непонятным образом. А у деревьев-то глаз нет, как же увидеть *их* душу? Он продолжал идти и размышлять, совершенно перестав смотреть по сторонам, полностью погрузившись в свои мысли.

Кьяра брела за ним, глядя строго себе под ноги, – не бегала, не изучала окрестности. И старалась не касаться деревьев. Она вообще теперь смотрела на них подозрительно. Подумать только, а раньше они ей нравились! Когда она была маленькая, то с удовольствием на них залазила. Правда, потом её приходилось оттуда снимать, но это уже детали. Когда же подросла, для лазания остались лишь самые толстые – в основном под стенами Замка, – но удовольствие никуда не девалось, да и приятные воспоминания из детства оставались. До сих пор. Теперь они все заменились *неприятными* впечатлениями от этого дурацкого леса. Как только она в него вошла, все до единого деревья тут же вспыхнули каким-то непонятным белым свечением. Оно охватывало стволы по всей длине, все ветки и листья, и совсем ни на что не походило – ни на отражения солнечных лучей, ни на свечение светлячков, ни на огонь от свечей и печки. Но это бы ещё ничего. Самое пренеприятное случилось после. Когда Кьяра подошла к одному из этих светящихся деревьев – тому, с белой корой – и опёрлась о ствол передними лапами, чтобы рассмотреть поближе, что это там такое светится, ей прямо на нос упала сверху сухая ветка! Она была совсем не тяжёлая, но нос – чувствительное место, и Кьяра, мотая головой,

инстинктивно отскочила назад – просто от неожиданности. При этом запнувшись о какой-то корень – она не привыкла, что куча корней повсюду торчит из земли! В любом случае, это не повод для смеха, а именно он и раздался, как будто из воздуха. Хотя нет, вовсе не из воздуха, а от этой... белостволки! Да-да, именно от неё – Кьяра была уверена – дерево над ней *смеялось!* От испуга (а ещё больше от обиды) она зашипела в сторону обидчика, но смех – женский, между прочим, – стал ещё звонче. Совершенно непереносимо и возмутительно! А тут ещё Кьяра заметила, что и другие деревья проявляют к ней интерес. Она это чувствовала всем своим нутром – деревья совершенно точно видели её, даже без всяких глаз. Их внимание скользило по ней, покалывало её подобно невидимым острым иголочкам – они её оценивали. А потом свечение (и внимание) вдруг пропало, словно кто-то потушил свет. “Спрятались”, — подумала она и вздохнула с облегчением. Но неприятные ощущения остались – как будто кто-то смотрит из-за запертой двери… и перешёптывается.

А потом Элай остановился – тоже что-то почувствовал! – и сказал, что это дриады. Кьяра понятия не имела, кто это. В том разговоре с королём, где о них шла речь, её интересовали только страшные лица из реки и то, не будут ли они видеться ей повсюду, а всё остальное она пропускала мимо ушей. Такие же подробности, как названия, и теперь казались ей не особо важными. Какая разница? Ну, дриады, так дриады. Как их ни назови, лишь бы больше не вылазили из своих деревьев! И корни под ноги не совали! Потому что те, как назло, были повсюду, включая тропинку. Конечно, сами по себе они проблем не доставляли, но ведь это же не просто корни. Это *их* корни! А вдруг они ей что-нибудь сделают? Нет уж, лучше она и корни задевать не будет. И Кьяра высоко поднимала лапы, аккуратно их перешагивая.

Где-то с полчаса они шагали по тропинке, вьющейся между деревьев. Вокруг царила тишина, только изредка слышались короткие птичьи трели, да ветер шелестел листвой. Элай почему-то думал, что в лесу будет более оживлённо. Может, все попрятались? Из-за них, что ли? Или здесь всегда так? Где все звери, которыми должны быть полны леса? А может, их дриады распугали? Хотя нет, дриады же тоже здесь живут – наверняка к ним все местные привыкли. Да и не страшные они вовсе. Элаю они показались скорее удивительными. Если, конечно, это были они, и ему не померещилось. Но ощущение чужого внимания было таким отчётливым и ясным! И ещё при этом что-то непонятное творилось с окружающим миром – тот словно отдалился и приблизился одновременно. Как такое может быть? Поломав немного голову над этим вопросом, Элай сдался – всё равно ничего не понятно – и стал думать о деревьях и их душах: почему у некоторых души есть, а у некоторых нет. Вот у эльфов, например, у всех есть. И у животных… вроде бы. А интересно, у насекомых тоже есть? У пчёл, допустим? Или у тех душа общая – коллективная, как они сами? Или всё-таки индивидуальная? Элай вспомнил, как пчёлки сидели у него на ладони, когда он приходил на пасеку. И ему тогда казалось, что каждая смотрит на него и хочет что-то сказать. Нет, всё-таки у пчёл души индивидуальные! Да это и логично: душа же после смерти рождается заново в другом месте, а как она это сделает, если будет не в одном теле, а сразу во многих – целом пчелином рое? Рой же целиком не умирает, и душа бы тогда попросту в нём застряла… Дойдя до этих рассуждений, Элай вдруг осознал, что почему-то стоит на месте. Подняв голову, он огляделся, и всё стало понятно: оказывается, тропинка закончилась, приведя его к небольшой поляне, и его ноги, проявив похвальную самостоятельность, остановились на её границе.

Поляна показалась Элаю очень примечательной – и не только потому, что была первой лесной поляной, которую он увидел. И не потому, что посреди неё лежало средней величины упавшее дерево – старое, сухое, почти без коры, с торчащими наружу корнями и стволом, частично ушедшим в землю. А потому, что возле этого дерева стоял фонарь. Маленький, ручной, из хрустального стекла, с закрытым верхом и открытой сбоку дверцей – для светлячков.

Внутри виднелась железная тарелочка со специальным лакомством. Которое, кстати, уже почти закончилось, как стало ясно чуть позже. Сейчас же Элай стоял и просто глазел на фонарь, как на какую-то диковину. Нет, такие фонари он уже видел в Замке, но здесь! Здесь-то он откуда??? В растерянности Элай обернулся к Кьяре – чтобы поделиться своим удивлением, и удивился ещё больше: Кьяра почему-то сильно отстала и всё ещё брела по тропинке – еле-еле, а ещё она почему-то высоко поднимала лапы, перешагивая через каждый мало-мальски выступающий из земли корешок. Чего это с ней? Он уже собрался было об этом спросить, но тут его мысли совершили скачок: одна из них внезапно показалась чрезвычайно важной, и он быстро подбежал к фонарю, чтобы заглянуть вовнутрь. Так и есть – лакомство почти отсутствует, осталось совсем немного! Но оно там явно было, а значит, кто-то скоро придёт его пополнять! Иначе зачем здесь этот фонарь? Элай не видел смысла в вещах, если ими не пользуются. Если есть фонарь, значит, кому-то он здесь нужен, а значит, этот кто-то должен прийти, и почему бы им его не дождаться?

Тем временем Кьяра добралась-таки до поляны и с облегчением побежала в центр, к упавшему дереву. Её облегчение было понятным: деревья на поляне не росли – только короткая мягкая травка, корни из земли не торчали, а упавшее дерево было неживым, следовательно, смеяться над ней уже никак не могло! Улёгшись на травку, она глубоко удовлетворённо вздохнула и со своей безопасной позиции с подозрением уставилась на *живые* деревья, окружающие поляну плотным кольцом, – ни за что она к ним теперь не подойдёт – даже не просите, так и будет здесь сидеть!

Решение дождаться владельца фонаря само собой предполагало длительный привал прямо на поляне. Может быть, даже с ночёвкой. Обустроившись (то есть скинув рюкзак и вытащив из него спальник), Элай решил пока обследовать окрестности. Чтобы не заблудиться, он намеревался ходить расширяющимися кругами, но после нескольких таких кругов понял, что лишь запутался в сторонах света. Тогда (не без некоторого труда вернувшись на поляну) он решил выбрать какое-то одно направление и идти строго по прямой. К сожалению, этот метод тоже оказался не идеальным: какую бы прямую он ни выбрал, на пути постоянно что-то возникало – то дерево, то группа кустов, – и он сбивался. Похоже, лес – в отличие от Садов – никаких прямых линий не предусматривал и рос так хаотично, как хотел. Конечно, Элай уже умел ориентироваться – по солнцу, по мху на стволах и так далее, – но в лесу это не особенно помогало: солнце было плохо видно из-за облаков и смыкающихся наверху крон, а мох почему-то рос со всех сторон дерева, а не только с северной, как ему полагалось. Но, к своему удивлению, Элай обнаружил ещё один способ – довольно необычный. Оказывается, он мог различать и запоминать деревья “в лицо”, для него все они вдруг стали уникальными, с индивидуальными чертами. Раньше он за собой такое не замечал! И эта неожиданно проявившаяся способность оказалась очень полезной, помогая возвращаться по своим следам. В результате Элай настолько увлёкся и осмелел, что стал уходить от поляны гораздо дальше и к вечеру наисследовал, как он считал, достаточно большую территорию. Нашёл ещё пару маленьких полянок, премилый ручей и даже встретил оленя (наконец-то хоть какой-то зверь!). Он узнал его по картинке из книги – величественное стройное животное с потрясающими ветвистыми рогами. Оно стояло между деревьев и наблюдало за Элаем, ничуть его не боясь. На краткий миг они встретились взглядами, и Элаю вдруг показалось, что он полностью понимает оленя: о чём тот думает, что чувствует, куда направляется. Но мимолётный контакт прервался и всё понимание вмиг улетучилось – если вообще было. А потом исчез и олень, стоило Элаю на пару секунд отвлечься. После этой встречи в его восприятии словно что-то изменилось, а может, лес признал его своим, – он стал замечать лесную жизнь: разные мелкие животные сновали вокруг по своим делам, глядя на него чёрными глазками-бусинками, птицы запели из листвы.

Словом, стало гораздо оживлённее и, в целом, будто бы уютнее. Лес всё больше походил на лес, и Элаю он определённо нравился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.